

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru> 2021. № 2

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алматы, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
В. Л. Татаринцев, д-р сельскохозяйств. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № РС77-77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» — **П 2848**.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций соискание на ученых степеней доктор и кандидат наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Editorial Council

E. A. An, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
A. M. Asaliyev, Prof. (Moscow);
P. A. Orehovskii, Prof. (Moscow);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
V. L. Tatarintsev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019

The journal “Economics Profession Business” is included in the “List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the higher attestation Commission of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation for the publication the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences in the specialty 08.00.05 — Economics and National Management of People Economy.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library)

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бутакова М. М., Соколова О. Н., Горянинская О. А.</i> КАЧЕСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ АПК НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МИРОВОМ РЫНКАХ	5
<i>Водясов П. В.</i> ДОКТРИНА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ: ОТ ПОСТАНОВКИ ЦЕЛИ К МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ	13
<i>Волосков А. Б.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	21
<i>Герауф Ю. В., Глотова Н. И.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ АПК АЛТАЙСКОГО КРАЯ	29
<i>Горбунова А. Ю., Горбунов Ю. В., Межова Л. Н.</i> О СОЗДАНИИ ВНУТРЕННЕГО ИСТОЧНИКА УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ОРГАНИЗАЦИИ НА БАЗЕ МЕТОДА УПРАВЛЕНИЯ ТАЛАНТАМИ	36
<i>Добрыднев С. И., Добрыднева Т. С.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ ПОКУПАТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ К ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА	44
<i>Кошевой О. С.</i> ДИАГНОСТИКА ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНА В НАПРАВЛЕНИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ	50
<i>Кузьмин П. И., Зиновьев А. Г., Обиремко С. И., Исаева О. В.</i> АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА АЛТАЙСКОГО КРАЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	59
<i>Левченко Т. П., Молдажанов М. Б., Пуричи В. В., Стрижкина И. В.</i> МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТЬЮ ГОСТИНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	68
<i>Мищенко В. В., Мищенко И. К.</i> ЭСКАЛАЦИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ	77
<i>Семина Л. А., Санду И. С., Филимонова Н. Г., Глубоков И. О.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЛИНГА	84
<i>Сергиенко А. М., Кулаева Т. А.</i> ПРАКТИКИ И ЭФФЕКТЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ	89
<i>Троцкий А. Я., Сабына Е. Н.</i> АЛТАЙСКИЙ КРАЙ: ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ НИВЕЛИРОВАНИЯ	100
<i>Чиркова О. А.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	110
<i>Шевчук Н. А., Кудинова М. Г.</i> ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА	116
<i>Яценко А. В.</i> ЭКОНОМИКА РОССИИ: ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ	125
НАШИ АВТОРЫ	134

CONTENTS

<i>Butakova M. M., Sokolova O. N., Goryaninskaya O. A.</i> FOOD QUALITY AS A FACTOR OF ENSURING THE COMPETITIVENESS OF AIC PRODUCTS ON THE NATIONAL AND WORLD MARKETS	5
<i>Vodyasov P. V.</i> FOOD SECURITY DOCTRINE: FROM SETTING A PURPOSE TO A METHOD TO EVALUATE ITS ACHIEVEMENT	13
<i>Voloskov A. B.</i> ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL STATE PROGRAMS (ON THE EXAMPLE OF THE EDUCATION DEVELOPMENT PROGRAM OF THE ALTAI TERRITORY)	21
<i>Gerauf Yu. V., Glotova N. I.</i> ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF EDUCATIONAL SUPPORT OF AIC OF ALTAI KRAI	29
<i>Gorbunova A. Yu., Gorbunov Yu. V., Mezhova L. N.</i> CREATING AN INTERNAL SOURCE OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH OF THE ORGANIZATION ON THE BASIS OF TALENT MANAGEMENT	36
<i>Dobrydnev S. I., Dobrydneva T. S.</i> APPLYING CONSUMER BEHAVIOR MODEL TO THE STUFF LABOR MOTIVATION	44
<i>Koshevoy O. S.</i> DIAGNOSTIC ASSESSMENT OF THE STATE OF DIGITALIZATION IN THE REGION IN THE DIRECTION OF RENDERING STATE AND MUNICIPAL SERVICES TO THE POPULATION	50
<i>Kuzmin P. I., Zinoviev A. G., Obiremko S. I., Isaeva O. V.</i> ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE GROSS REGIONAL PRODUCT OF THE ALTAI TERRITORY USING ECONOMETRIC MODELING METHODS	59
<i>Levchenko T. P., Moldazhanov M. B., Purichi V. V., Strizhkina I. V.</i> METHODOLOGICAL APPROACH TO CREATING A MODEL OF COST-EFFECTIVE MECHANISM FOR MANAGING INNOVATIVE ACTIVITY OF HOTEL ORGANIZATIONS	68
<i>Mishchenko V. V., Mishchenko I. K.</i> ESCALATION OF IMPORT SUBSTITUTION AS A REALITY AND A NECESSITY FOR IMPROVING THE STRUCTURE OF THE DOMESTIC ECONOMY	77
<i>Semina L. A., Sandu I. S., Filimonova N. G., Glubokov I. O.</i> TRANSFORMATION OF THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM IN THE PROCESS OF FORMING A CONTROLLING SYSTEM	84
<i>Sergienko A. M., Kulaeva T. A.</i> PRACTICES AND EFFECTS OF MUNICIPAL SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE RURAL DISTRICT	89
<i>Trotskovskiy A. Ya., Sabyna E. N.</i> ALTAI TERRITORY: CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC AND DIRECTIONS FOR THEIR LEVELING	100
<i>Chirkova O. A.</i> INFORMATION SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC PROGRAMS FOR THE DEVELOPMENT OF THE MUNICIPAL FORMATION	110
<i>Shevchuk N. A., Kudinova M. G.</i> INFLUENCE OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF FUNCTION OF AGRICULTURAL ENTERPRISES ON THE ECONOMIC EFFICIENCY OF LIVESTOCK PRODUCTS	116
<i>Yaschenko A. V.</i> RUSSIAN ECONOMY: WHAT IS NOT ENOUGH FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIES AND ENTERPRISES	125
OUR AUTHORS	134

КАЧЕСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ АПК НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МИРОВОМ РЫНКАХ

М. М. Бутакова, О. Н. Соколова, О. А. Горяннинская
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Проблематика исследования связана с необходимостью и сложностью достижения обозначенной ООН цели устойчивого развития в контексте обеспечения продовольственной безопасности и улучшения питания; цели увеличения объема экспорта продукции агропромышленного комплекса, поставленной Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В работе авторами исследована категория «качество продовольствия» и проанализировано влияние трансформации категории «качество продовольствия» на перспективы роста объема поставок на национальные и мировые рынки продукции АПК, отражены проблемы обеспечения конкурентоспособности продовольственного сырья и продукции растительного происхождения на мировом рынке. На основе методов количественного анализа дана оценка возможностей повышения конкурентоспособности продовольствия, улучшения качественных характеристик продуктов питания в соответствии с требованиями национального рынка и крупнейших импортеров как фактора повышения спроса на продукцию АПК России. Авторами обозначены проблемы наращивания экспортного потенциала за счет повышения качественных характеристик и рассмотрены экономические условия их реализации. Результаты исследований позволят расширить границы научных знаний в отношении влияния качества продовольствия на конкурентоспособность и экспортные возможности производителей.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, продовольствие, качество продовольствия, конкурентоспособность продукции, потребители, безопасность продукции, мировой рынок продовольствия, национальный рынок продовольствия, экспорт.

FOOD QUALITY AS A FACTOR OF ENSURING THE COMPETITIVENESS OF AIC PRODUCTS ON THE NATIONAL AND WORLD MARKETS

M. M. Butakova, O. N. Sokolova, O. A. Goryaninskaya
Altai State University (Barnaul, Russia)

The research problem is related to the necessity and complexity of achieving the UN sustainable development goal in the context of ensuring food security and improving nutrition; the goals of increasing the volume of exports of products of the agro-industrial complex, set by the Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”.

In the work, the authors investigated the category of “quality” of food and analyzed the impact of the transformation of the category of “quality of food” on the prospects for growth in the volume of supplies to the national and world markets of agricultural products, reflects the problems of ensuring the competitiveness of food raw materials and products of plant origin in the world market. Based on the methods of quantitative analysis, an assessment is made of the possibilities of increasing the competitiveness of foodstuffs, improving the quality characteristics of food products in accordance with the requirements of the national market and the largest importers as a factor in increasing demand for products of the agro-industrial complex of Russia. The authors

identified the problems of increasing the export potential by improving the quality characteristics and considered the economic conditions for their implementation. The research results will expand the boundaries of scientific knowledge regarding the impact of food quality on the competitiveness and export opportunities of producers.

Keywords: agro-industrial complex, food, food quality, product competitiveness, consumers, product safety, world food market, national food market, export.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью и сложностью достижения обозначенной ООН цели устойчивого развития, связанной с обеспечением продовольственной безопасности и улучшением питания, поставленной Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; цели увеличения объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров, в том числе за счет наращивания поставок продукции АПК. Достижение цели, поставленной Указом Президента РФ, предполагает решение двух групп задач: увеличение объемов производства и повышение качества продуктов питания; продвижение конкурентоспособных товаров глубокой переработки на внутренние и внешние рынки.

Современные задачи по увеличению экспорта продукции АПК требуют научного обоснования его структуры, страновых предпочтений, осмысления проблем, препятствующих экспорту конкурентоспособной продукции глубокой переработки. Значимость и перспективность национального и мирового продовольственного рынка как сферы растущего спроса на продукцию АПК, развитие глобальной торговли продовольствием, формирование цепочек поставок внутри страны, повышение качества продовольствия для обеспечения продовольственной безопасности определили цель, задачи и содержание данного исследования.

В свете последствий пандемии для продовольственного и сельскохозяйственного секторов ООН считает необходимым принятие оперативных мер для обеспечения жизнеспособности цепочек поставок продовольствия в целях снижения риска крупных потрясений, способных негативно повлиять на население всех стран. Среди мер по устранению рисков Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН выделяет развитие глобальной торговли продовольствием, активизацию работы по формированию цепочек поставок внутри страны.

Для участия в успешной реализации указанных мер необходимы инновационные решения на основе фундаментальных исследований проблем влияния новых вызовов, неопределенности и рисков на обеспечение продовольственной безопасности и конкурентоспособности продукции

АПК. В настоящее время нет формализованной методики, инструментов количественной и качественной оценки влияния качества продовольствия на перспективы роста объема поставок на национальные и мировые рынки продукции АПК. Недостаточное теоретическое обоснование проблем трансформации категории «качество продовольствия» как базовой составляющей системы управления качеством продуктов питания, отсутствие общепризнанных методологических подходов, а также инструментов практической реализации обозначили границы исследования.

Различные аспекты, характеризующие конкурентоспособность агропродовольственной продукции Российской Федерации, затронуты в трудах А. Г. Чепик, Д. А. Чепик, Н. Ю. Кузичевой, В. В. Масловой, М. В. Авдеева, А. А. Анфиногентовой, Т. В. Блиновой, И. Л. Воротникова, В. В. Рау, С. Н. Бочарова, М. М. Бутаковой, В. И. Беляева, О. В. Борисовой [1–6]. Вопросы влияния ценового фактора на конкурентоспособность агропродовольственной продукции на мировом рынке рассматривают И. Г. Ушачев, А. Г. Папцов, А. Г. Серков, В. В. Маслова, В. С. Чекалин, Н. Ф. Запук, А. И. Амосов, М. В. Авдеев, А. А. Копасов, М. В. Харина, Д. А. Чепик, Э. Н. Крылатых, Т. Н. Белова [7, 8].

Несмотря на многообразие и широкий спектр исследований в области конкурентоспособности агропродовольственной продукции, научно недостаточно проработаны вопросы, связанные с многоаспектностью категории качества продовольствия, позволяющие оценить степень влияния его характеристик на перспективы роста объема поставок на национальные, мировые рынки и возможности повышения конкурентоспособности российской продукции АПК.

Целью данной статьи является получение новых знаний о влиянии качества продовольствия на конкурентоспособность продукции АПК, научное осмысление необходимости формирования экономических условий, способствующих повышению качества агропродовольственной продукции как неотъемлемому элементу механизма наращивания экспортного присутствия на мировом рынке продовольствия.

Исследование предполагает использование системного подхода, в рамках которого рассматрива-

ются вопросы качества продовольствия в контексте современных требований с опорой на принципы соответствия и единства теории и практики. Исследование проведено в двух дополняющих друг друга направлениях — в движении от общего к частному и от частного к общему. В качестве общего дедуктивного начала рассмотрена конкурентоспособность продукции АПК на национальном и мировом рынках; как частное — качество продовольственного сырья и продуктов питания растениеводства как ведущей отрасли АПК. Для анализа динамики объема производства и экспорта продукции АПК России использованы методы экономико-статистического анализа, исходной информацией для применения которых послужили официальные статистические данные за 2013–2019 гг.

Рассматривая основные подходы к исследованию категории качества продовольствия, авторы отмечают, что качество в системе экономических показателей в мировой и отечественной литературе недостаточно часто и глубоко анализируется, в том числе по отношению к продукции АПК. В аграрном секторе экономики слабо изучено влияние качества на ее конкурентоспособность.

В настоящее время отсутствие единства в определении категории качества существенным образом влияет на характер и целенаправленность мероприятий, связанных с решением теоретических и практических задач в этой области. Такое положение объясняется тем, что потребители, производители и общество предъявляют различные требования к качеству продукции.

В экономической литературе представлены разные подходы к понятию «качество», которое рассматривается с позиции полезности и потребительской стоимости, соответствия использованию, скрытым потребностям и т. д. Широкий спектр модификаций понятия качества обусловлен сложным комплексным характером этого феномена.

Качество продукции рассматривается как интегральное свойство, охватывающее совокупность характеристик, и в соответствии с действующей редакцией ИСО 9000 характеризуется как степень соответствия совокупности присущих характеристик объекта требованиям. Таким образом, стандартизированное определение рассматривает качество с позиции соответствия обязательным требованиям законодательных и нормативных документов, регламентирующих качество и безопасность продукции, требованиям заинтересованной стороны (импортера, предприятия покупателя) и конечно потребителя.

Качество в условиях рынка наряду с ценой выступает одним из факторов конкурентоспособности, приоритетность и значимость которых характеризуются существенной вариабельностью

в зависимости от социально-экономических условий, поэтому качество и конкурентоспособность — категории связанные, но далеко не совпадающие. Исследование конкурентоспособности на высококонкурентных рынках «предполагает многоуровневую дифференциацию факторов и индикаторов ее роста» [4, с. 6], при этом в зависимости от степени переработки продукции дифференциация значимости факторов будет существенно различаться.

На современном этапе национальной экономики качество не является решающим фактором конкурентоспособности вследствие того, что сельскохозяйственный производитель и переработчик сельскохозяйственной продукции в условиях рынка, ограниченного низким платежеспособным спросом покупателя, экономически не заинтересован в повышении качественных характеристик сырья и продукции. Не следует забывать, что качество продукции свидетельствует о научно-техническом и экономическом уровне производства. Соответственно, решение проблем качества невозможно в отрыве от решения проблем воспроизводства основных фондов и внедрения современных высокотехнологичных производств.

Сложившаяся ситуация с качеством продовольственного сырья и продуктов питания в определенной мере стала следствием того, что в результате реформирования экономики изменились условия производства и оборота сельскохозяйственного сырья и продовольствия. В историческом развитии в России фактору качества не придавалось существенного значения. Проблема повышения качества на протяжении десятков лет сводилась к контролю, что является лишь одной из функций обеспечения качества. Сегодня в соответствии с принципами технического регулирования государство отвечает за безопасность продукции. Данная функция государства реализуется через введение, действие технических регламентов и контроль за исполнением их требований, а обеспечение качества — прерогатива сельскохозяйственных производителей и переработчиков.

Следующей проблемой стало сжатие спроса на внутреннем рынке, снижающее стимулы производителей в направлении производства качественной продукции, так как повышение качества сопровождается ростом себестоимости выпускаемой продукции и падением прибыли. Данные тенденции находят отражение в экспортной политике агропродовольственного сырья и продукции.

Продукция АПК характеризуется разной степенью технологической переработки, поэтому выделяют продукцию нижнего, среднего и высокого переделов. С одной стороны, специфика продукции растениеводства состоит в том, что качество готовой продукции напрямую связано с качеством

и безопасностью используемого сырья, с другой стороны, с повышением степени передела продукции качество конечной продукции необходимо анализировать в неразрывной связи, взаимозависимости прослеживаемости цепочки формирования добавленной стоимости [9]. Обеспечение необходимого качества агропродовольственной продукции достигается в результате взаимодействия участников, задействованных в процессе производства продукции, путем развития всех технологических звеньев.

Качество агропродовольственной продукции в зависимости от степени готовности и видового происхождения — категория, значительно отличающаяся качественными характеристиками и предъявляемыми требованиями. Применительно к продукции растениеводства, например, зерну, качественными характеристиками выступают клейковина, содержание влаги, степень чистоты, число падения и др.

Таким образом, сложность проблемы повышения качества состоит в том, что ей свойственны различные аспекты, каждый из которых отличается присущими ему особенностями. В современных условиях достижение высокого уровня качества обеспечивается через придание системности проводимым изменениям. Повышению качественных параметров производимой продукции АПК «способствуют углубление разделения труда, кооперация и интеграция производства» [1, с. 340].

Так как потенциальные возможности участия отечественных производителей в качестве субъектов мировых рынков продукции АПК растительного происхождения определяются изначально размером посевных площадей и эффективностью их использования, исследованию конкурентоспособности предшествует анализ динамики посевных площадей и результативности их использования в 2013–2019 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Анализ динамики валового сбора и посевных площадей, 2013–2019 гг.

Культуры	Валовый сбор, тыс. тонн			Посевные площади, тыс. гектаров			Коэффициент опережения темпов роста валового сбора по отношению к темпам роста посевных площадей, %
	2013	2019	2019 к 2013	2013	2019	2019 к 2013	
Технические культуры							
Семена горчицы	50	165	326,74	154	374	243,35	134,27
Бобы соевые	1520	4360	286,90	1537	3079	200,33	143,21
Рапс яровой	868	1640	189,00	1087	1357	124,77	151,48
Семена и плоды масличных культур	13150	22769	173,15	11073	14615	131,99	131,18
из них: семена подсолнечника	9852	15379	156,10	7278	8584	117,93	132,36
Семена льна-долгунца	5	7	139,56	55	50	90,00	109,48
Сахарная свекла	39292	54350	138,32	903	1145	126,85	109,05
Рапс озимый	391	420	107,35	239	191	80,00	134,19
Зерновые и зернобобовые культуры							
Зернобобовые культуры	2035	3344	164,31	1978	2164	109,42	150,16
Пшеница	52140	74453	142,79	25076	28092	112,03	127,47
Ячмень	15387	20489	133,16	9018	8793	97,50	136,57
Кукуруза	11606	14282	123,06	2441	2593	106,20	115,87
Рис	935	1099	117,51	190	194	102,07	115,13
Просо	419	440	104,96	470	393	83,60	125,55
Гречиха	834	786	94,21	1096	811	74,06	127,20
Овёс	4948	4424	89,43	3342	2545	76,17	117,41
Тритикале	582	356	61,20	251	140	55,73	109,80
Сорго	172	99	57,37	152	85	56,02	102,40
Рожь	3361	1428	42,50	1833	850	46,36	91,67

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

Анализируемый период характеризуется существенными структурными изменениями в российском растениеводстве, что находит отражение в рейтинге культур по размерам посевных площадей, объемам валового сбора, темпам роста исследуемых характеристик. В таблице 1 сельскохозяйственные культуры проранжированы по темпам роста сбора в рамках групп (технические культуры, зерновые и зернобобовые культуры).

В 2013–2019 гг. наблюдался устойчивый рост валового сбора всех технических культур и таких зерновых и зернобобовых культур, как зернобобовые, пшеница, ячмень, кукуруза, рис, просо. Сравнение динамики валового сбора и посевных площадей зерновых культур проведено авторами на основе коэффициента опережения, который определяется как отношение темпов роста валового

сбора к темпам роста посевных площадей соответствующих культур. Опережающие темпы роста валового сбора по отношению к темпам роста посевных площадей (подтверждаются коэффициентом опережения, значения которого практически по всем культурам выше 100%) позволяют говорить о росте урожайности, повышении эффективности использования посевных площадей, что еще раз подчеркивает актуальность исследования конкурентоспособности российской продукции растительного происхождения на национальном и мировом рынках.

Далее авторами проведен анализ объема экспорта российской продукции растительного происхождения в стоимостном (тыс. долл.) и натуральном (тыс. тонн) выражении и рассчитана средняя цена экспорта (табл. 2).

Таблица 2

Динамика экспорта продукции растительного происхождения, 2013–2019 гг.

Период	Объем экспорта		Средняя цена, долл./тонн	Темпы роста по отношению к предыдущему году, %		
	млрд долл.	тыс. тонн		Объема экспорта в стоимостном выражении	Объема экспорта в натуральном выражении	Средней цены экспорта
2013	5,77	20925	275,75	100	100	100
2014	8,12	32239	251,87	140,73	154,07	91,34
2015	6,94	33947	204,44	85,47	105,30	81,17
2016	6,99	37180	188	100,72	109,52	91,96
2017	9,15	47541	192,47	130,90	127,87	102,38
2018	12,2	59767	204,13	133,33	125,72	106,06
2019	9,91	44408	223,16	81,23	74,30	109,32

Источник: рассчитано авторами по данным Экспорт и импорт России по товарам и странам (URL: <https://ru-stat.com/>)

Объем экспорта продукции в стоимостном выражении в 2019 г. в сравнении с 2013 г. увеличился на 72%, а в натуральном — на 112%, что свидетельствует об укреплении позиций и росте конкурентоспособности продукции растительного происхождения РФ на мировых рынках. В целом анализируемый период характеризуется нестабильной динамикой цены российского экспорта (падение с 2013 г. по 2016 г. на 32% сменилось ростом на 18,7% с 2016 г. по 2019 г.). В 2019 г. по сравнению с 2013 г. средняя цена экспорта продукции растительного происхождения снизилась на 19%, что может свидетельствовать как об общемировой тенденции снижения цены на продукцию растительного происхождения, так и об изменении структуры российского экспорта, стремлении отечественных производителей к увеличению объемов экспорта за счет расширения присутствия на низкоценовых сегментах мировых рынков.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что отечественные сельскохозяйственные товаропроизводители обладают конкурентным преимуществом по исследуемым видам продукции, но это преимущество, по мнению многих исследований, обусловлено ценовой конкурентоспособностью [3, 5, 7, 8], так как на мировом рынке сельскохозяйственного сырья «наиболее важным аргументом» в конкурентной борьбе выступает фактор цены» [7]. Девальвация национальной валюты обусловила снижение средних цен производителей и средних экспортных цен в пересчете на доллары США [4, с. 146].

В структуре экспорта продуктов растительного происхождения за 2013–2019 гг. более 82% составляли злаки, доминирующее положение в их составе занимала пшеница (77%) и значительное — ячмень (10%) и кукуруза (10%). Отметим, что по пшенице наблюдалась положительная динамика, а по ржи и кукурузе — отрицательная (табл. 3).

Таблица 3

Динамика и структура экспорта зерновых и продукции ее переработки

Группа товара	Объем экспорта, тыс. долл.	
	2013	2019
Злаки		
02 1001: пшеница и меслин	3480	6390
02 1003: ячмень	554	706
02 1005: кукуруза	590	533
02 1006: рис	91,7	78,3
02 1008: гречиха и др. злаки	15,6	30,5
02 1004: овес	0,75	20,6
02 1002: рожь	12	10,1
02 1007: сорго	5,8	3,3
Итого	4749,85	7771,8
Продукты из муки и круп		
02 1101: мука пшеничная или ржаная	57,3	103
02 1104: зерно злаков обработанное	58,4	73,9
02 1109: клейковина	13,9	52,6
02 1102: мука из прочих злаков	2,5	4,9
02 1103: крупа, мука грубого помола	14,7	18,5
02 1107: солод	12,5	54
02 1108: крахмал и инулин	5	12,5
02 1105: мука тонкого и грубого помола	1,9	10,2
02 1106: мука тонкого и грубого помола и порошок из гороха, фасоли, чечевицы	0,2	0,34
Итого	166,4	329,94
Пищевые продукты из круп, муки		
04 1901: экстракт солодовый, продукты из муки	95,7	134
04 1902: макаронные изделия	112	102
04 1904: пищевые продукты из вздувания или обжаривания зерна	28,1	30,1
04 1903: тапиока	0,053	0,44
04 1905: хлеб, пирожное, печенье	0,34	0,43
Итого	236,193	266,97

Источник: составлено авторами по данным Экспорт и импорт России по товарам и странам (URL: <https://ru-stat.com/>)

Сравнительный анализ объемов экспорта основных зерновых культур и продукции их переработки в 2019 г. показал, что Российская Федерация занимала 1-е место в мире по объему экспорта (в стоимостном выражении) пшеницы (16% от мирового экспорта), 2-е место — ячменя (10,2%), 7-е место — ржи (3,1%) и лишь 17-е место — продукции мукомольной промышленности (1,6%). Несмотря на то, что объем экспорта продуктов из муки и круп в 2019 г. увеличился по сравнению с 2013 г. на 98%, сохраняется диспропорция между экспортом продукции нижнего и среднего переделов и незначительный вклад зерновой продукции глубокой переработки в структуру и объем экспорта.

Иная ситуация наблюдается в экспорте семян подсолнечника и подсолнечного масла. Занимая 7-е место по экспорту в мире по объему экспорта в стоимостном выражении (5,7%), Российская Федерация устойчиво находится на 2-м месте по экспорту масла подсолнечного (19%) [10].

Таким образом, структура экспорта, за исключением масла растительного, свидетельствует о высокой доли экспортируемой продукции нижнего передела. Повышение доли экспорта продукции АПК с высокой степенью переработки возможно только за счет повышения качества продукции.

Наиболее емкие и экономически привлекательные рынки для поставок российской продукции недоступны по причине высоких входных

барьеров, связанных с установлением страной-импортером фитосанитарных требований для продукции нижнего передела, сильной конкуренции и высоких требований по качеству, низкой маржинальности в отношении продукции высокого передела при сложившихся условиях воспроизводства отечественных производителей. Например, исходя из фитосанитарных рисков, ограничивается число регионов России, экспортирующих пшеницу, кукурузу, рис, ячмень, рапс на территорию Китая [11, с. 3].

Наращивание объемов экспорта должно являться следствием реализации ресурсного потенциала аграрных субъектов Российской Федерации за счет оптимизации объемов производства конкурентоспособной и качественной сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Ресурсный потенциал аграрных регионов России необходимо

реализовывать не только за счет интенсификации агротехнических факторов, но и за счет внедрения в технологический процесс «зеленых» и органических технологий, экспорта высокотехнологичных продуктов селекции. В этих условиях государству следует стимулировать производителей качественной продукции, включая этапы выращивания сельскохозяйственных культур, переработку и производство готовой продукции. Развитие и поддержка сельскохозяйственных производителей в данном направлении позволит на качественно новом уровне подойти к вопросам структуры экспортных поставок, увеличивая долю продукции с более высокой добавленной стоимостью. Стимулирование инновационных подходов к производству качественного сырья и продовольствия на государственном и региональном уровне позволит переориентировать структуру экспортных поставок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чепик А. Г., Чепик Д. А. Повышение конкурентоспособности продукции АПК: проблемы и решения // Актуальные аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного хозяйственного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции / под ред. Г. Б. Клейнера, В. В. Сорокожердьева, З. М. Хашевой. М., 2019. С. 333–341.
2. Кузичева Н. Ю. Конкурентоспособность продукции АПК России на современном мировом рынке сельскохозяйственной продукции // Направления повышения стратегической конкурентоспособности аграрного сектора экономики: материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2020. С. 96–101.
3. Маслова В. В., Авдеев М. В. Конкурентоспособность продукции АПК России в условиях инновационного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 219. №5. С. 104–119.
4. Анфиногентова А. А., Блинова Т. В., Воротников И. Л. и др. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов: монография. Саратов, 2017. 403 с.
5. Рау В. В. Продовольственный экспорт: курс на восток // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 56–67.
6. Бочаров С. Н., Бутакова М. М., Беляев В. И. и др. Экспорт продукции АПК Алтайского края: перспективы, проблемы, целевые рынки: монография. Барнаул, 2020. 244 с.
7. Ушачев И. Г., Папцов А. Г., Серков А. Ф. и др. Развитие экспортного потенциала АПК России: ценовой аспект: науч. изд. М., 2019. 312 с.
8. Крылатых Э. Н., Белова Т. Н. Экспорт российского зерна в контексте формирования региональной экономической политики // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 3. С. 778–790.
9. Бочаров С. Н., Беляев В. И., Бутакова М. М. и др. Глобальные цепочки создания добавленной стоимости как фактор повышения эффективности экономики региона: монография. Барнаул, 2019. 216 с.
10. Butakova M. M., Borisova O. V., Goryaninskaya O. A. Exports of Vegetable Oils to Asian Markets: Opportunities, Risks, and Prospects // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science 670 (2021) 012045.
11. Ромашкин Р. А., Седик Д., Авдеев М. В., Черкасова О. В. Перспективы российского агропродовольственного экспорта на рынке Китая / под науч. ред. С. А. Шобы. М., 2020. 56 с.

REFERENCES

1. Chepik A. G., Chepik D. A. Increasing the competitiveness of agricultural products: problems and solutions // Actual aspects of the implementation of modernization in Russia: search for a model of effective economic development. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference / edited by G. B. Kleiner, V. V. Sorokozherdieva, Z. M. Hasheva. Moscow, 2019. Pp. 333–341.

2. Kuzicheva N. Yu. Competitiveness of products of the agro-industrial complex of Russia in the modern world market of agricultural products // Directions of strategic competitiveness of the agricultural sector of the economy: materials of the International Scientific and Practical Conference. Tambov, 2020. Pp. 96–101.
3. Maslova V. V., Avdeev M. V. Competitiveness of products of the agro-industrial complex of Russia in the conditions of innovative development // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2019. Vol. 219. No. 5. Pp. 104–119.
4. Anfinogentova A. A., Blinova T. V., Vorotnikov I. L. et al. Competitiveness of the agro-food complex of Russia in the context of global challenges: monograph. Saratov, 2017. 403 p.
5. Rau V. V. Food exports: heading east // Forecasting problems. 2018. No. 1 (166). Pp. 56–67.
6. Bocharov S. N., Butakova M. M., Belyaev V. I. et al. Export of products of the agro-industrial complex of the Altai Territory: prospects, problems, target markets: monograph. Barnaul, 2020. 244 p.
7. Ushachev I. G., Paptsov A. G., Serkov A. F. and other. Development of the export potential of the agro-industrial complex of Russia: the price aspect: scientific. ed. Moscow, 2019. 312 p.
8. Krylatykh E. N., Belova T. N. Export of Russian grain in the context of the formation of regional economic policy // Economy of the region. 2018. Vol. 14. No. 3. Pp. 778–790.
9. Bocharov S. N., Belyaev V. I., Butakova M. M. et al. Global chains of added value creation as a factor in increasing the efficiency of the region's economy: monograph. Barnaul, 2019. 216 p.
10. Butakova M. M., Borisova O. V., Goryaninskaya O. A. Exports of Vegetable Oils to Asian Markets: Opportunities, Risks, and Prospects // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science 670 (2021) 012045.
11. Romashkin R. A., Sedik D., Avdeev M. V., Cherkasov O. V. Prospects for Russian agro-food export in the Chinese market / edited by S. A. Shoby. Moscow, 2020. 56 p.

Поступила в редакцию: 23.03.2021.

Принята к печати: 15.04.2021.

ДОКТРИНА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ: ОТ ПОСТАНОВКИ ЦЕЛИ К МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

П. В. Водясов

ИП Водясов (Барнаул, Россия)

Принятая в 2020 г. новая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации представляет собой документ стратегического планирования. В статье рассмотрена стратегическая цель обеспечения продовольственной безопасности, сравнены ее формулировки из новой Доктрины и первоначально принятой в 2010 г. Необходимо дальнейшее совершенствование Доктрины, требуется корректировка методики оценки продовольственной безопасности. В документе содержится два императива, без выполнения которых достижение стратегической цели обеспечения продовольственной безопасности не представляется возможным. Первый императив заключается в том, что доступ к продовольствию должен быть обеспечен каждому гражданину России. Второй императив уточняет первый в том плане, что каждый гражданин России имеет право на доступ к продовольствию в объемах не ниже рациональных норм потребления пищевых продуктов. Методика оценки обеспечения продовольственной безопасности должна базироваться на оценке достижения цели ее обеспечения с учетом всех содержащихся в тексте Доктрины императивов. Предложена скорректированная система показателей оценки обеспеченности и самообеспеченности продовольствием, обеспечения физической и экономической доступности продовольствия.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, доктрина, продовольственная независимость, физическая доступность, экономическая доступность, продовольствие, самообеспечение региона, планирование, императив.

FOOD SECURITY DOCTRINE: FROM SETTING A PURPOSE TO A METHOD TO EVALUATE ITS ACHIEVEMENT

P. V. Vodyasov

SP Vodyasov (Barnaul, Russia)

The new Food Security Doctrine of the Russian Federation, adopted in 2020, is a strategic planning document. The article contains a review of the strategic goal of ensuring food security, as well as a comparison of its formulations from the new Doctrine and from the one originally adopted in 2010. The doctrine needs further improvement to adjust the methodology for assessing food security. The doctrine contains two imperatives, without which the achievement of the strategic goal of ensuring food security is not possible. The first imperative is that every citizen of Russia must have access to food. The second imperative clarifies the first in the sense that every citizen of Russia has the right to access to food in volumes not lower than the rational norms of food consumption. The methodology for assessing food security should be based on assessing the achievement of the goal of ensuring it, taking into account all the imperatives contained in the text of the Doctrine. An adjusted system of indicators for assessing food security and self-sufficiency, ensuring the physical and economic accessibility of food was proposed.

Keywords: food security, doctrine, food independence, physical accessibility, economic accessibility, food, regional self-sufficiency, planning, imperative.

В течение последних десяти лет в научном сообществе не утихают споры о необходимости внесения изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации (далее — Доктрина) [1, с. 83; 2, с. 68]. Существует необходимость корректировки Доктрины таким образом, чтобы ее положения служили основой для разработки унифицированных с нею региональных нормативных правовых документов, регламентирующих обеспечение продовольственной безопасности отдельных регионов (субъектов Российской Федерации). Такого рода правовые акты приняты в ряде регионов, в частности, в Костромской, Ульяновской и Курской областях, Приморском крае и т. д. Однако сравнительный анализ их содержания показывает, что региональные законы об обеспечении продовольственной безопасности регионов не унифицированы, в значительной степени различаются друг от друга по содержанию, хотя концептуально и соответствуют Доктрине [3]. Таким образом, заложенный в Доктрине принцип: «...органам государственной власти субъектов Российской Федерации руководствоваться положениями Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации в практической деятельности и при разработке нормативных правовых актов, касающихся обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации» [4], безусловно, соблюдается, но реализуется в каждом конкретном случае по-разному. В большинстве же регионов страны отдельные нормативные правовые документы, областные либо краевые законы, на данный момент не разработаны и не приняты. Это затрудняет формирование единой системы мониторинга обеспечения продовольственной безопасности — одного из основных направлений государственной экономической политики Российской Федерации, провозглашенных в 2010 г. в результате принятия Доктрины.

Первоначально Доктрина была утверждена Указом Президента № 120 от 01.02.2010 и представляла собой «совокупность официальных взглядов на цели, задачи и основные направления обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации». В 2020 г. была принята новая Доктрина, утвержденная Указом Президента № 20 от 21.01.2020. Одно из важнейших изменений — статус документа. Теперь Доктрина — «документ стратегического планирования, в котором отражены официальные взгляды на цели, задачи и основные направления государственной социально-экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации» [5]. В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Доктрина

относится к документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания [6]. Соответственно, основная задача Доктрины как документа стратегического планирования — задать стратегическую цель. Она была зафиксирована еще в первоначальной Доктрине, принятой в 2010 г., с некоторыми изменениями перенесена в текст новой Доктрины (табл. 1).

Таблица 1

Стратегическая цель обеспечения продовольственной безопасности России

Документ	Формулировка стратегической цели
Доктрина 2010 г.	Обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием
Доктрина 2020 г.	Обеспечение населения страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции

В новой Доктрине стратегическая цель обеспечения продовольственной безопасности по своей сути осталась прежней. Это — обеспечение населения продовольствием. Но теперь эта цель конкретизирована с точки зрения ее количественного выражения, целевой уровень ее обеспечения определяется величиной рациональных норм потребления пищевых продуктов.

По своей сути Доктрина со своей основной задачей, безусловно, успешно справляется. В то же время Доктрина — документ стратегического планирования. Поскольку если обратиться к опыту плановой системы хозяйствования, существовавшей в нашей стране долгие годы, то увидим, что планирование экономического и социального развития страны «охватывает собственно разработку плана, организацию его осуществления и контроль за выполнением» [7, с. 1021]. В теории же рыночной экономики планирование также предусматривает осуществление мониторинга достижения плановых показателей и выполнения целей. В частности, цикл Шухарта-Деминга (PDCA, англ. «Plan-Do-Check-Act»), первым этапом которого является планирование (plan), включает в себя этап проверки (check). И этот этап не является заключительным, он лишь предшествует четвертому этапу корректирующего действия (act), назначение которого — принятие мер по устранению причин отклонений от запланированного результата, изменению в планировании и распределении ресурсов [8, с. 852]. Таким образом, представители научных школ с диаметрально противоположными взглядами на принципы социально-экономи-

ческого устройства общества, сходятся во мнении, что планирование должно опираться на контроль выполнения целей, предусмотренных планом.

Исследователи продовольственной безопасности неоднократно поднимали вопрос о необходимости проведения оценки ее уровня в стране и в отдельных регионах, и самое главное, опубликования результатов такой оценки в открытых источниках. В частности, Н. И. Шагайда и В. Я. Узун говорят о том, что необходимо ежегодно или хотя бы раз в 3–5 лет готовить национальный доклад о состоянии продовольственной безопасности в России [9, с. 17]. Уровень продовольственной безопасности, в частности, степень достижения цели и задач, обозначенных в Доктрине, должны становиться предметом широкого обсуждения в научном сообществе. Причиной этого является важность продовольственного вопроса не только в плане продовольственной, но и национальной безопасности. Исторически сложилось, что каких бы масштабов ни достигал продовольственный дефицит, он способствует значительным изменениям и преобразованиям в общественной жизни. В частности, случившийся зимой 1916–1917 гг. «хлебный кризис» стал одной из причин Февральской революции 1917 г., а кризис «пустых прилавков» 1990–1991 гг. сделал свой вклад в разрушение СССР [10]. И столь высокая значимость вопроса продовольственного обеспечения населения обуславливает важность именно общественной дискуссии, а соответственно, и наличия публичных аналитических докладов о текущем состоянии продовольственной безопасности в стране и в каждом регионе.

Важно, чтобы Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации содержала в себе методические инструкции, разъясняющие, как оценивать продовольственную безопасность в регионах. Это нужно для того, чтобы во всех субъектах Российской Федерации продовольственная безопасность оценивалась по одной и той же методике. С момента принятия Доктрины в 2010 г. и ученые, и представители исполнительных органов власти, а именно региональных министерств сельского хозяйства, производили оценку состояния продовольственной безопасности в отдельных регионах. Причем основой для такого рода оценки часто служил подход, полностью аналогичный подходу к оценке продовольственной безопасности страны, заложенный в Доктрине.

Практическое применение подхода, разработанного для национального уровня, при оценке уровня продовольственной безопасности региона рассмотрим на примере ежегодных докладов Минсельхоза Алтайского края о ходе и результатах реализации государственных программ

в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий. В подразделе «Реализация Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации в Алтайском крае» приводятся значения показателя «Уровень самообеспечения Алтайского края основной сельскохозяйственной продукцией и продовольствием». Фактические значения сопоставляются с пороговыми критериями, указанными в Доктрине. Однако здесь возникает методическая коллизия, которая имеет место быть в докладах за 2015–2018 гг., где по ряду групп пищевых продуктов в крае отмечалась самообеспеченность, превышающая 100%. Например, в 2016 г. самообеспеченность зерном составила 130% [11]. В качестве пороговых значений в докладах приведены критерии, указанные в Доктрине 2010 г., не превышающие 100%, например, по зерну — 95%. Но дело в том, что они в принципе не могли превышать 100%, потому что показатель, значением которого они являлись критерием, представлял собой долю от целого. По законам математики величина доли от целого не может превышать величину этого целого. Методика расчета показателя самообеспеченности в новой Доктрине 2020 г. была изменена, теперь значения могут превышать 100% и упомянутой коллизии в докладе, вышедшем в 2020 г., уже не наблюдается [12]. Но факт остается фактом, пока Доктрина не содержит в себе инструкции, регламентирующей и разъясняющей методику оценки уровня продовольственной безопасности в регионах, трактоваться ее положения могут неоднозначно.

Основой или, скорее, отправной точкой для всех докладов о состоянии продовольственной безопасности как на национальном, так и на региональном уровнях априори должна служить Доктрина. Исходя из содержащихся в ней целей и задач, принципов и императивов, необходимо строить система оценки уровня продовольственной безопасности. Причем два ключевых, на наш взгляд, императива находятся в самом определении продовольственной безопасности, содержащемся как в новой Доктрине, так и в ее первоначальном варианте, принятом в 2010 г. (табл. 2).

Первый императив — пищевыми продуктами должен быть обеспечен каждый гражданин страны. Второй императив уточняет первый — каждый гражданин страны имеет право на доступ к пищевым продуктам в объемах не меньше рациональных норм (количественные значения рациональных норм утверждены Приказом Минздрава РФ от 19.08.2016 г. № 614) [13]. Наличие этих императивов в Доктрине часто упускается из вида исследователями. Однако именно они фактически создают в современном российском праве норму, позволяющую реализовать право человека на питание.

И именно эти два императива должны лечь в основу методики оценки уровня обеспечения продовольственной безопасности в России, в частности, степени достижения стратегической цели и состоя-

ния элементов продовольственной безопасности: продовольственной независимости; физической и экономической доступности продовольствия для населения.

Таблица 2

Определения продовольственной безопасности*

Документ	Определение
Доктрина 2010 г.	Продовольственная безопасность Российской Федерации — состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни
Доктрина 2020 г.	Продовольственная безопасность Российской Федерации (далее — продовольственная безопасность) — состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни

* в тексте определений продовольственной безопасности императивы выделены жирным шрифтом.

Первое, что необходимо оценивать, это, условно, степень достижения стратегической цели обеспечения продовольственной безопасности. И поскольку эта цель заключается в обеспечении населения страны продовольствием в объемах,

обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции, то и первостепенным показателем должен служить уровень этого обеспечения, то есть обеспеченность, выраженная в процентах:

$$\text{Обеспеченность} = \frac{\text{Ресурсы (Производство + Импорт - Экспорт), кг}}{\text{Потребность населения в продовольствии по рациональным нормам, кг}} \times 100 \quad (1)$$

Данный показатель отражает отношение объема ресурсов продовольствия, суммарно формируемых отечественным производством и импортом продовольствия, к нормативной потребности населения страны в продовольствии, определяемой численностью населения и величиной рациональных норм потребления пищевых продуктов (математически — их произведением).

Продовольственную независимость, как главное условие обеспечения продовольственной

безопасности, также следует оценивать, исходя из необходимости обеспечения населения продовольствием по рациональным нормам. Для отражения степени ее обеспечения целесообразно использовать показатель самообеспеченности. Причем не фактической самообеспеченности, оцениваемой по фактическому потреблению, а нормативной самообеспеченности:

$$\text{Самообеспеченность} = \frac{\text{Производство, кг}}{\text{Потребность населения в продовольствии по рациональным нормам, кг}} \times 100 \quad (2)$$

В данном случае формула практически идентична рассмотренной выше формуле обеспеченности, единственное отличие — исключены импорт и экспорт. Логика применения такой методики расчета данного показателя проста. У населения страны есть потребность в потреблении пищевых продуктов в объемах не менее рациональных норм, устойчивость этого процесса может быть обеспечена только за счет отечественного производства. Этот показатель и отражает возможность отечественного АПК самостоятельно обеспечить население страны продовольствием. Принципиальное

отличие данного показателя от показателя самообеспеченности, в настоящий момент имеющегося в Доктрине, заключается в том, что в знаменателе дроби использована не величина фактического потребления, а как это предусматривают императивы Доктрины, норматив потребления, соответствующий рациональным нормам. Поэтому предлагаемая методика оценки самообеспеченности основывается на сопоставлении факта (фактического значения показателя) с планом (плановым или целевым значением показателя), а не одного факта с другим фактом, как сейчас это предполагает дей-

ствующая Доктрина. Таким образом, предлагаемая методика расчета данного показателя ни в коем случае не идет вразрез с содержанием Доктрины, а, наоборот, увязывает используемый в ней показатель оценки продовольственной независимости с императивами продовольственной безопасности, в этой же Доктрине содержащимися. Важный момент, который необходимо уточнить касательно зерна. Потребность в зерне необходимо рассчитывать не только с учетом рациональной нормы потребления населением хлеба и хлебопродуктов, но и, учитывая потребность животноводческой отрасли в зерне, как корме для скота, необходимым для производства мяса и молока в объемах, обеспечивающих их потребление населением в объемах, соответствующих рациональным нормам.

Для оценки самообеспеченности регионов необходимо количественно выразить критерии для каждого из них. Ведь пороговые значения самообеспеченности, указанные в Доктрине, утверждены для страны в целом. Регионы же в значительной степени дифференцированы по возможности обеспечить себя продовольствием самостоятельно. Существуют регионы, полностью себя обеспечивающие по многим группам пищевых продуктов, вместе с этим есть и регионы, нуждающиеся в поставках продовольствия из других российских регионов. Так, уже упомянутый Алтайский край традиционно является сельскохозяйственным регионом-донором, вывозящим продовольствие. И для края в качестве критерия вполне будет приемлемым уровень самообеспечения, например по зерну — 200%. В то же время для регионов, ввозящих продовольствие, по тому же зерну критерий самообеспеченности, например 50%, не должен быть чем-то из ряда вон выходящим. Агроклиматические условия в различных регионах страны сильно дифференцированы, размеры посевных площадей — тоже, население распределено неравномерно. Соответственно, с учетом региональной специфики для каждого субъекта Российской Федерации необходимо разработать свои индивидуальные критерии продовольственной самообеспеченности. Однако определять их нужно не на местах, в регионах, закрепляя в региональных законах о продовольственной безопасности, а на федеральном уровне,

проведя масштабную исследовательскую работу как по оценке производственного потенциала регионов, так и по изучению межрегиональных и экспортно-импортных продовольственных связей.

Показатели обеспеченности и самообеспеченности населения продовольствием по своей сути предназначены для отражения общей картины продовольственного обеспечения в стране или регионе. Однако чтобы оценить, выполняется ли важнейший императив Доктрины, а именно «каждый ли гражданин страны имеет возможность потреблять пищевые продукты в объемах не менее рациональных норм?», необходимо производить оценку наличия соответствующей физической и экономической возможности у каждого гражданина.

Экономическая доступность продовольствия для отдельно взятого индивида зависит от таких факторов, как величина его денежного дохода, стоимость продуктов питания, величина расходов на них и доля этих расходов в общей величине потребительских расходов. Если Доктриной каждому гражданину предписано питаться в соответствии с рациональными нормами, то и экономическая доступность продовольствия должна оцениваться, учитывая стоимость набора продуктов питания, соответствующего этим рациональным нормам. Однако несмотря на принятие Доктрины продовольственной безопасности в 2010 г., Федеральная служба государственной статистики до сих пор применяет показатель «стоимость условного (минимального) набора продуктов питания». Для оценки выполнения параметров Доктрины продовольственной безопасности, о чем в научном сообществе не раз поднимался вопрос, в перечень показателей Росстата необходимо добавить «стоимость набора продуктов питания, соответствующего рациональным нормам». Методика оценки экономической доступности продовольствия должна базироваться на использовании данного показателя. Экономическую доступность продовольствия для каждого гражданина страны (индивидуальная экономическая доступность) целесообразно определять соотношением стоимости набора продуктов питания, соответствующего рациональным нормам (рационального набора), и величины денежных доходов:

$$\text{Индивид. экон. доступность} = \frac{\text{Стоимость рационального набора, руб.}}{\text{Величина денежного дохода, руб.}} \times 100 \quad (3)$$

Соответственно, необходимо определить оценочный критерий, численное выражение соотношения стоимости рационального набора и величины денежных доходов. К примеру, если в качестве этого критерия установить значение 0,5 (или 0,33), то все граждане, имеющие денеж-

ный доход, который не превышает вдвое (втрое) стоимость рационального набора, не имеют экономической возможности приобретать его без ущерба удовлетворению других жизненных потребностей. И в данном случае числовой критерий будет играть роль целевого стандарта жиз-

необеспечения российских граждан. И, соответственно, чем выше должна быть задана планка качества жизни россиян, тем ниже должна быть пороговая доля расходов на питание, которую и будет выражать предлагаемое критериальное значение.

Располагая данными о стоимости рационального набора, о распределении населения по величине среднедушевых доходов, можно рассчитать долю населения, имеющего экономический доступ к потреблению пищевых продуктов в объемах не ниже заданных параметрами Доктрины:

$$\text{Экон. доступность} = \frac{\text{Численность населения с эконом. доступом к питанию по рац нормам, чел.}}{\text{Общая численность населения, чел.}} \times 100 \quad (4)$$

Соответственно, «численность населения с экономическим доступом к питанию по рациональным нормам» представляет собой численность населения, имеющего денежный доход, в необходимой степени превышающий величину стоимости рационального набора. Необходимая степень превышения — коэффициент, обратный критериальному значению доли стоимости рационального набора в величине денежных доходов. То есть в соответствии с вышеприведенным примером, если критерий соотношения стоимости рационального набора будет задан 0,5 (одна вторая), обратная ему величина — 2, если 0,33 (одна третья), то обратное значение — 3. Таким образом, если денежный доход индивида кратно превышает (кратность и задается коэффициентом), например, вдвое или втрое стоимость набора пищевых продуктов, соответствующих рациональным нормам, то индивид обладает экономическим доступом к продовольствию. Другими словами, для него обеспечена экономическая доступность продовольствия. Числовые значения в данном случае выбраны случайным образом только с целью проиллюстрировать предлагаемую методику расчетов. Однако данный критерий, характеризующий целевой уровень качества жизни российских граждан, должен быть количественно определен. В свою очередь, цель проведения такой оценки — показать, как императивы Доктрины реализуются на практике. А именно, какая доля «каждых граждан» имеет экономический доступ к пищевым продуктам в количественных параметрах Доктрины продовольственной безопасности.

Оценку индивидуальной физической доступности необходимо производить по наличию в заданном радиусе от места проживания индивида организаций, осуществляющих обеспечение населения продовольствием. В условиях рыночной

экономики это торговые организации, продуктовые магазины. И принцип оценки предлагается такой: если в заданном целевом радиусе (например, 2,5 км) от места жительства индивида есть продуктовый магазин, в котором имеются в продаже все группы пищевых продуктов, регламентированные Доктриной, значит, физический доступ данного гражданина к пищевым продуктам обеспечен. Для жителей городов и особенно крупных городов, пронизанных транспортной инфраструктурой и обеспеченных торговыми предприятиями, особенно в сетевом формате, проблемы, связанные с физической доступностью продовольствия, на сегодня не стоят на повестке дня. Даже в условиях самоизоляции во время пандемии коронавируса в 2020 г. эта потенциальная проблема во многом была решена внедрением услуги по доставке продуктов на дом. Проблема физической доступности стояла и стоит в сельской местности, в отдаленных поселениях, а также в отдаленных регионах Российской Федерации, куда зачастую нет круглогодичной возможности доставлять продовольствие автомобильным и железнодорожным транспортом. Для жителей таких территорий остро стоит вопрос в обеспечении физической доступности пищевых продуктов, когда не то, что в радиусе 2,5 км, в радиусе сотен километров может не быть продовольственных магазинов. Соответственно, физическую доступность продовольствия, являющуюся по сути территориальной доступностью, необходимо оценивать по соотношению численности населения, проживающего на территориях, где обеспечено наличие пищевых продуктов (в ассортименте и объеме, соответствующих рациональным нормам) в организациях, осуществляющих снабжение (торговлю) к общей численности населения:

$$\text{Физ. доступность} = \frac{\text{Численность населения с территор. доступом к питанию по рацнормам, чел.}}{\text{Общая численность населения, чел.}} \times 100 \quad (5)$$

Используя приведенную методику, можно сделать выводы о том, сколько людей не обладают физическим и экономическим доступом к продовольствию, тем самым оценить степень достижения стратегической цели обеспечения продоволь-

ственной безопасности, обозначенной в Доктрине. Результаты такой оценки, особенно в части экономической доступности, рискуют стать удручающими. В ходе расчетов могут быть получены данные о численности граждан, не обладающих экономи-

ческим доступом к пищевым продуктам в объемах, соответствующих рациональным нормам. И, предположительно, численность их будет выше, чем численность граждан, имеющих доход ниже величины прожиточного минимума, то есть по методике Росстата относимых к гражданам, проживающим за чертой бедности. Но первый шаг к решению проблемы — это ее выявление. Если какая-либо проблема препятствует достижению цели, она должна быть своевременно выявлена, особенно когда речь идет о стратегической цели обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации. Эта глобальная цель представляет собой состояние сложноорганизованной системы, элементы которой — все регионы страны. Мониторинг обеспечения продовольственной безопасности не может быть осуществлен, минуя региональный уровень. Значительнейшая региональная дифференциация — та причина, по которой в Доктрину необходимо внести ряд изменений касательно региональной продовольственной безопасности. Так, во-первых, необходимо разработать четкие методические рекомендации по разработке региональных нормативных правовых актов в области обеспечения продовольственной безопасности. Это позволит устранить всевозможные разночтения и заложить основу для проведения унифицированного мониторинга уровня обеспечения продовольственной безопасности в каждом субъекте Российской Федерации по единой мето-

дике. Во-вторых, следует определить критерии самообеспеченности продовольствием для регионов, учитывающие региональные особенности и сложившуюся специфику межрегиональных экономических связей. Возвращаясь к статусу Доктрины, как документа стратегического планирования, необходимо отметить, что корректировка методики оценки продовольственной безопасности позволит устранить несоответствие заданной в Доктрине цели с методикой оценки ее выполнения. Ведь если план содержит в себе цель, но не предусматривает механизма, позволяющего оценить степень достижения этой цели, то правильность выбора путей и методов ее достижения может быть поставлена под сомнение. В связи с этим озвученные выше предложения по совершенствованию методики оценки уровня продовольственной безопасности позволят, во-первых, увязать стратегическую цель Доктрины с содержащимися в ней же императивами продовольственной безопасности. Во-вторых, создать основу для формирования системы мониторинга и подготовки регулярных аналитических докладов, имеющих публичный характер. В свою очередь, все это даст возможность для формирования таких механизмов обеспечения продовольственной безопасности, которые будут способствовать нивелированию угроз национальной безопасности в целом, путем обеспечения стабильности и устойчивости социально-экономического развития России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014–2016 гг. / А. М. Никулин, И. В. Троцук, Н. И. Шагайда, Е. А. Шишкина, В. Я. Узун. URL: <ftp://w82.ranepa.ru/rnp/wpaper/041806.pdf> (дата обращения: 23.02.2020).
2. Гумеров Р. Р. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в концептуальной переработке // Российский экономический журнал. 2017. № 4. С. 49–68.
3. Ковалева И. В., Водясов П. В. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации как основа для разработки методических рекомендаций в области обеспечения продовольственной безопасности регионов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 9 (131). С. 145–150.
4. Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/30563/> (дата обращения: 23.02.2021).
5. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45106/> (дата обращения: 23.02.2021)
6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38630/page/2/> (дата обращения: 23.02.2021)
7. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М., 1989. 1632 с.
8. Безбородова И. В. Применение метода постоянного улучшения на основе цикла PDCA // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. 2010. № 4. С. 852–860.
9. Шагайда Н. И., Узун В. Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М., 2015. 110 с.

10. О продовольственной безопасности России. Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С. Ю. Глазьева URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1725/> (дата обращения: 23.02.2021)
11. Доклад о ходе и результатах реализации в 2017 году государственных программ в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий Алтайского края. URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/doklad-o-khode-i-rezultatakh-realizatsii-v-2017-godu-gosudarstvennykh-programm-v-sfere-razvitiya-sel/> (дата обращения: 15.03.2021)
12. Доклад о ходе и результатах реализации в 2019 году государственных программ в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий Алтайского края. URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/doklad-o-khode-i-rezultatakh-realizatsii-v-2019-godu-gosudarstvennykh-programm-v-sfere-razvitiya-sel/> (дата обращения: 15.03.2021)
13. Приказ Минздрава России от 19.08.2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» URL: <http://docs.cntd.ru/document/420374878/> (дата обращения: 23.02.2021)

REFERENCES

1. Monitoring the state of food security in Russia in 2014–2016 / A. M. Nikulin, I. V. Trotsuk, N. I. Shagaida, E. A. Shishkina, V. Ya. Uzun. URL: <ftp://w82.ranepa.ru/rnp/wpaper/041806.pdf/> (date accessed: 23.02.2020).
2. Gumerov R. R. The food security doctrine of the Russian Federation needs conceptual processing // Russian economic journal. 2017. No. 4. Pp. 49–68.
3. Kovaleva I. V., Vodyasov P. V. The food security doctrine of the Russian Federation as a basis for the development of methodological recommendations in the field of ensuring food security of the regions // Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2015. No. 9 (131). Pp. 145–150.
4. Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2010 No. 120 «On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/30563/> (date of access: 02/23/2021).
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.01.2020 No. 20 «On approval of the Doctrine of food security of the Russian Federation». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45106/> (date of access: 23.02.2021).
6. Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ «On Strategic Planning in the Russian Federation». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38630/page/2/> (date of access: 23.02.2021).
7. Soviet encyclopedic dictionary / ed. A. M. Prokhorov, 4th ed. M., 1989. 1632 p.
8. Bezborodova I. V. Application of the method of continuous improvement based on the PDCA cycle, Izv. Samar. scientific. center Ros. Academy of Sciences. 2010. No. 4. Pp. 852–860.
9. Shagaida N. I., Uzun V. Ya. Food security in Russia: monitoring, trends and threats. M., 2015. 110 p.
10. About food security of Russia. Report of a group of experts from the Izborsk club led by Academician S. Yu. Glazyev. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1725/> (date of access: 23.02.2021).
11. Report on the progress and results of the implementation in 2017 of state programs in the field of agricultural and rural development of the Altai Territory. URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/doklad-o-khode-i-rezultatakh-realizatsii-v-2017-godu-gosudarstvennykh-programm-v-sfere-razvitiya-sel/> (date accessed: 02/23/2021).
12. Report on the progress and results of the implementation in 2019 of state programs in the field of agriculture and rural development of the Altai Territory. URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/doklad-o-khode-i-rezultatakh-realizatsii-v-2019-godu-gosudarstvennykh-programm-v-sfere-razvitiya-sel/> (date accessed: 02/23/2021).
13. Order of the Ministry of Health of Russia dated August 19, 2016 No. 614 «On approval of Recommendations on rational norms of food consumption that meet modern requirements for healthy eating». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420374878/> (date of access: 02/23/2021).

Поступила в редакцию: 19.03.2021.
Принята к печати: 06.04.2021.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

А. Б. Волосков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье обсуждаются проблемы совершенствования стратегического планирования в контексте методического обеспечения разработки государственных региональных программ. На примере Государственной программы «Развитие образования в Алтайском крае» показываются целесообразность и возможность предварительной (до утверждения документа) оценки реалистичности поставленных в региональных государственных программах целей развития, оценки необходимых ресурсов для их достижения, определения значений показателей социально-экономического развития субъектов РФ. В статье рассматривается механизм оценки эффективности конкретной программы с использованием интегральных показателей и экономико-математического моделирования. Значения интегральных показателей определяются с помощью метода главных компонент для базового и завершающего года программы и входят в модель в виде ограничений, в пределах которых определяются расчетные значения. Разница между базовыми и расчетными значениями интегральных показателей при строгом равенстве искомых и программных финансовых средств показывает на степень реализуемости программы.

Ключевые слова: государственная региональная программа, подпрограмма, развитие образования, интегральные показатели, экономико-математическая задача, финансовые средства, эффективность.

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL STATE PROGRAMS (ON THE EXAMPLE OF THE EDUCATION DEVELOPMENT PROGRAM OF THE ALTAI TERRITORY)

A. B. Voloskov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article discusses the problems of improving strategic planning in the context of methodological support for the development of state regional programs. On the example of the State Program «Development of Education in the Altai Territory», the expediency and the possibility of a preliminary (prior to the approval of the document) assessment of the feasibility of the development goals set in regional state programs, assessment of the necessary resources to achieve them, determination of the values of indicators of socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation are shown. The article discusses a mechanism for assessing the effectiveness of a specific program using integral indicators and economic and mathematical modeling. The values of the integral indicators are determined using the principal component method for the base and final year of the program and are included in the model in the form of constraints within which the calculated values are determined. The difference between the basic and calculated values of the integral indicators with strict equality of the sought and software funds shows the degree of the program's feasibility.

Keywords: state regional program, subprogram, education development, integral indicators, economic and mathematical problem, financial resources, efficiency.

Майский 2018 г. Указ Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, как известно, резко активизировал актуальность реализации Федерального закона о стратегическом планировании в субъектах Российской Федерации, который был принят еще в 2014 г. Так, в частности, в Алтайском крае в контексте стратегического развития на сегодня действуют 28 государственных программ на период 2020–2024 гг.

Естественно, потребовался пересмотр и уточнение положений стратегического планирования в стране. В мае 2019 г. прошли парламентские слушания, посвященные вопросам реализации Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в результате которых были выработаны рекомендации по его совершенствованию. В рекомендациях, в частности, указывается, что на современном этапе решения по развитию экономики приобретают долгосрочный стратегический характер, то есть необходимо удлинение периода государственного прогнозирования и планирования, соблюдение сбалансированности результатов и затрат по ресурсным и организационным возможностям. В рекомендациях отмечается, что регионы сталкиваются с проблемами из-за того, что в целом система стратегического планирования не до конца сформирована. Так, наряду с другими не решены проблемы методического обеспечения оценки реалистичности стратегического целеполагания, оценки ресурсного обеспечения достижения поставленных целей, прогнозирования показателей социально-экономического развития субъектов РФ. Эти проблемы соотносятся с проблемами оценки эффективности стратегических планов и программ.

Проблемы оценки эффективности государственных региональных планов и программ обсуждаются достаточно активно и можно утверждать, что до сих пор не сложилась приемлемая методика этой оценки. Напомним, что в статье 34 Бюджетного кодекса РФ указывается, что пользователи бюджетных средств должны учитывать два принципа эффективности: экономности, то есть стремиться минимизировать затраты на заданные результаты, и результативности, то есть максимизировать результат при заданных размерах затрат. Эффективность государственной программы по Бюджетному кодексу РФ измеряется уровнем экономности заранее выделенных бюджетных

средств. Поэтому в большинстве отечественных публикаций (например, А. А. Пержу (Абрамова), И. А. Парамонов [1]) эффективность оценивается степенью достижения целевого показателя. Данный подход подтверждают Е. Г. Кузнецова, И. А. Горин в работе [2], характеризуя методику определения эффективности реализуемых программ в Республике Мордовия, рассчитываемую как отношение фактически достигнутого показателя к запланированному.

Критический обзор методик оценки эффективности государственных региональных программ, действовавших до 2020 г. и основанных на сравнении фактических и плановых показателей, дан в работе В. В. Климанова и А. А. Михайловой. В частности, эти авторы сетуют на то, что во многих региональных государственных программах невозможно осуществление оценки их эффективности, несмотря на присутствие в них соответствующих методик [3].

Следует отметить, что еще до периода активной разработки региональных программ отдельные исследователи указывали на необходимость комплексной оценки стратегических планов и программ. Так, в 2014 г. в публикации группы авторов из Института региональных исследований и городского планирования НИУ ВШЭ [4] предлагалась методика, предусматривающая комплексный подход к оценке директив на каждом этапе реализации программ от концепции и проекта программы до непосредственной ее реализации.

В последнее время стали появляться работы, в которых эффективность государственных региональных программ рассматривается с более широких и системных позиций. Например, Т. К. Гоманова [5] считает, что регионы должны понимать, что сама по себе оценка степени выполнения любой программы — важнейший и необходимый инструмент ретроспективного анализа программных действий и определения фактических результатов реализации программы, с точки зрения соизмерения целей и затрат на их достижение. То есть для объективности полученных результатов необходим переход к комплексной индикативной оценке эффективности.

Ю. А. Белогорцева [6] указывает на то, что и зарубежные, и российские методы во главу угла ставят ресурсные затраты как основной показатель эффективности государственных программ, оценивается эффективность программы **должна проводиться еще на этапе ее разработки** (выделено нами). В зарубежной практике, в свою очередь, оценивается вероятность реализации программных целей.

В России, по мнению Ю. А. Белогорцевой, используются три метода оценки эффективно-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://minenergo.gov.ru/view-pdf/11246/84473/>

сти государственных программ: непосредственное прямое измерение результатов программы; стоимостная оценка затрат и итогов программы и оценка степени выполнения программы по интегральным показателям. При этом автор отмечает, что «интегральная оценка является наиболее достоверной, поскольку дает объективное представление о ее качестве» [6]. Общей особенностью отечественных методов является измерение эффективности государственных программ непосредственно в процессе их реализации. Рассмотрим вышесказанное на примере официальной методики, принятой в Алтайском крае². По этой методике для комплексной оценки эффективности применяются следующие показатели:

- уровень достижения поставленных целей и задач;
- соответствие запланированного объема средств из краевого бюджета фактическому уровню их использования;
- полнота выполнения запланированных мероприятий.

Оценка первого критерия производится путем сравнения плановых и фактических значений целевых показателей программы. Второй критерий определяется путем сопоставления фактических и плановых объемов финансирования программы. Для третьего критерия используется среднее значение показателей достижения планового результата по каждому мероприятию программы. При этом если мероприятие полностью реализовано, то показатель достижения принимает значение «1», в противном случае — «0».

Комплексная оценка эффективности реализации программы определяется как сумма трех критериев. При этом она считается реализуемой с высоким уровнем эффективности, если комплексная оценка составляет 80% и более, со средним уровнем эффективности, если комплексная оценка находится в интервале от 40 до 80%. Если менее 40% — низкий уровень эффективности.

Приведенная в качестве примера методика подтверждает вывод о том, что эффективность государственных программ измеряется в самом процессе их реализации.

По этому же принципу работала до 2017 г. и Методика оценки социально-экономического эффекта хода реализации Федеральной целевой

программы развития образования на 2011–2015 гг.³ Особенностью этой Методики было использование для оценки эффективности программ как на федеральном, так и на региональном уровне так называемых интегральных значений. Оценка хода реализации Программы проводилась на основе сопоставления планируемого и фактически достигнутого интегрального показателя социально-экономического эффекта от ее реализации. Использование интегральных показателей было вызвано тем, что развитие образования, по мнению разработчиков программы, в значительной степени связано с разнонаправленностью развития образования, разноаспектностью его влияния на социальные и экономические стороны жизни общества, значительной номенклатурой показателей, характеризующих состояние системы образования.

Целью данной статьи является некая попытка совершенствования методики оценки эффективности государственных региональных программ, в частности, связанная с решением вышеназванных проблем методического обеспечения **априорной** (до окончательного утверждения программы) оценки реалистичности поставленных в программе целей развития, обоснованной оценки необходимых ресурсов для их достижения, определения значений показателей развития объекта программы.

Для реализации этой цели в статье рассчитаны интегральные показатели для конкретной программы, сформулирована и решена экономико-математическая задача определения предварительной оценки эффективности данной программы. В качестве экспериментального объекта анализируется Государственная программа «Развитие образования в Алтайском крае», утвержденная Правительством Алтайского края 13 декабря 2019 г. [7]. Дадим краткую характеристику этой программы. Программа состоит из восьми подпрограмм, из которых для нашего эксперимента выделены четыре:

- «1. Дошкольного образования.
2. Общего образования.
3. Дополнительного образования детей и сферы отдыха и оздоровления.
4. Среднего профессионального образования» [7].

Структура общей суммы финансовых ресурсов на реализацию государственной программы выглядит следующим образом (табл. 1).

² Администрация Алтайского Края / Постановление 23.09.2013 № 502, г. Барнаул. Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Алтайского края. URL: http://econom22.ru/upload/iblock/f3b/Post502_130923.pdf

³ Методика оценки социально-экономического эффекта хода реализации Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы. Приложение № 10 к Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы. URL: <http://government.ru/docs/18268/>

Из таблицы 1 видно, что основная доля финансовых ресурсов (91,3%) связана с реализацией первой, второй и третьей подпрограмм, определяющие основные результаты программы в целом. Подпрограммы 5, 6 и 7, реализующие цели по обеспечению трудовыми ресурсами выполнение всей

программы, имеют долю в 4,7%. На наш взгляд, в данном случае проявляется уже вышеупомянутый недостаток существующей системы стратегического планирования, подчеркнутый на парламентских слушаниях — реалистичности оценки необходимых ресурсов для достижения стратегических целей.

Таблица 1

Финансирование Государственной программы «Развитие образования в Алтайском крае» в разрезе ее программ

Наименование подпрограмм	Млрд руб.	%
Государственная программа Алтайского края «Развитие образования в Алтайском крае», всего	125,7	100
в том числе подпрограммы развития		
1 дошкольного образования	23,1	18,38
2 общего образования	79,7	63,40
3 дополнительного образования детей и сферы отдыха и оздоровления детей	2,5	1,99
4 среднего профессионального образования	12	9,55
5 развитие кадрового потенциала	0,7	0,56
6 совершенствование управления системой образования	0,5	0,40
7 создание новых мест в общеобразовательных организациях	4,7	3,74
8 защита прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	2,5	1,99

Отметим при этом, что в крае, начиная с 2003 г., систематически падает не только численность учителей начального, основного и среднего общего образования, но и общее число занятых в образовании, а начиная с 2009 г., стала расти нагрузка на преподавательский состав из-за роста численности обучающихся (рис. 1).

Таким образом, можно утверждать, что в данной государственной программе недостаточно внимания уделено развитию кадрового состава сферы образования.

Нами также была осуществлена попытка **априорной оценки** достаточности предусмотренных финансовых ресурсов для реализации целей государственной образовательной программы Алтайского края. Оценка осуществлялась для совокупности первых четырех подпрограмм с помощью следующей системы расчетов: сначала параметры подпрограмм были измерены и представлены в виде интегральных показателей, а затем на основе этих показателей решалась экономика-математическая задача, результаты которой определяли численные характеристики реализации государственной программы.

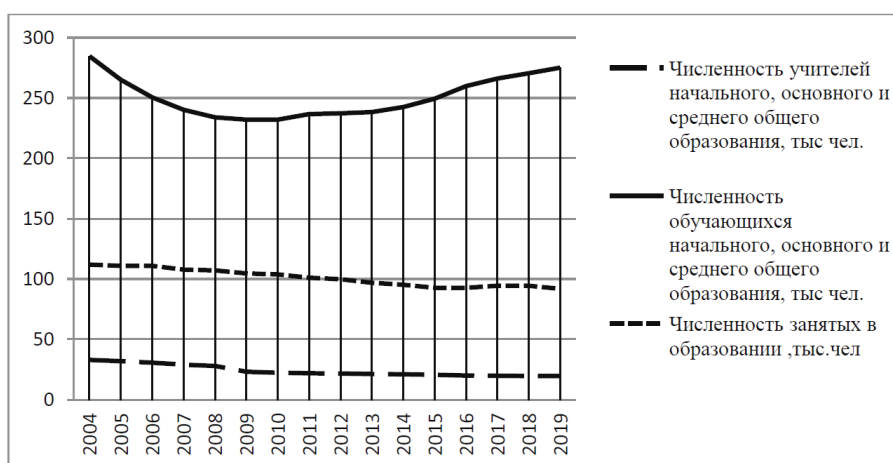

Рис. 1. Динамика численности занятых, учителей и обучающихся в сфере образования Алтайского края¹

¹ Регионы России: социально-экономические показатели. 2005–2020. (Росстат). URL: <http://rosstat.gov.ru/>

Интегральные показатели достаточно широко используются в экономическом анализе. Они рассчитываются с помощью набора частных показателей, которые наиболее полно описывают изучаемый феномен или объект. Отметим, что в исследованиях проблем сферы услуг идея использования интегральных показателей в целом не нова. Так, О. Н. Быкова в своей докторской диссертации [8] дает комплексную оценку туристско-рекреационного потенциала региона в виде интегрированных балльных оценок. В диссертации раскрывается преимущество интегральных показателей по отношению к частным. В работе Т. И. Дутовой [9] используются интегральные показатели, характеризующие состояние сферы социальных услуг.

Нами для получения интегральных показателей был применен компонентный анализ, преобразовывающий набор исходных показателей в другой (сокращенный) их набор [10].

Считается, что метод главных компонент дает более точные результаты относительно других способов редукции показателей, если удалась корректная экономическая интерпретация полученных результатов. Как оказалось, в итоге расчетов удалось полученные показатели корректно обосновать.

Для расчетов интегральных показателей были использованы частные официальные статистиче-

ские показатели, которые тождественны количественным критериям образовательной программы Алтайского края. Затем была построена матрица из 19 показателей за период с 2000 по 2019 г. Включены были также значения этих выбранных показателей на 2024 г. — конечный год завершения данной программы².

В результате анализа нами выявлены 3 компонента с более 70% от общей дисперсии (табл. 2).

Первую компоненту можно интерпретировать как «уровень развитости общего образования в регионе».

Компоненту 2 — как «уровень развитости дошкольного образования».

Компоненту 3 — как «уровень развитости среднего профессионального образования в регионе».

Компоненты отобразили только три из четырех выбранных подпрограмм. Для подпрограммы 3 численное значение компоненты «уровень развитости дополнительного образования» был рассчитан по значениям факторных нагрузок на показатели «число организаций отдыха и оздоровления детей» и «численность детей, отдохнувших в них за лето» — 0,45 и 0,91 во второй компоненте.

² Расчеты проводились с помощью пакета программ SPSS.

Таблица 2

Показатели подпрограмм в разрезе компонента

Показатели	Факторная нагрузка
Компонента 1	
число организаций начального, основного и среднего общего образования	0,85
численность воспитанников дошкольного образования	0,89
численность учителей начального, основного и среднего общего образования	0,95
численность обучающихся начального, основного и среднего общего образования	0,86
выпуск обучающихся с аттестатом об основном общем образовании	0,99
выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании	0,96
численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена	0,85
прием на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена	0,94
выпуск специалистов среднего звена	0,615
Компонента 2	
число организаций дошкольного образования	0,62
обеспеченность детей дошкольного возраста местами	0,80
численность детей, отдохнувших за лето	0,91
Компонента 3	
численность преподавателей среднего профессионального образования	0,70
численность мастеров производственного обучения	0,84
число организаций среднего профессионального образования	0,91

Для расчетов применялись значения компонент за 2019 г. как базовый и 2024 г. как итоговый год реализации госпрограммы развития образования в Алтайском крае. Цель расчетов — найти такие значения интегральных показателей, которые бы не превышали значений целевых показателей программы (верхних границ) и реализация которых не потребовала бы большей суммы заложенных в подпрограмме финансовых ресурсов, а разница (критерий оптимальности) между средним значением полученных в решении интегральных показателей и средним значением базовых интегральных показателей достигала бы максимальной величины. В формализованном виде задача может быть записана в следующем виде.

Введем обозначения:

k — индекс подпрограммы и интегрального показателя, $k = 1, \dots, 4$;

sf_k — искомые удельные финансовые средства на прирост k -го интегрального показателя для соответствующей подпрограммы;

ip_k — искомые удельные значения k -го интегрального показателя на одного обучающегося в соответствующей подпрограмме;

f_k — искомые финансовые средства для подпрограммы k ;

IP_k — искомое значение k -го интегрального показателя;

SIP — среднее значение интегральных показателей, полученное в результате решения;

SIP_0 — базовое среднее значение интегральных показателей;

IP_k^a — верхняя граница k -го интегрального показателя в соответствии с целями подпрограммы;

IP_k^h — нижняя граница k -го интегрального показателя — значение базового года;

F_k — финансовые средства, предусмотренные в подпрограмме k ;

L_k — число обучающихся в k -ой подпрограмме.

Найти такие sf_k и ip_k , при которых удовлетворяются условия:

$$f_k = (IP_k - IP_k^h) * sf_k \quad (1)$$

Расчетные финансовые средства должны быть равны финансовым средствам, предусмотренным в подпрограмме k . Строгое равенство ставится для того, чтобы ответить на вопрос — хватит ли выделенных финансовых средств для достижения целевых параметров подпрограмм и государственной программы в целом;

$$IP_k^h \leq (IP_k * ip_k) \leq IP_k^a \quad (2)$$

Расчетное значение k -го интегрального показателя должно находиться в заданных пределах.

$$(SIP - SIP_0) \rightarrow \max \quad (3)$$

Разница между расчетным и базовым средними значениями всех интегральных показателей должна достигать максимальной величины, то есть максимальной должна быть гипотетическая эффективность программы развития образования в Алтайском крае в целом.

В таблице 3 приведены результаты решения вышеописанной экономико-математической задачи.

Таблица 3

Результаты решения экономико-математической задачи

		Подпрограммы				Решение	Ограничения	
		1	2	3	4			
1	Финансовые средства подпрограммы 1 f_1	$sf_1 = 1197,6$				23057,8	$F_1 = 23057,8$	
2	Финансовые средства подпрограммы 2 f_2		$sf_2 = 1347,4$			79659,9	$F_2 = 79659,9$	
3	Финансовые средства подпрограммы 3 f_3			$sf_3 = 1051,4$		2493,0	$F_3 = 2493,0$	
4	Финансовые средства подпрограммы 4 f_4				$sf_4 = 1677,8$	12044,4	$F_4 = 12044,4$	
5	Прочие					8484,6	8484,6	
6	Итого финансовых средств в госпрограмму					125739,8	125739,8	
7	Уровень развитости дошкольного образования IP_1	$ip_1 = 7,6$				837,8	$IP_k^h = 818,6$	$IP_k^a = 918,3$
8	Уровень развитости общего образования IP_2		$ip_2 = 6,6$			1773,4	$IP_k^h = 1714,3$	$IP_k^a = 1803,7$
9	Уровень развитости дополнительного образования IP_3			$ip_3 = 3,4$		565,7	$IP_k^h = 563,3$	$IP_k^a = 658,1$

Окончание таблицы 3

		Подпрограммы				Решение	Ограничения	
		1	2	3	4			
10	Уровень развитости среднего профобразования IP_4				$ip_4 = 48,7$	1750,9	$IP_k^H = 1743,8$	$IP_k^B = 1864,3$
11	Среднее значение ИП по подпрограммам					$SIP = 1231,9$	$SIP_6 = 1210,0$	1311,1
12	Численность обучающихся L_k	110,2	270,4	165,9	35,9	582,5		
13	Суммарный эффект госпрограммы					$(SIP - SIP_6) = 22,0$	→ max	

В столбце «Решение» финансовые средства по подпрограммам (строки 1–4) определялись по формуле (1), значения интегральных показателей (строки 7–10) — по формуле (2) из формализованного описания экономико-математической задачи; в столбцах «Ограничения» находятся расчетные значения базовых интегральных показателей за 2019 г. (нижние границы) и прогнозных за 2024 г. (верхние границы) — строки 7–10. В строках 1–4 показаны финансовые средства на реализацию рассмотренных подпрограмм из программы.

Итак, из таблицы 3 следует, что при предусмотренных в государственной программе финансовых средствах в 125,7 млрд руб. можно не достичь программных целей к 2024 г. в полной мере. Среднее значение расчетных интегральных показателей составляет 94% от аналогичного за 2024 г. Наибольшая несбалансированность целей и средств наблюдается по подпрограмме 3–86%. Тем не менее можно говорить о достаточно приемлемой обес-

нованности предусмотренных финансовых средств на реализацию рассматриваемой программы.

Результаты расчетов, таким образом, указывают на определенную полезность проведения предварительного анализа эффективности государственных программ. Но предлагаемый способ оценки эффективности ни в коей мере не претендует на роль единственного. Расчеты интегральных показателей или каких-либо других могут осуществляться различными методами, многочисленными являются и способы оценки эффективности. Наша задача состояла в том, чтобы показать целесообразность и возможность предварительной оценки эффективности документов стратегического планирования и тем самым внести свою лепту в решение проблем совершенствования методического обеспечения в части реалистичности поставленных в документах стратегического планирования целей развития, оценки необходимых ресурсов для их достижения, определения значений показателей социально-экономического развития субъектов РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пержу (Абрамова) А. А., Парамонов И. А. Эффективность реализации государственных (региональных) программ // Сб. материалов XXXVI Международной научно-практической конференции «Проблемы современной экономики». Новосибирск, 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30526428&>.
2. Кузнецова Е. Г., Горин И. А. Оценка эффективности государственных программ развития региона: практические и методические аспекты // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 4 (30). С. 32–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm-razvitiya-regiona-prakticheskie-i-metodicheskie-aspekty/>
3. Климанов В. В., Михайлова А. А. Методики оценки эффективности госпрограмм в регионах // Портал Бюджет.RU. URL: bujet.ru/article/251064.php/
4. Ильина И. Н., Кириллова А. Н. и др. Оценка эффективности реализации региональных целевых программ (на примере Тюменской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 46 (373). С. 37–55. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ud3rca7si5/direct/138642153>
5. Гоманова Т. К. Региональные особенности оценки эффективности государственных программ: финансовый аспект // Вопросы управления. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-otsenki-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm-finansovyy-aspekt>.
6. Белогорцева Ю. А. Методические аспекты оценки эффективности государственных программ // Вестник Евразийской науки. 2018. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/22ECVN318.pdf>.
7. Государственная программа «Развитие образования в Алтайском крае», утвержденная Постановлением Правительства Алтайского края от 13 декабря 2019 г. № 494 (в ред. Постановлений Правительства

Алтайского края от 13.07.2020 № 301, от 27.08.2020. № 368). Портал «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561644662>

8. Быкова О. Н. Формирование стратегии инновационного развития санаторно-курортного и туристского комплекса (на примере города-курорта Сочи): автореф. дисс. ... докт. экон. наук. М., 2009. 59 с.

9. Дутова Т. И. Один из способов оценки состояния и развития туристско-рекреационной деятельности в регионе и возможностей ее кластеризации // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 104–109.

10. Ким Дж.-О. Факторный анализ: статистические методы и практические вопросы / под ред. И. С. Енюкова. М., 1989. С. 8–18.

REFERENCES

1. Perzhu (Abramova) A. A., Paramonov I. A. The effectiveness of the implementation of state (regional) programs // Sat. materials of the XXXVI International Scientific and Practical Conference «Problems of Modern Economy». Novosibirsk, 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30526428&>.

2. Kuznetsova E. G., Gorin I. A. Evaluation of the effectiveness of state programs for the development of the region: practical and methodological aspects // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2017. No. 4 (30). Pp. 32–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm-razvitiya-regiona-prakticheskie-i-metodicheskie-aspekty/>

3. Klimanov V. V., Mikhailova A. A. Methods for assessing the effectiveness of state programs in the regions // Portal Budget.RU. URL: bujet.ru/article/251064.php/

4. Ilyina I. N., Kirillova A. N. and others. Evaluation of the effectiveness of the implementation of regional target programs (on the example of the Tyumen region) // Regional Economy: theory and practice. 2014. No. 46 (373). Pp. 37–55. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ud3rca7si5/direct/138642153>

5. Gomanova T. K. Regional features of assessing the effectiveness of government programs: financial aspect // Management Questions. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-otsenki-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm-finansovyy-aspekt>.

6. Belogortseva Yu. A. Methodological aspects of assessing the effectiveness of state programs // Bulletin of Eurasian Science. 2018. No. 3. URL: <https://esj.today/PDF/22ECVN318.pdf>.

7. State Program «Development of Education in the Altai Territory», approved by the Resolution of the Government of the Altai Territory dated December 13, 2019. N 494 (as amended by the Resolutions of the Government of the Altai Territory dated July 13, 2020 N 301, dated August 27, 2020 N 368). Portal «Electronic fund of legal and normative-technical documentation». URL: <http://docs.cntd.ru/document/561644662>

8. Bykova O. N. Formation of the strategy of innovative development of the sanatorium-resort and tourist complex (on the example of the resort-city of Sochi). Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Economics. M., 2009.

9. Dutova T. I. One of the ways to assess the state and development of tourist and recreational activities in the region and the possibilities of its clustering // Innovations and Investments. 2014. № 4. Pp. 104–109.

10. Kim J.-O. Factor Analysis: Statistical Methods and Practical Issues. / Ed. I. S. Enyukova. M., 1989. Pp. 8–18.

Поступила в редакцию: 05.11.2020.

Принята к печати: 14.04.2021.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ АПК АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Ю. В. Герауф, Н. И. Глотова

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

В современных условиях развитие сельского хозяйства возможно только при наличии кадров, которые имеют высокий профессиональный уровень. Весьма актуальной на данный момент остается проблема привлечения в отрасль высококвалифицированных специалистов, которые способны использовать достигнутый научно-технический и инновационный потенциал сельхозтоваропроизводителей. Финансовая поддержка от государства, стимулирующие выплаты, диверсификация производства, появление цифровых технологий повышают престижность работы в сельском хозяйстве, тем самым делают аграрный сектор привлекательным.

В статье проведена оценка формирования комплекса мер по организации системы образовательной поддержки агропромышленного комплекса на материалах Алтайского края. Авторами раскрыты причины «кадрового голода» в сельском хозяйстве региона, проведен анализ финансирования мероприятий, направленных на повышение кадрового потенциала АПК края. Отмечена роль Аграрного вуза и Алтайского института повышения квалификации в подготовке высококвалифицированных кадров для сельского хозяйства посредством государственного финансирования образовательных программ.

Предложены рекомендации по формированию кадрового обеспечения инновационной деятельности АПК с использованием инструментов комплексной государственной поддержки, которые позволят повысить конкурентоспособность и привлекательность аграрного сектора региона.

Ключевые слова: Алтайский край, аграрный сектор, кадровый потенциал, профессиональное образование, переподготовка, государственная поддержка.

ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF EDUCATIONAL SUPPORT OF AIC OF ALTAI KRAI

Yu. V. Gerauf, N. I. Glotova

Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)

In modern conditions, the development of agriculture is possible only with the availability of personnel who have a high professional level. The problem of attracting highly qualified specialists to the industry who are able to use the achieved scientific, technical and innovative potential of agricultural producers remains very urgent at the moment. Financial support from the state, stimulating payments, diversification of production, the emergence of digital technologies increase the prestige of work in agriculture, thereby making the agricultural sector attractive.

The article assesses the formation of a complex of measures to organize a system of educational support for the agro-industrial complex on the materials of the Altai Territory. The authors disclosed the reasons for the «staff shortage» in the region's agriculture, analyzed the financing of measures aimed at increasing the personnel potential of the agro-industrial complex of the region. The role of the Agrarian University and the Altai Institute for Advanced Studies in the training of highly qualified personnel for agriculture through state funding of educational programs is noted.

Recommendations on the formation of staffing for innovation in the agro-industrial complex with the use of tools of comprehensive state support, which will improve the competitiveness and attractiveness of the agrarian sector in the region, are proposed.

Keywords: Altai Territory, agricultural sector, human resources, vocational education, retraining, government support.

Введение. На сегодняшний день для развития агропромышленного комплекса в работе специалистов первостепенными выступают такие качества, как компетентность и профессионализм. Приобретенные знания, умения, навыки, степень формирования профессионально важных качеств, полученных в процессе образовательной деятельности в условиях инновационного развития в рамках непрерывного образования, характеризуют в данном вопросе кадровый потенциал агропромышленного комплекса. С этой точки зрения немаловажным аспектом является организация системы образовательной поддержки АПК не только на уровне государства, но и региона.

Методы и методика проводимого исследования. Исследования проведены на основе статистических данных Российской Федерации и Алтайского края. В зависимости от поставленных задач использовались общенаучные (синтез, анализ, дедукция, индукция) и специфические методы (социологические, аналитические, монографические, статистические).

Результаты исследования. Создание благоприятных условий для увеличения объемов производства и переработки сельскохозяйственной продукции не может быть достигнуто без развития кадрового потенциала. Наиболее сложным направлением отраслевого образовательного сектора является аграрное образование, которое в настоящий момент считается непрестижным и неконкурентоспособным на рынке образовательных услуг.

Алтайский край — аграрный регион, но почему его население считает аграрное образование непрестижным? На наш взгляд, данная проблема связана с тем, что не только молодые специалисты, но и с опытом работы не желают работать в сельской местности по ряду важных причин.

1. Объективно заработные платы в селе ниже, чем в городах края, и особенно отличаются от зарплат в региональном центре — Барнауле. Большинство краевых предприятий АПК остаются низкорентабельными и не могут себе позволить достойных зарплат для своих сотрудников. По той же причине далеко не везде в АПК на данный момент применяются цифровые и инновационные технологии, что значительно тормозит темпы его развития в крае.

2. Слабая социальная инфраструктура. Часто в селах нет больниц (или фельдшерско-акушерских пунктов), школ, детских садов. Чтобы воспользоваться этими благами цивилизации, сельчанам часто приходится преодолевать десятки, а иногда и сотни километров. Также, по сути, отсутствует возможность для полноценного досуга молодежи (кинотеатры, дома культуры, спортклубы и т. д.).

3. Недостаточная инфраструктура жизнеобеспечения. Зачастую в крайне неудовлетворитель-

ном состоянии находятся дороги, далеко не во всех селах проведено газоснабжение и горячее водоснабжение, а также централизованное отопление. Кроме того, вследствие значительной ветхости большинства электрических сетей сельской местности наблюдаются более частые перерывы электроснабжения, чем в городах, что очень неудобно и приносит большой материальный ущерб как населению, так и предпринимательскому сектору. Для вновь построенных домовладений иногда проблематично подвести различного рода коммуникации, и владельцам домов приходится это делать самостоятельно, чаще всего за свой счет, при этом срок такого подведения коммуникаций зачастую также больше, чем в городах.

4. Плохое обеспечение услугами связи. Мобильная связь и сеть Интернет во многих сельских населенных пунктах, к сожалению, еще слабо развита. Однако ни для кого не секрет, что сейчас стабильное обеспечение такого рода связью очень важно для современной молодежи в век интенсивной информатизации. Кроме того, без этого важного компонента фактически невозможно проводить всеобщую цифровизацию АПК, за которую особенно ратует Правительство Российской Федерации.

Безусловно, органы государственной власти всех уровней, как будет показано далее, планомерно работают над решением вышеобозначенных проблем. Однако поскольку данные проблемы являются очень масштабными, то нам представляется, что их разрешение хотя бы до такого уровня, чтобы молодежь не боялась ехать на постоянное место жительства в село, носит долгосрочную перспективу.

Государство на сегодняшний день прилагает большие усилия для улучшения кадровой ситуации в агропромышленном комплексе. В рамках действующих программ «Социальное развитие села» и «Устойчивое развитие сельских территорий» была проведена работа по повышению комфортности проживания на селе. В 2020 г. начала работать госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий» [1], в рамках которой усилена государственная поддержка подготовки кадров (рис. 1). Размер субсидирования увеличен до 80% понесенных ими расходов по договорам о целевом обучении, а перечень субсидируемых специальностей (направлений подготовки), по которым может обучаться гражданин, дополнен экономическими и юридическими направлениями.

Важно отметить, что в течение 2020 г. была продолжена работа по активизации подготовки специалистов на целевой основе с использованием механизма государственной поддержки, в том числе проводилась разносторонняя разъяснительная работа с использованием информационных ресурсов в сети Интернет.

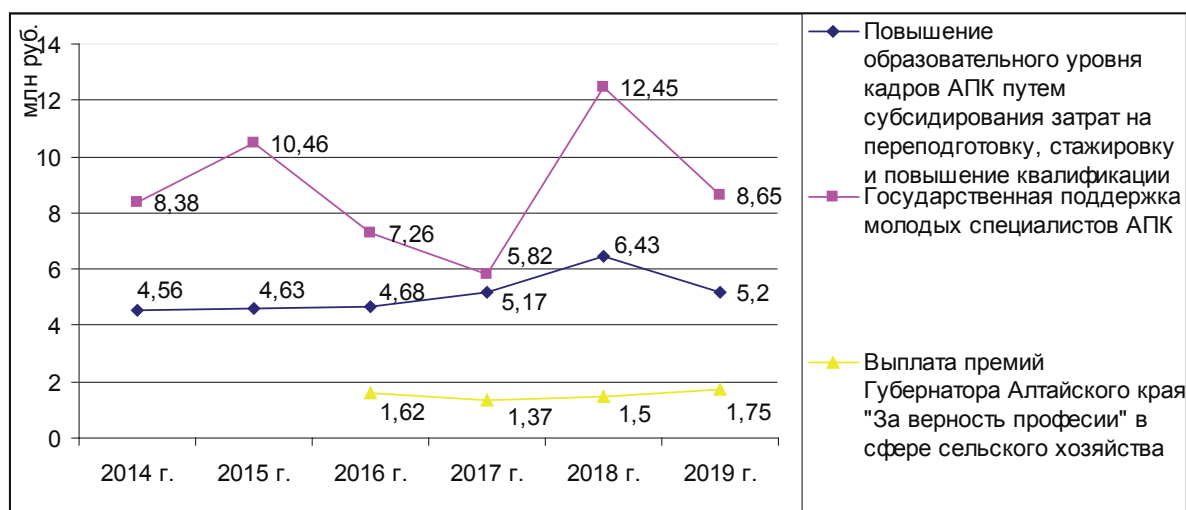

Рис. 1. Финансирование мероприятий по повышению кадрового потенциала аграрного сектора региона за 2014–2019 годы, млн руб.

Вопросы активизации работы по укреплению кадрового потенциала АПК систематически рассматриваются на совещаниях с руководителями органов управления АПК районов и сельскохозяйственных предприятий. С целью мотивации студентов для работы в отрасли организовано сотрудничество организаций агропромышленного комплекса с аграрным вузом региона [2].

Однако предприятия, имеющие кадровый дефицит, крайне слабо используют предложенный механизм, даже несмотря на значительную поддержку государства в этом вопросе. Исследования показали, что в 2019 г. в Алтайский государственный аграрный университет (далее — АГАУ) на условиях целевого приема зачислено 22 выпускника сельских общеобразовательных школ. А выпуск специалистов — 23 человека, которые прошли обучение в рамках целевого обучения. Только одной сельскохозяйственной организации (ЗАО «СХП «Урожайное», Советский район) была предо-

ставлена субсидия на сумму 60,5 тыс. руб. на компенсацию затрат по договорам о целевом обучении, связанных с оказанием мер социальной поддержки.

В 2019 г. для притока молодежи в отрасль сельского хозяйства и закрепления их на селе была расширена категория молодых специалистов, имеющих право на получение социальной выплаты на хозяйственное обзаведение и обустройство. Помимо молодых специалистов сельскохозяйственных организаций право на получение социальной выплаты предоставлено также специалистам краевых госучреждений ветеринарной службы Алтайского края, осуществляющих деятельность в сельской местности, а также некоммерческих научных организаций, которые в процессе своей деятельности осуществляют производство сельскохозяйственной продукции и ее первичную переработку. Из краевого бюджета социальные выплаты в 2019 году получил 31 молодой специалист, что составило сумму порядка 8,7 млн рублей (табл.).

Социальные выплаты молодым специалистам АПК Алтайского края

Наименование	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество молодых специалистов АПК, получивших социальные выплаты, чел.	53	61	55	43	44	31
Общая сумма направленных средств, млн руб.	8,38	10,46	7,26	5,80	12,45	8,65

Наиболее активно за последние три года использовали механизм поддержки молодых специалистов аграрной отрасли в Целинном районе, в котором поддержку получили 11 молодых работников, Троицком — 7, Завьяловском — 6, Локтевском и Новичихинском районах — по 5.

С целью совершенствования образовательного процесса в настоящее время разработана концепция развития непрерывного аграрного образования Алтайского края на период до 2025 г. Данная концепция предполагает: а) довузовскую подготовку; б) подготовку высококвалифицированных

кадров и кадров высшей квалификации; в) дополнительное профессиональное образование взрослого населения. Одним из важнейших ее пунктов является принцип «агроинтеграции» — возможность одновременно с аттестатом о среднем образовании получить профессию, востребованную на селе [3–6].

Необходимо подчеркнуть, что реализация Концепции показала высокую эффективность в решении проблемы привлечения молодых кадров в сельскую местность Алтайского края.

Для формирования интереса школьников к специальностям аграрного профиля, их профессионального самоопределения и осознанного выбора профессии АГАУ продолжается профориентационная работа в форме агроклассов. В 2018–2019 учебном году на базе университета была организована работа заочного агрокласса, количество обучающихся которого составило 51 человек (из 18 районов Алтайского края). Из них зачислено в АГАУ 22 выпускника сельских школ. В 2019–2020 учебном году, в период с 28 октября по 27 декабря, в заочном агроклассе обучилось 24 человека. Кроме этого, АГАУ в рамках заключенных ранее договоров продолжено сотрудничество с общеобразовательными организациями Косихинского и Тюменцевского районов, двумя средними общеобразовательными школами г. Барнаула (№ 60 и № 120), где созданы агроклассы, в соответствии с которыми университет обеспечивает научное и организационное сопровождение деятельности таких классов.

Алтайский агроуниверситет в 2019 г. в числе других учебных заведений края активно участвовал в программе ярмарок профессий «Строим будущее Алтая», которые проводились в течение все-

го учебного года в муниципальных образованиях региона. Профориентационная работа была проведена в 46 районах и 11 городах Алтайского края, а также в Новосибирской и Кемеровской областях и Республике Алтай, аудитория составила более 10 тыс. человек.

В рамках Всероссийского молодежного проекта по сохранению культурно-исторического наследия села и повышению информированности населения о возможностях самореализации на сельских территориях, а также в целях популяризации профессий в сфере агропромышленного комплекса и профориентации сельской молодежи Минсельхозом Алтайского края организована работа рабочей группы по реализации на территории региона проекта «Свое дело в селе — смело!», в которую вошли преподаватели, аспиранты и активисты АГАУ. В 2019 г. группой проведена работа в 8 районах края, аудитория составила 970 человек.

Проведение такого рода мероприятий позволило сформировать реестр потенциальных заявителей для участия в государственной программе по развитию сельского хозяйства.

Чтобы быть востребованным специалистом на рынке труда, недостаточно просто получить профильное образование. Для этого необходимо повышать свою квалификацию и профессиональный уровень. На реализацию данных программ ежегодно из краевого бюджета выделяются средства в рамках дополнительного профессионального образования, координатором которого выступает Алтайский институт повышения квалификации руководителей и специалистов агропромышленного комплекса (далее — АИПК). За последние 3 года в его стенах повысили квалификацию свыше 1,8 тыс. человек (рис. 2).

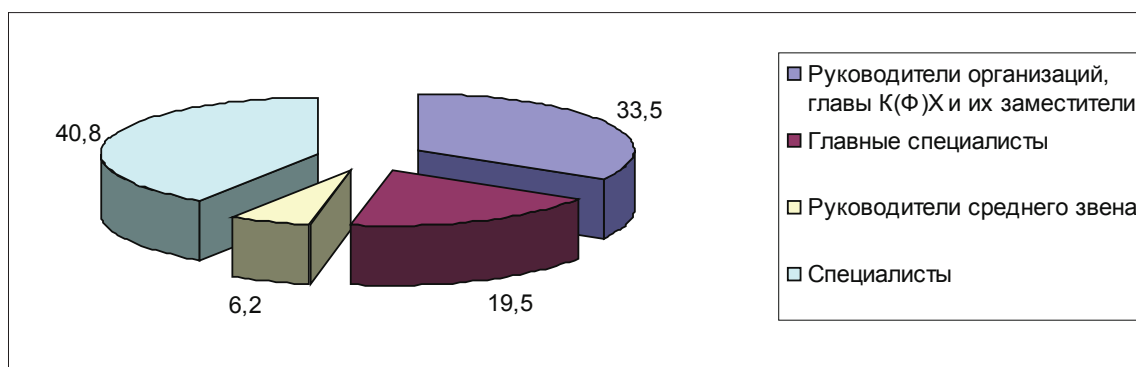

Рис. 2. Состав и структура категорий работников АПК, повысивших квалификацию посредством краевого финансирования за 2017–2019 гг., %

В целях повышения эффективности управления сельхозорганизациями в современных условиях проведено обучение 48 руководителей всех организационно-правовых форм, в том числе 25 че-

ловек — по программе «Эффективное управление предприятием АПК».

Проведенный анализ тенденций и факторов развития экономики Алтайского края подтвер-

ждают тот факт, что именно инновационные технологии планомерно становятся важнейшей составляющей для дальнейшего экономического роста [7].

Таким образом, программы повышения квалификации предусматривают широкий спектр актуальных вопросов, среди которых: ориентация на стратегические цели развития отрасли, на эффективные технологии управления организацией и технологии производства продукции, управления финансовыми потоками, а также инструменты государственной отраслевой поддержки.

В Стратегии социально-экономического развития Алтайского края отмечено, что агропромышленный комплекс должен стать одной из основных точек роста посредством развития кооперации в сельском хозяйстве.

Несомненно, потенциал развития в Алтайском крае кооперации определен особенностями функционирования малых форм хозяйствования в регионе. На 1 января 2016 г. в районах Алтайского края зарегистрировано более 454 тыс. личных подсобных хозяйств, в пользовании у которых находится 280,7 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий, в том числе 182,8 тыс. гектаров пашни [8].

В целях дальнейшего развития малых форм хозяйствования в сельской местности в АИПК разработаны и реализуются программы по основам предпринимательской деятельности в агропромышленном комплексе. Программы «Организация и функционирование крестьянского (фермерско-

го) хозяйства и их кооперация», «Бизнес-планирование в деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства с учетом мер государственной поддержки» реализуются за счет средств федерального и краевого бюджета. По данным программам в 2019 г. прошли обучение и повысили свою квалификацию 85 слушателей. Курсы повышения квалификации проходили в очно-заочной форме и в форме выездных занятий, что позволило увеличить доступность курсов для отдаленных районов Алтайского края. В целом за счет реализации таких программ свой профессиональный уровень повысили 896 работников АПК, в том числе 320 руководителей и специалистов [9].

Исследования показали, что на сегодняшний день наметилась тенденция повышения уровня обеспеченности сельскохозяйственных организаций руководителями и специалистами всех уровней и, в первую очередь, за счет последовательной реализации комплекса мер по поддержке развития кадрового потенциала АПК и комплексному развитию сельских территорий. Во вторую очередь, это позволило повысить динамику качества руководящего состава сельскохозяйственных организаций региона.

Следует особо подчеркнуть, что предусмотренные в 2019 г. подпрограммой «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие агропромышленного комплекса» целевые показатели по кадровому обеспечению АПК выполнены в полном объеме (рис. 3).

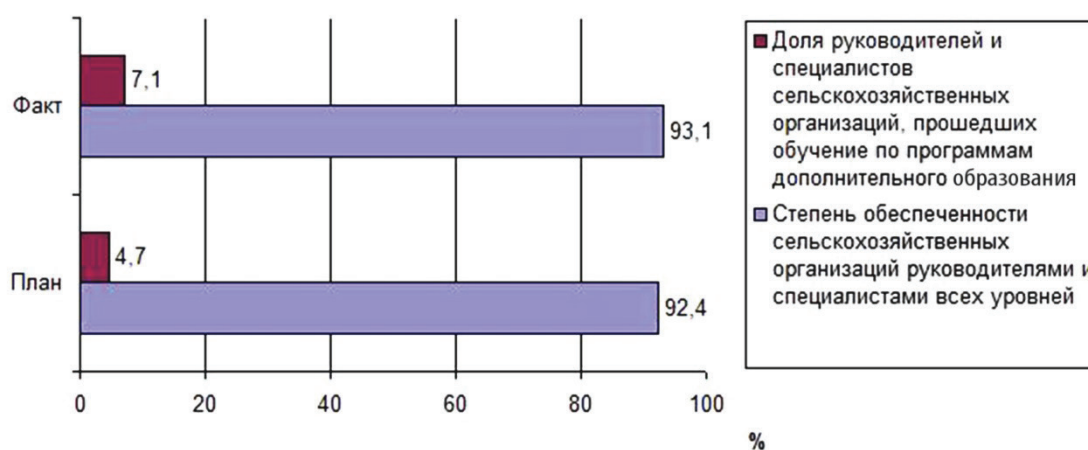

Рис. 3. Оценка целевых показателей по повышению кадрового потенциала аграрного сектора Алтайского края в 2019 г., %

Однако следует признать, что проблема обеспеченности аграрного сектора экономики региона кадрами всех категорий работников остается очень актуальной, хотя принимаются серьезные меры по развитию и укреплению кадрового потенциа-

ла сельскохозяйственной отрасли. Так, на 1 января 2020 г. кадровый дефицит в сельскохозяйственных организациях края всех форм собственности составлял 3273 вакантных рабочих места, из них на должности руководящего состава — 618 [10].

Решение проблем, сдерживающих развитие кадрового потенциала, требует комплексного подхода с участием всех заинтересованных сторон, включая органы исполнительной власти всех уровней, образовательные организации, агробизнес и общественность. Только совместная целенаправленная и системная работа на перспективу сможет изменить ситуацию. В январе 2021 г. при ассоциации образовательных учреждений АПК и рыболовства «Агрообразование» создан Совет по экономической работе вузов Минсельхоза России. Одна из основных целей Совета — совершенствование договорной работы с сельскохозяйственными организациями края в части не только обучения и переподготовки молодых специалистов, но и сотрудничества в области привлечения к учебному процессу лучших и передовых практиков, что в дальнейшем позволит повысить профессиональный уровень выпускников и их востребованность в отраслях АПК региона.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым подчеркнуть, что в современных условиях организация системы образовательной поддержки, направленная на решение вопросов кадрового обеспечения инновационной деятельности АПК, должна быть комплексной и продолжить реализацию следующих мероприятий.

Повысить профессиональный уровень работников отрасли возможно благодаря регулярному повышению квалификации руководителей и специалистов аграрного сектора. И в первую очередь необходим переход от государственного сопровождения в обучении специалистов к их системному сопровождению комплексом организаций, так или иначе связанных с процессом непрерывного дополнительного образования в АПК.

Стимулирование сельхозтоваропроизводителей к подготовке специалистов АПК по договорам

о целевом обучении обеспечит удовлетворение потребности организаций АПК в квалифицированных кадрах требуемых специальностей и направлений подготовки с учетом региональных потребностей.

Создание инфраструктуры для реализации проектов по цифровизации сельского хозяйства. Массовое использование технологий потребует соответствующих навыков у специалистов с ярко выраженной специализацией в профессиях. Кроме ИТ-специалистов, которые обеспечивают фундамент для цифровизации, также понадобятся бизнес-аналитики, понимающие бизнес-задачи компании и способные поставить соответствующую задачу по разработке. В АПК будут нужны менеджеры, которые смогут качественно реализовать проекты по цифровизации. Не обойдет АПК и современный тренд на востребованность специалистов Data Science. Несомненно, для цифрового сельского хозяйства реально существует потребность не только в узкоспециализированных, но и в многопрофильных специалистах, способных интегрировать интеллектуальные решения в различных областях сельскохозяйственного производства.

Развитие системы аутсорсинга, то есть временной аренды профессионального персонала как варианта сезонного найма позволит утолить «кадровый голод» и организации не придется держать сотрудника в штате: в результате чего снизятся затраты и себестоимость.

Полагаем, формирование комфортной среды для развития организации системы образовательной поддержки, направленной на решение вопросов кадрового обеспечения инновационной деятельности АПК, позволит повысить привлекательность работы и проживания в селе благодаря реализации предложенных рекомендаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/72260516/> (дата обращения: 09.02.2021).
2. Доскач О. Е., Глотова Н. И. Роль аграрных вузов в решении кадровых проблем на селе (на материалах Алтайского края) // Аграрная наука — сельскому хозяйству: сборник статей: в 2 кн. XIV Международная научно-практическая конференция (7–8 февраля 2019 г.). Барнаул, 2019. Кн. 1. С. 9–11.
3. Внедрение «Агроинтеграции». URL: https://www.altairegion22.ru/region_news/ (дата обращения: 09.02.2021).
4. Стратегия развития аграрного образования в Российской Федерации до 2030 г. URL: http://www.bsaa.edu.ru/sveden/files/Strategiya_AO.pdf/ (дата обращения: 09.02.2021).
5. Степанова Э. В. Профессиональная подготовка кадров для АПК региона // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 1 (10). С. 174–181.
6. Горелова Т. П. Научно-образовательные центры как драйверы развития научного потенциала Российской Федерации // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 3. С. 39–51.

7. Глотова Н. И. Проблемы кадрового обеспечения аграрного сектора (на материалах Алтайского края) // Теория и практика современной аграрной науки: сб. III национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием (г. Новосибирск, 28 февраля 2020 г.). Т. 4. Новосибирск, 2020. С. 24–27.

8. Фасенко Т. Е., Иванова В. А., Глотова Н. И. Социально-экономические условия развития сельскохозяйственной кооперации: на примере Алтайского края // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 434–448.

9. Герауф Ю. В., Глотова Н. И. Активизация инвестиционной деятельности как фактор развития сельскохозяйственной кооперации в регионе (на примере Алтайского края) // Социально-экономическая политика страны и Сибирского региона при переходе на инновационный путь развития: материалы IX Международной научной конференции. Барнаул, 2017. С. 49–53.

10. Герауф Ю. В., Бицошвили И. А. Потенциал развития сельского хозяйства в Алтайском крае // Перспективы внедрения инновационных технологий в АПК: сборник статей II Российской (Национальной) научно-практической конференции. Барнаул, 2019. С. 158–161.

REFERENCES

1. Decree of the Government of the Russian Federation of May 31, 2019 N 696 «On approval of the state program of the Russian Federation» Integrated development of rural areas «and on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation» (with changes and additions). URL: <https://base.garant.ru/72260516/> (date of access: 09.02.2021).

2. Dorskach O. E., Glotova N. I. The role of agricultural universities in solving personnel problems in the countryside (based on materials from the Altai Territory) // Agrarian science for agriculture: collection of articles: in 2 books. XIV International Scientific and Practical Conference (February 7–8, 2019). Barnaul, 2019. Book 1. Pp. 9–11.

3. Implementation of «Agrointegration». URL: https://www.altairegion22.ru/region_news/ (date of access: 09.02.2021).

4. Strategy for the development of agrarian education in the Russian Federation until 2030. URL: http://www.bsaa.edu.ru/sveden/files/Strategiya_AO.pdf/ (date of access: 09.02.2021).

5. Stepanova E. V. Professional training of personnel for the agro-industrial complex of the region // Education and problems of society development. 2020. No. 1 (10). Pp. 174–181.

6. Gorelova T. P. Scientific and educational centers as drivers of the development of the scientific potential of the Russian Federation // Problems of theory and practice of management. 2020. No. 3. Pp. 39–51.

7. Glotova N. I. Problems of staffing the agrarian sector (based on materials from the Altai Territory) // Theory and practice of modern agricultural science: Collection of articles. III national (all-Russian) scientific conference with international participation (Novosibirsk, February 28, 2020). Vol. 4. Novosibirsk, 2020. Pp. 24–27.

8. Fasenko T. E., Ivanova V. A., Glotova N. I. Socio-economic conditions for the development of agricultural cooperation: the example of the Altai Territory // Scientific works of the Free Economic Community of Russia. 2019. Vol. 218. No. 4. Pp. 434–448.

9. Gerauf Yu. V., Glotova N. I. Intensification of investment activity as a factor in the development of agricultural cooperation in the region (on the example of the Altai Territory) // Socio-economic policy of the country and the Siberian region in the transition to an innovative path of development: materials of the IX International Scientific Conference. Barnaul, 2017. Pp. 49–53.

10. Gerauf Yu. V., Bitsoshvili I. A. The potential for agricultural development in the Altai Territory // Prospects for the introduction of innovative technologies in the agro-industrial complex. Collection of articles of the II Russian (National) scientific and practical conference. Barnaul, 2019. Pp. 158–161.

Поступила в редакцию: 16.02.2021.

Принята к печати: 22.03.2021.

О СОЗДАНИИ ВНУТРЕННЕГО ИСТОЧНИКА УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ОРГАНИЗАЦИИ НА БАЗЕ МЕТОДА УПРАВЛЕНИЯ ТАЛАНТАМИ

А. Ю. Горбунова, Ю. В. Горбунов, Л. Н. Межова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В условиях усиливающихся внешних изменений организации, ища устойчивые источники экономического роста, все в большей степени обращают внимание на внутренние факторы. Среди этих внутренних (эндогенных) факторов исключительное значение с учетом перехода экономики к постиндустриальной стадии развития приобретает наличие высокоинтеллектуальных, талантливых работников. Формирование команды из таких сотрудников и эффективное управление ими предусматривает наличие особых методов и подходов. В менеджменте в качестве ответа на данный запрос сложился отдельный метод управления персоналом и развития работников — управление талантами (talent management). Цель исследования — изучение особенностей и перспектив метода управления талантами для обеспечения экономического роста организации, основанного на внутренних источниках в контексте постиндустриальной стадии развития экономики. Результатом исследования является изучение процесса внедрения метода talent management в организации. Научная новизна исследования состоит в изучении возможностей фрагментарного использования этого метода с учетом ограниченности ресурсов и возможностей организации. Делается вывод о положительных результатах ограниченного использования метода talent management для отдельных подсистем организации, что показывает доступность указанного метода для применения в сокращенном, урезанном варианте для испытывающих дефицит ресурсов российских организаций.

Ключевые слова: управление талантами, внутренний экономический рост, постиндустриальная экономика, талантливые сотрудники.

CREATING AN INTERNAL SOURCE OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH OF THE ORGANIZATION ON THE BASIS OF TALENT MANAGEMENT

A. Yu. Gorbunova, Yu. V. Gorbunov, L. N. Mezхова

Altai State University (Barnaul, Russia)

In the face of intensifying external changes, organizations, looking for sustainable sources of economic growth, increasingly pay attention to internal factors. Among these internal (endogenous) factors, the presence of highly intelligent, talented workers is becoming increasingly important, taking into account the transition of the economy to the post-industrial stage of development. Formation of a team of such employees and their effective management requires the presence of special methods and approaches. In management, as a response to this request, a separate method of personnel management and employee development has developed — talent management. The purpose of the study is to study the features and prospects of the talent management method to ensure the economic growth of an organization based on internal sources in the context of the post-industrial stage of economic development. The result of the research is to study the process of implementing the talent management method in an organization. The scientific novelty of the research lies in the study of the possibilities of fragmentary use of this method, taking into account the limited resources and capabilities of the organization. The conclusion is made about the positive results of the limited use of the talent management method for individual subsystems of the organization, which shows the

availability of this method for use in a shortened, truncated version for Russian organizations experiencing a shortage of resources.

Keywords: talent management, internal economic growth, post-industrial economy, talented employees.

Общество всегда ставило перед учеными и практиками задачу обеспечения экономического роста, который необходим для повышения уровня жизни людей, их благосостояния, решения социальных, культурных, экологических и иных проблем. Нужно добиваться увеличения реального объема производства материальных благ, которое на уровне государства выражается, прежде всего, в росте валового национального продукта, валового внутреннего продукта, национального дохода. На уровне организации экономический рост выражается в результирующих показателях работы, таких как объем выпускаемой продукции, выручки, прибыли.

Для обеспечения экономического, социально-го развития необходимо стремиться к достижению высоких темпов экономического роста. При этом возникает определенное противоречие между количеством материальных благ, получаемых в настоящее время и в будущем. Чрезмерно активное использование ресурсов сейчас, особенно невозпроизводимых, может привести к экономическим, экологическим и иным серьезным проблемам. С целью решения этого противоречия, нахождения баланса между современным и будущим потреблением, нагрузкам на экологию в 70-х гг. XX в. возникла концепция устойчивого развития [1]. Эта концепция предполагает достижение такого экономического роста, который «удовлетворяет потребность настоящего времени, но не ставит под угрозу способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [2]. Но понятие «устойчивость» с точки зрения экономического роста предполагает не только разумную нагрузку на природную среду, обеспечивающую ее сохранение и возможность счастливого будущего следующим поколениям, но и постоянное, непрерывное увеличение производства материальных благ в течение длительного времени. Способы обеспечения этого увеличения меняются в зависимости от стадии развития общества и особенностей производительных сил.

В современной научной литературе широко используется подход к выделению продолжительных фаз экономического развития общества, предложенный У. Ростоу, на основе таких критериев, как технологические инновации, скорость экономического роста, изменения в структуре производства. Согласно этому подходу, экономически развитые страны

в настоящее время переходят от стадии «высокого массового потребления» к стадии «поиска качества жизни». При этом индустриальный тип экономического роста сменяется постиндустриальным [3]. Переход к постиндустриальной стадии развития экономики предполагает нахождение новых методов обеспечения экономического роста. Хотелось бы, чтобы этот рост носил не временный или волновой характер, а обладал свойствами устойчивости, системности, самоподдержки, необратимости. Поэтому экономисты и политики в большей степени обращают внимание на возможность обеспечения эндогенного типа экономического роста, который происходит благодаря факторам, находящимся внутри экономической системы, а не вне ее. Такой рост, в отличие от экзогенного, более надежен, он не зависит от внешней конъюнктуры, которая от благоприятной может перейти к неблагоприятной.

Российские ученые в качестве важнейших факторов экономического роста эндогенного типа в масштабах всей страны выделяют увеличение инвестиций в основной капитал, развитие инноваций, позволяющих внедрить новейшие технологии шестого технологического уклада — нанотехнологий, медицинских технологий, фотоники, структурное изменение экономики с целью замены низкоэффективных, не инновационных организаций передовыми и высокоприбыльными. Американские экономисты существенными макроэкономическими факторами эндогенного экономического роста считают, в частности, увеличение расходов правительства, на оборонные и иные нужды, стимулирование роста потребления [4–7].

На уровне организации выделяют следующие основные источники эндогенного экономического роста: увеличение факторов производства (капитала, работников), рост эффективности их использования, совершенствование системы планирования, антикризисное управление, использование современных математических моделей при принятии управленческих решений, инновации, цифровая трансформация предприятий [8–11].

Считаем, что помимо вышеперечисленных одним из мощных факторов экономического роста эндогенного типа при переходе экономики к постиндустриальной стадии развития является использование актуального на сегодняшний день метода управления персоналом и развития работников — talent management.

Целью данного исследования является изучение возможности использования управления талантами в обеспечении экономического роста организации эндогенного типа при переходе экономики к постиндустриальной стадии развития. Методология исследования основана на системном подходе к исследуемым объектам и процессам. В работе использованы методы теоретического обобщения, систематизации, анализа и синтеза, табличный, графический метод.

Главной производительной силой всегда был и остается человек. Но требования к работникам со временем меняются. Постиндустриальная стадия развития экономики, в которой наука является непосредственной производительной силой, осуществляется массовая информатизация и автоматизация всех видов деятельности, происходят постоянные перемены. Она требует, чтобы человек в свой труд вкладывал не только полученные знания, умения и навыки, но все свои духовные и интеллектуальные силы. Наличие в организации талантливых людей делает ее мобильнее, инновационнее, более адаптивной к меняющимся условиям. Такая организация будет активно использовать имеющиеся и создавать новые точки роста, видеть возможности и угрозы развития бизнеса, выдерживать конкуренцию. Экономический рост будет обусловлен, в первую очередь, внутренним фактором — наличием талантливых людей, заинтересованных в своей работе. Организация в меньшей степени будет подвержена воздействию внешних негативных факторов, станет более устойчивой.

Термин «talent management» был впервые введен работником американской компании Softscape Д. Уоткинсом в 1998 г. [12]. В последующем он стал широко использоваться как зарубежными, так и российскими учеными и предпринимателями.

Существует два подхода к определению источника таланта. Согласно первому, «талантами рождаются», то есть у людей, и далеко не у всех, изначально имеется определенный набор данных, которые они могут использовать себе и обществу во благо. Согласно второму подходу, «талантами становятся». У каждого человека есть талант от рождения, но его проявление и развитие зависит от среды, в которой личность находится. Метод управления персоналом talent management основывается на последнем предположении.

Американский психолог Howard Gardner создал классификацию талантов, выделив следующие типы [13]:

- вербально-лингвистический — это способность выражать свои мысли на бумаге, обладают писатели, журналисты, лингвисты;

- цифровой — выражен у математиков, программистов;
- слуховой — присущ музыкантам, лингвистам, языковедам;
- пространственный — представители этого таланта — художники, архитекторы, дизайнеры;
- физический талант приобретается на практике, встречается у танцоров, спортсменов;
- талант восприятия окружающей среды — взаимодействие с окружающим миром, его представителями являются фермеры;
- предпринимательский — обладание даром генерирования идей, способность к деятельности в условиях риска.

Под talent management понимают совокупность методов управления персоналом, позволяющих привлекать, обеспечивать лояльность и удерживать высококвалифицированных талантливых специалистов [14].

Управление талантами — это система, включающая следующие элементы [15]:

- поиск и оценка талантливых людей;
- адаптация талантов;
- развитие талантов, обучение;
- эффективное использование потенциала сотрудников;
- управление знаниями и компетенциями;
- план развития карьеры;
- мотивация и льготы.

Реализовать в компании систему talent management очень сложно. Это связано с тем, что при внедрении этого метода управления персоналом необходимо осуществить комплексный подход, поменяв не только систему управления людьми, но и организационную структуру, коммуникации, культуру организации и т. п. Вторым препятствием к внедрению talent management является высокая затратность. Высококласные талантливые специалисты работают не для того, чтобы прокормить себя и свои семьи, они легко находят высокооплачиваемые должности. Талантливым людям, помимо высокого дохода, важно качество работы, возможность дальнейшего интеллектуального роста, самореализации. Создать такие условия весьма дорого.

Россия существенно отстает от Америки и Европы в плане применения talent management. Но для отечественных организаций, по нашему мнению, более актуален опыт не передовых в этом отношении североамериканских и европейских государств, а Китая по следующим причинам:

- эта страна относительно недавно осуществила прорыв в инновационном и экономическом развитии. Уровень развития ин-

новаций в некоторых отраслях сравним с российским;

- КНР делает акцент на эндогенном экономическом росте как на макро-, так и на микроуровне, поэтому мировые экономические кризисы лишь косвенно затрагивают ее экономику. Для России опора на внутренние источники роста была всегда актуальна, а в связи с непрекращающимися международными санкциями значимость ее выросла;
- несмотря на высокие достижения, далеко не все китайские компании имеют достаточно средств для комплексного внедрения системы talent management, что роднит их с российскими предприятиями. При этом китайские компании, ориентируясь на необходимость инновационного развития, накопили определенный опыт частичного, не комплексного внедрения talent management, который дает хорошие результаты. Изучение и использование этого опыта весьма актуально для отечественных организаций.

Высокоинновационная китайская компания Hengtong Group включает более 50 дочерних пред-

приятий и филиалов. Основным направлением деятельности является производство силовых и оптоволоконных кабелей. Компания является одним из мировых лидеров в кабельной промышленности. Организация широко дифференцирована, часть дочерних компаний занимаются другими видами бизнеса.

Рассматриваемая нами компания Hengtong является дочерней, ее уставный фонд составляет 10 миллионов юаней и полностью принадлежит Hengtong Group. Находится компания в провинции Хэйлунцзян, на северо-востоке Китая. Предприятие специализируется на конструировании, производстве, доставке, установке и обслуживании оборудования для дренажа и очищения воды. Потребителями продукции являются как организации, так и домохозяйства, часть оборудования идет на экспорт. Как и все организации, входящие в Hengtong Group, компания высокотехнологичная, инновационная, имеет собственный центр научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Собственные изобретения компании защищены более чем тридцатью патентами.

Общее число сотрудников компании Hengtong в 2020 году составило 373 человека (табл. 1).

Таблица 1

Распределение персонала компании по отделам			
Отделы		Численность, чел.	%
Высшее руководство		6	1.61
Работники производства	Отдел обеспечения качества	26	6.97
	Отдел производства	143	38.34
	Отдел оборудования	31	8.31
Инженерно-технические работники	Центр НИОКР	11	2.95
	Технический отдел	23	6.17
	Инженерный отдел	16	4.29
Работники службы сбыта	Отдел продаж	38	10.19
	Отдел обслуживания клиентов	23	6.17
Работники функциональных отделов	Финансовый отдел	11	2.95
	Отдел управления персоналом	14	3.75
	Отдел закупок	19	5.09
	Отдел капитального строительства	12	3.21
Общее количество		373	100,00

Таким образом, непосредственно в производстве оборудования заняты 200 человек, инженерно-технические работники — 50, работники службы сбыта — 61, работники функциональных отделов — 56 и 6 человек — высшее руководство. «Сердцем» компании являются инженерно-технические работники, именно они обеспечивают лидирующие компетенции в отрасли. Хороший конструктор и инженер должен обладать не только глубокими познаниями в технике, но и уметь мыс-

лить креативно, неординарно, проявлять творчество, вкладывать в работу весь свой интеллект и душу. Человек, предлагающий техническое решение проблемы, превосходящее по качеству имеющийся мировой уровень, безусловно, должен быть талантливым.

Руководители компании Hengtong столкнулись с проблемой роста текучести кадров, в том числе среди инженерно-технических работников. Начиная с 2016 г. из этого сектора компании уво-

лился 21 человек, в том числе 18 — по собственному желанию. Коэффициент текучести кадров с 13% в 2016 г. увеличился до 17% в 2018 г. Конечно, на смену ушедшим пришли новые инженеры. Но потеря высококлассных специалистов, имеющих большой опыт работы, развитые компетенции в своей сфере деятельности, весьма опасна для компании. Даже небольшой недочет в работе, незначительное отставание от лидеров отрасли может привести к потере компанией как национального рынка, так и зарубежного. Уровень конкуренции между производителями оборудования для дренажа и очищения воды высок как внутри Китая, так и за рубежом.

Руководство компании приняло решение о внедрении системы talent management. Но по причине отсутствия опыта в этой сфере и недостаточности ресурсов решили начать с пилотного проекта, ограничившись только инженерно-техническими работниками. При этом сама система talent management тоже была урезана. Из всего комплекса мер руководство компании выбрало только две, по их мнению, более важные составляющие: совершенствование системы оплаты труда и обучения.

В 2020 г. была внедрена новая система оплаты труда для инженерно-технических работников (табл. 2).

Таблица 2

**Система оплаты труда (помесячная) по системе talent management
для инженерно-технических работников компании**

Должность	Базовый оклад, юани	Стимулирующая часть, % от базового оклада	Бонусы		Всего, с учетом максимальной стимулирующей части, юани	Доля стимулирующей (вариативной) части в общей сумме, %
			Доплата, юани	Транспортный грант, юани		
Руководитель Центра НИОКР	11000	до 60	3500	400	21500	30,6
Заместитель руководителя	10000	до 60	3500	400	19900	30,2
Руководитель мультипроекта	8000	до 30	3500	400	14300	16,8
Руководитель проекта	6000	до 30	3000	400	11200	16,1
Инженер 1-й категории	5000	до 30	-	400	6900	21,7
Инженер 2-й категории	4600	до 30	-	400	6380	21,6
Техник	3200	до 30	-	400	4560	21,1

Разрабатывая такую систему оплаты труда, руководство компании придерживалось рекомендаций talent management. Уровень оплаты должен быть достойным, поэтому ввели ежемесячные доплаты. Необходимо сделать разумную дифференциацию заработных плат, чтобы талантливые работники видели внимание и заботу о них со стороны компании. Для учета индивидуального вклада каждого сотрудника в деятельность организации предусмотрена стимулирующая (вариативная) часть. Но доля вариативной части не должна быть слишком высокой. Талантливые люди должны быть раскрепощены в своих действиях и иметь право на ошибки. В противном случае зажатый в жесткие шоры талант не проявится, не даст ожидаемых от него результатов. Поэтому стимулирующая часть немногим более 30% только у руководителя Центра НИОКР и его заместителя — людей в большей степени решающих управленческие, а не технические пробле-

мы. У остальных работников оплата труда на 80% и более — фиксированная, определяющая стабильность доходов и при неудачах.

Вторая составляющая talent management, примененная в компании, — это изменение системы повышения квалификации для высококлассных специалистов. До 2020 г. в организации практиковалась единая для всех работников система обучения, включающая в себя теоретические курсы, тренинги, мастер-классы по различным направлениям: командообразованию, финансовой грамотности, маркетинговым навыкам, обучению корпоративной культуре и т. п. Через систему тестирования было выявлено, что высококвалифицированные работники негативно относятся к таким обязательным для них занятиям и зачетам. Получаемая в процессе обучения информация для них не нова, время на посещение занятий они считают зря потраченным. В свете этого руководство компании изменило систему повы-

шения квалификации для инженерно-технических работников. Теперь руководитель Центра НИОКР вместе с работником составляет индивидуальную для него программу переподготовки, учитывающую, с одной стороны, требования компании, с другой, — желания самого сотрудника. Такой подход позволяет проявить уважение к та-

лантливому человеку и создать для него условия дальнейшего развития.

Внедрив частично систему управления персоналом *talent management*, компания Hengtong во многом решила проблему текучести кадров среди высококлассных, талантливых специалистов (табл. 3).

Таблица 3

Динамика кадров инженерно-технического сектора компании

Показатели	2017	2018	2019	2020
Уволенных сотрудников, чел.	6	7	8	4
Из них по собственному желанию, чел.	5	6	7	1
Общее количество сотрудников инженерно-технического сектора, чел.	46	47	47	50
Коэффициент текучести кадров, %	13	14	17	8
Коэффициент добровольного увольнения, %	11	12	14	2

Коэффициент текучести кадров в 2020 г. снизился до 8%, причем коэффициент добровольного увольнения составил 2%.

Таким образом, внедряя даже частично систему управления персоналом *talent management*, компания Hengtong значительно снизила текучесть кадров среди высококвалифицированных специалистов. При этом организация усилила факторы, определяющие ее экономический рост эндогенного типа, снизила свою зависимость от негативных воздействий внешней среды, подняла свою инновационность, адаптивность и конкурентоспособность.

Результаты работы подтвердили выводы, сделанные предыдущими исследователями, об особой актуальности для современных организаций обеспечения экономического роста эндогенного типа, источниками которого являются внутренние факторы. Именно такой экономический рост обладает свойствами устойчивости, системности, самоподдержки, необратимости. В условиях перехода экономики к постиндустриальной стадии, ее высокой инновационности, быстрой изменчивости важнейшим фактором устойчивого роста организации являются высокоинтеллектуальные, талантливые работники. В свете этого особую актуальность приобретает метод управления персоналом *talent management*.

Особенность нашего исследования — выявление позитивного результата при использовании этого метода не в масштабах всей организации, а применительно только к одной его подсистеме, причем метод управления персоналом *talent management* был внедрен в изучаемой организации в неполном, урезанном виде. Считаем, что такой опыт применения *talent management* актуален для российских предприятий, зачастую не имеющих ни достаточного опыта внедрения *talent management*, ни средств к этому.

Проведенное исследование показало:

- высокую актуальность обеспечения организациями экономического роста эндогенного типа;
- главным фактором экономического роста организаций в настоящее время являются высокоинтеллектуальные талантливые работники;
- исключительную значимость метода управления персоналом *talent management* для привлечения и удержания высококачественной рабочей силы;
- возможность получения положительного результата при применении метода *talent management* в сокращенном, урезанном виде и для управления только одной подсистемой организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Meadows D. L., Donella H., et al. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York, 1972.
2. World Commission on Environment and Development. *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future*. World Commission on Environment and Development. 1987. URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future/> (дата обращения: 17.01.2021).

3. Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. New York, 1960.
4. Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности: сборник статей / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М., 2017. 384 с.
5. Илюхин А. А., Пономарёва С. И., Илюхина С. В. Экономический рост и фактор созидательного разрушения // *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16. № 4. С. 630–639.
6. Kollias C. Defence and non-defence spending in the USA: stimuli to economic growth? Comparative findings from a semiparametric approach // *Bulletin of economic research*. 2015. Vol. 67. No. 4. Pp. 359–370.
7. Mallick S. K. Macroeconomic Effects of Inflationary Shocks with Durable and NonDurable Consumption. *Open economies review*. 2016. Vol. 27. No 5. Pp. 895–921.
8. Зуб А. Т. Ситуационное планирование в антикризисном управлении: рецепт успеха // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2017. № 64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsionnoe-planirovanie-v-antikrizisnom-upravlenii-retsept-uspeha/> (дата обращения: 17.01.2021).
9. Конников Е. А., Конникова О. А., Лукашевич Н. С. Векторная модель оценки потенциальной результативности решений, направленных на повышение устойчивости развития промышленного предприятия // *Экономические науки* 2019. № 1 (170). С. 47–50.
10. Цибарева М. Е. Основы экономического развития России // *Экономические науки*. 2019. № 3 (172). С. 85–89.
11. Евдокимов А. Н., Сураева М. О. Инновации и стратегия — ключевые элементы цифровой трансформации бизнеса // *Экономические науки*. 2019. № 5 (174). С. 89–92.
12. Watkins D. *Lightyear — An Application Framework for Talent Management That Acts as a Central Feedback Center for all Organizational Functions*. Softscape, Incorporated. 1998.
13. Gardner H. *Truth, beauty, and goodness reframed: Educating for the virtues in the 21st century*. New York, 2011.
14. Лютикова М. А., Нечушкина В. С. Использование систем управления талантами в управлении персоналом // *Nauka-rastudent*. 2016. No. 10 (034). URL: <http://naukarastudent.ru/34/3686/> (дата обращения: 07.11.2020).
15. Асаул А. Н. «Управление талантами» — инновационное направление в управлении персоналом // *Мировое инновационное соревнование. Роль и место России в нем: материалы XVIII научно-практической конференции*. СПб., 2016. С. 383–391.

REFERENCES

1. Meadows D. L., Donella H., et al. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York, 1972.
2. World Commission on Environment and Development. *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future*. World Commission on Environment and Development. 1987. URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future/> (дата обращения: 17.01.2021).
3. Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. New York, 1960.
4. Grinin L. E., Korotaev A. V., Bondarenko V. M. (Eds.). *Kondratev N. D. Crises and forecasts in the light of the theory of long waves. Look from the present*. Moscow, 2017.
5. Ilyukhin A. A., Ponomareva S. I., Ilyukhina S. V. Economic growth and the factor of creative destruction // *Journal of economic theory*. 2019. No 4. Pp. 630–639.
6. Kollias C. Defence and non-defence spending in the USA: stimuli to economic growth? Comparative findings from a semiparametric approach // *Bulletin of economic research*. 2015. Vol. 67. No 4. Pp. 359–370.
7. Mallick S. K. Macroeconomic Effects of Inflationary Shocks with Durable and NonDurable Consumption. *Open economies review*. 2016. Vol. 27. No 5. Pp. 895–921.
8. Zub A. T. Situational planning in crisis management: a recipe for success // *Public Administration. Electronic bulletin*. 2017. No 64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsionnoe-planirovanie-v-antikrizisnom-upravlenii-retsept-uspeha/>.
9. Konnikov E. A., Konnikova O. A., Lukashevich N. S. Vector model for evaluating the potential effectiveness of solutions aimed at improving the sustainability of industrial enterprise development // *Economic Sciences*. 2019. No 1 (170). Pp. 47–50.
10. Zibareva M. E. Foundations of economic development of Russia // *Economic science*. 2019. No 3 (172). Pp. 85–89.

11. Evdokimov A. N., Suraeva M. O. Innovations and strategy — key elements of digital business transformation // Economic science. 2019. No 5 (174). Pp. 89–92.
12. Watkins D. Lightyear — An Application Framework for Talent Management That Acts as a Central Feedback Center for all Organizational Functions. Softscape, Incorporated. 1998.
13. Gardner H. Truth, beauty, and goodness reframed: Educating for the virtues in the 21st century. New York, 2011.
14. Lyutikova M. A., Nechushkina V. S. Using talent management systems in personnel management // Naukarastudent.ru. 2016. No 10 (034). URL: <http://naukarastudent.ru/34/3686/>.
15. Asaul A. N. «Talent management» — an innovative direction in personnel management // The global innovation competition. Russia's role and place in it. Materials of the XVIII scientific and practical conference. Saint Petersburg, 2016. Pp. 383–391.

Поступила в редакцию: 05.02.2021.

Принята к печати: 31.03.2021.

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ ПОКУПАТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ К ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

С. И. Добрыднев¹, Т. С. Добрыднева²

¹Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматривается проблема разработки моделей мотивации трудового поведения персонала предприятий и организаций. Поведение человека является важной предметной областью исследования во многих науках. В экономике основные формы экономического поведения — это покупательское и трудовое поведение. Для каждой из них наработан обширный теоретический и практический материал, предложено значительное разнообразие моделей поведения. При этом в отсутствие общих моделей поведения человека, которые были бы применимы в любой области его деятельности, каждая наука разрабатывает собственный методологический аппарат и строит модели на основе собственных подходов. Модели покупательского поведения описывают четко определенный объект (покупательский акт), являются конкретными и практически ориентированными. Модели трудового поведения являются более общими и относятся к поведению в целом, но не к конкретному деятельностному акту. В статье предпринята попытка применить принципы построения моделей покупательского поведения к моделированию трудового поведения. Предложена модель вида «Определение целевых действий — Выбор стимула — Информирование и желание — Выбор и расположенность — Проверка и предпочтение — Подтверждение и отношение». Показано содержание данных стадий для задачи изменения трудового поведения. Методологической особенностью модели является выделение рациональной и эмоциональной сторон в некоторых элементах трудового поведения.

Ключевые слова: мотивация, трудовое поведение, покупательское поведение, рациональное поведение, эмоциональное поведение, управление персоналом, организационное поведение.

APPLYING CONSUMER BEHAVIOR MODEL TO THE STUFF LABOR MOTIVATION

S. I. Dobrydnev¹, T. S. Dobrydneva²

¹Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The article appeals to the problem of designing motivation model for the labor behavior of company staff. Human behavior is one of the key areas of research in many fields of knowledge. The main forms of human behavior in economics are consumer and labor behavior. For each of them, extensive theoretical and practical material has been developed, a significant variety of behaviors has been proposed. Moreover, in the absence of general models of human behavior that would be applicable in any field of his activity, each science develops its own methodological apparatus and builds models based on its own approaches. Models of consumer behavior describe a clearly defined object (purchasing act), are specific and practically oriented. Patterns of labour behaviour are more general and relate to conduct in general, but not to a specific act of activity. The article attempts to apply the principles of building models of consumer behavior to modeling labor behavior. The model of type “Definition of target actions — Stimulus selection — Information and desire — Choice and location — Check and preference — Confirmation and relation” is proposed. The content of these stages for the task of changing labor behavior is shown. A methodological feature of the model is the isolation of rational and emotional aspects in some elements of labor behavior.

Keywords: motivation, labor behavior, consumer behavior, rational behavior, emotional behavior, personnel management, organizational behavior.

Закономерности поведения человека исследуются многими науками с различных сторон в соответствии с их предметной областью. При этом конкретным предметом исследования чаще всего являются процесс и закономерности принятия решения о каком-либо действии. В маркетинге принятие решения о покупке, в мотивации и управлении персоналом — это некоторый способ действий, которому должен следовать персонал в интересах организации. В отсутствие единой моде-

ли человеческого поведения, которую следовало бы ожидать от психологии, но которой она не располагает, каждая наука опирается на собственные подходы и предлагает свои модели поведения.

Наибольшее количество и разнообразие моделей предлагает маркетинг в своих функциях рекламы, персональных продаж и массовых коммуникаций. В таблице 1, составленной авторами по материалам [1–5], приведены некоторые наиболее известные модели и их элементы.

Таблица 1

Основные характеристики моделей покупательского поведения потребителей

Модель	Элементы модели
AIDA	Внимание — интерес — желание — действие
ACCA	Внимание — восприятие потребности — убеждение — действие
DIBABA	Определение потребности — отождествление потребности — подталкивание к решению — вызов желания — создание обстановки для покупки
DAGMAR	Узнавание марки — осведомленность о качестве — убеждение — действие
Одобрение	Осознание потребности — интерес — оценка — проверка — одобрение
Иерархические эффекты (Lavidge, Steiner)	Осведомленность — знание — расположение — предпочтение — убежденность — покупка (адаптация)
Адаптация	Осведомленность — знание — оценка — проба — покупка — послепокупочная оценка
Принятие решения о покупке (Хокинса)	Осознание нужды — поиск и получение информации — оценка и выбор варианта — решение о покупке — покупка — реакция
Процесс потребительского решения	Осознание потребности — поиск информации — предпокупочная оценка — покупка — потребление — послепокупочная оценка
Облакова, Мартынова	Внимание — восприятие — понимание — убеждение — внушение — эмоциональное отношение — запоминание — волевая готовность к действию
Диффузная теория инноваций (Роджерс)	Внимание — интерес — оценка — проверка — принятие — подтверждение
Росситера-Перси	Потребность в категории — знание марки — отношение к марке — намерение покупки марки — поддержка покупки

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти модели разработаны достаточно давно и в последнее время сколько-нибудь заметных новшеств в научной литературе представлено не было. Так, в диссертации на степень PhD «A purchase decision-making process model of online consumers and its influential factor a cross sector analysis» [6], защищенной в бизнес-школе университета Манчестера в 2013 г. и полностью посвященной данной проблематике, автор, проведя обзор источников, основывает свое исследование на базовой модели вида: «постановка решения проблемы — поиск — оценка — выбор — оценка (решение) — покупка», которая является одним из вариантов ранее разработанных моделей и не содержит новых подходов.

Акт покупки является относительно простым действием, легко поддающимся экспериментированию и проверке. Трудовое же поведение — гораздо более сложный объект, и подходов к его

моделированию значительно меньше. Наиболее известными и чаще всего используемыми являются модели, представленные в таблице 2 (составлена авторами по материалам [7]).

Легко заметить разницу в подходах к построению моделей в данных дисциплинах. В маркетинге объектом моделирования является единичный покупательский акт — действие по совершению покупки. Изучается последовательность процессов, происходящих в сознании покупателя, и факторы, с помощью которых можно на него воздействовать.

Область моделирования в менеджменте гораздо шире. Объектами исследования здесь являются потребности и установки людей, их психологические особенности, факторы, влияющие на поведение, представления о справедливости и другие. И главной особенностью является отсутствие единого объекта изучения, каковым в маркетинге выступает единичное действие по покупке товара.

Таблица 2

Основные характеристики теорий мотивации трудового поведения

Теории мотивации трудового поведения	Факторы	Действия
Традиционные	Материальное стимулирование	Организация и нормирование труда: — сдельная оплата — единые условия мотивации
Герцберга	Мотиваторы — факторы удовлетворения работой Гигиенические — факторы неудовлетворенности работой	Активировать мотиваторы и гигиенические факторы
Мак-Клелланда	Потребности: — достижения — соучастия — властвования	Использование мотивов приближения и избегания
Мак-Грегора	Психологические типы работников: Теории X и Y	Применение стимулов, соответствующих негативным и позитивным установкам работников
Ядова	Диспозиционные образования и компоненты: — когнитивные — эмоциональные — поведенческие	Изменение поведения под влиянием диспозиций и компонент
Щербины, Герчикова	Тип мотиваций, присущих организационным группам работников	Применение специальных систем стимулирования к разным типам мотивации
Рамперсада	Баланс индивидуальных и организационных целей и ценностей Группы элементов показателей	Действия, стимулирующие самосовершенствование работника и гармонию со средой
Портера-Лоулера	Сравнение ожиданий и справедливости на основе учета усилий, восприятия, результатов, вознаграждения, степени удовлетворения	Повышение определенности результата, внутреннего вознаграждения (радости), справедливого удовлетворения
Теория ожиданий Врума	Связи «затраты-результат» и «результат-вознаграждение»	Повышение осознания связей между затратами результатом и вознаграждением
Теория справедливости Адамса	Сравнение с затраченными усилиями и вознаграждением других людей	Контроль справедливости стимулирующих мероприятий

Ни в одном из представленных подходов моделирования трудового поведения не ставится задача следующего рода: «Какие процессы происходят в сознании работника, от которого требуется изменение его трудового поведения?». И весь последующий процесс мотивации должен будет учитывать закономерности и эффекты таких процессов.

Такая постановка задачи аналогична задаче моделирования покупательского поведения и является вполне правомерной, поскольку, по нашему мнению, закономерности поведения человека в аспекте совершения некоего действия едины. Попытаемся смоделировать в основных чертах процесс принятия решения о трудовом действии с позиций практики построения маркетинговых моделей поведения, то есть как процесс последовательной смены действий и состояний управляемого субъекта (работника), от которого требуется совершение неких новых трудовых действий.

Метод исследования — теоретическое моделирование, основывающееся на известных элементах поведения, используемых в описанных

в настоящей статье моделях. Объект исследования — единичный акт мотивации трудового поведения.

Этап 1. Определение состояния и целей (Предмотивационный). На предварительном этапе необходимо выполнить следующие действия. Определение *целей* субъекта управления (целей фирмы в области трудового поведения). Изучение текущих действий объекта мотивирования — персонала с целью выявления недостатков и возможностей их совершенствования. Определение новых действий персонала, которых необходимо достичь (нового трудового поведения), и которые будут являться целями мотивации. Итог этапа — требуемые **целевые действия** персонала.

Этап 2. Выбор и предложение мотивов и стимулов. Включает следующие действия. Изучение потребностей персонала и выбор *мотивов*, направленных на изменение трудового поведения. Мотивом является предлагаемое удовлетворение некоторых потребностей работников. Определение средств удовлетворения потребностей, то есть

вознаграждения, которое может быть предложено персоналу после ожидаемого изменения трудового поведения. Данное вознаграждение будет являться непосредственным *стимулом* к изменению поведения. Оценка эффективности вариантов мотивации, то есть соотношения выгод и затрат фирмы при модификации системы мотивирования трудового поведения. Итог этапа — выбор варианта **вознаграждения — стимула**.

Этап 3. Изменение поведения-1 (Получение информации). Работнику передается информация, которая проходит этапы получения, анализа, восприятия и усвоения. Результатом обработки информации должно быть осознание нового предлагаемого состояния работника после получения стимула-вознаграждения. Работник сравнивает свое текущее состояние с предлагаемым, в результате чего должно появиться **желание** достичь нового предлагаемого состояния (обладания стимулом), которое проявляется в появлении психического напряжения, связанного с желанием. Желание совершить предлагаемое действие означает возникновение состояния мотивированности (мотивации) работника. Итог этапа — **информированность и желание**.

Этап 4. Изменение поведения-2 (Выбор и предварительное решение). Далее работник должен принять решение о действии. Если предлагается простое действие, то решение будет означать простое согласие, либо отказ от действия. Если же предлагается сложное изменение поведения, в котором возможны разные варианты действий, то могут потребоваться разъяснения, обоснования, предложения дополнительных стимулов. По сути на этом этапе происходит моделирование в сознании новых действий, оценка затрат сил. В отношении стимула также проходит моделирование его потребления, «идеальное потребление» стимула с оценкой приобретаемых выгод.

Результатом такого анализа с рациональной стороны будет баланс выгод и потерь, упущенных возможностей для других видов деятельности. С эмоциональной стороны оценка эмоциональных выгод будет заключаться в сравнении снятия напряжения при достижении цели (получения стимула, идеально представляемого удовлетворения) с возникающим напряжением от затраты усилий и от упущенных возможностей. Если процесс пройдет благоприятно, то в результате возникнет **расположенность** и готовность работника к пробному действию.

Этап 5. Проверка (Предпочтение). Мотивацию нельзя считать состоявшейся, если не будет достигнуто устойчивое добровольное изменение трудового поведения. Поэтому процесс пробной проверки является необходимым, который может

быть пропущен только при использовании административного принуждения. Суть его заключается в том, что происходит «реальное потребление стимула», которое будет включать пробное выполнение новых действий, получение стимула, его потребление, получение реальных выгод, оценка возникшего эмоционального состояния.

В отличие от единичного акта покупки, единичный акт трудового поведения не заканчивается принятием решения о согласии с предлагаемым способом действий. Кроме того, решение о единичном действии вообще нельзя считать завершённым актом трудовой мотивации работника. Решение, принятое в данной ситуации, может измениться в другое время и при других обстоятельствах. Поэтому пока возникает только **предпочтение**.

Этап 6. Подтверждение (Отношение). Пробная проверка может занять длительное время и включать повтор поведения, административное давление, моральное поощрение и др. В результате последовательно возникают **убеждение** и решение о принятии образа действий.

В процессе деятельности повторяется оценка баланса выгод — потерь, имеющая ту особенность, что в ней превалирует эмоциональная сторона. Состояние неудовлетворенности размером материального вознаграждения для работников является естественным (за немногими исключениями) и постоянным. И само по себе не может служить решающим фактором мотивированности. Динамичным образованием является эмоциональное состояние работника, которое складывается в балансе полученного удовлетворения и недовольства. При этом с положительной стороны удовлетворения участвует не удовольствие от использования стимула (зарботной платы), которое является отложенным на более-менее длительное время процессом, а удовольствие от факта получения стимула.

Данное удовольствие возникает как снятие **позитивного напряжения** от желания получения стимула. Оно и сравнивается с вновь возникшим **негативным напряжением** от затрат усилий и упущенных возможностей. Поэтому эмоциональный результат, определяющий устойчивость состояния мотивированности, складывается как баланс позитивных и негативных эмоциональных напряжений. Если позитивное напряжение превышает, то негативное снимается. Возникает и закрепляется благоприятное **отношение**, которое только и будет определять устойчивость системы мотивации и трудового поведения. Если же, наоборот, негативное напряжение превышает позитивное, то оно не будет снято, станет накапливаться и блокировать возникновение нового напряжения позитивной активности.

В обобщенном виде предлагаемая модель выражается следующей последовательностью этапов:

1. Определение целевых действий.
2. Выбор стимула.
3. Информирование и желание.
4. Выбор и расположенность.
5. Проверка и предпочтение.
6. Подтверждение и отношение.

Как видно, предлагаемая модель близка по содержанию этапов к известным моделям покупательского поведения, или иначе, к моделям совершения единичного покупательского акта, хотя и имеет свои отличия. Существенным отличием является необходимость объединения в одном этапе двух элементов — действия (информирование, выбор, проверка и подтверждение) и состояния (желание, расположенность, предпочтение, отношение). Необходимость такого подхода объясняется тем, что поведение человека является двойственным и неразрывным образом включает в себя рациональную и эмоциональную стороны. Разделение же этих сторон в описанных в литературе моделях покупательского поведения их серьезный недостаток. И хотя многими авторами отмечается необходимость учета эмоциональной, аффективной стороны поведения [7, 8], принцип двойственности поведения в построении моделей не выдерживается.

Полагаем также, что модель такого рода заполняет пробел в моделировании мотивации трудового поведения, заключающийся в том, что представленные в обзоре подходы модели являются по своей сути системными и рассматривают поведение сразу как систему из предмотивационных установок личности, воздействующих факторов и типичных реакций, оставляя вне поля внимания поведение единичного работника в единичной

конкретной ситуации, процессы, происходящие в его действиях, когнитивной и эмоциональной сферах. В данном аспекте модели такого рода могут оказаться ближе к практике, нежели общие теоретические подходы.

Будучи практически ориентированной, предлагаемая модель вписывается также и в систему существующих подходов. В первом приближении можно отметить, что условия и сущность протекающих на различных этапах процессов проясняются следующими моделями. «Определение действий мотивируемого» — традиционные модели, модель Рамперсада [9]. «Выбор стимула» — Герцберг, Мак-Клелланд, Мак-Грегор, Ядов [10], Герчиков [11]. Этап информирования и желания — Мак-Грегор, Ядов, Герчиков. Последние три этапа от выбора до отношения — Рамперсад, Портер-Лоулер, Врум, Адамс. Можно отметить, что ранние модели мотивации ориентированы преимущественно на начальные этапы мотивационного процесса, а более поздние — на завершающие этапы проверки действий, подтверждения и отношения.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что моделирование трудового поведения с использованием аппарата моделирования покупательского поведения является перспективным направлением и с теоретической, и с практической точки зрения. Актуальность анализа единичного трудового поведения возрастает в связи с происходящими в настоящее время резкими изменениями в сфере производственных и трудовых процессов, удаленных форм работы, в которых возрастает значение индивидуального поведения работника, выключаемого из коллективных социальных, трудовых и психологических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ламбен Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива. СПб., 1996. С. 127–128.
2. Lavidge R. J, Steiner G. A. A model of predictive measurement of advertising effectiveness // *Journal of Marketing*. 1961. Vol. 25, No. 6. Pp. 59–62.
3. Облакова С. В., Мартынова С. Э. Психологическая эффективность печатного рекламного текста: понятие и проблемы измерения // *Маркетинг и маркетинговые исследования в России*. 2002. № 1. С. 63–64.
4. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. 4 ed. Simon and Schuster, 2010.
5. Rossiter J. R., Percy L. *Advertising communications & promotion management*. The McGraw-Hill Companies Inc, 1997.
6. Karimi S. A purchase decision-making process model of online consumers and its influential factors: a cross sector analysis. Manchester, 2013. URL: <https://www.escholar.manchester.ac.uk/uk-ac-man-scw:189583/> (дата обращения: 07.02.2021)
7. Посыпанова О. С. *Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей: монография*. Калуга, 2012. 296 с.

8. Pham M. T., Cohen J. B., Pracejus J., Hughes G. D. Affect Monitoring and the Primacy of Feelings in Judgment // Journal of Consumer Research. 2001. Vol. 28. Pp. 167–188. URL: <https://scholar.google.com/citations?user=cKntAwYAAAAJ&hl=en>
9. Рамперсад Х. К. Индивидуальная сбалансированная система показателей. М., 2005.
10. Человек и его работа / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина и В. А. Ядова. М., 1967.
11. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / под ред. В. В. Щербины. М., 2004. 520 с.

REFERENCES

1. Lamben J. Strategic marketing. The European perspective. St. Petersburg, 1996. Pp. 127–128.
2. Lavidge R. J, Steiner G. A. A model of predictive measurement of advertising effectiveness // Journal of Marketing. 1961. Vol. 25, No. 6. Pp. 59–62.
3. Oblakova S. V., Martynova S. E. Psychological effectiveness of printed advertising text: the concept and problems of measurement // Marketing and marketing research in Russia. 2002. No. 1. Pp. 63–64.
4. Rogers E. Diffusion of Innovations. 4 ed. Simon and Schuster, 2010. 518 p.
5. Rossiter J. R., Percy L. Advertizing communications & promotion management. The McGraw-Hill Companies Inc. 1997.
6. Karimi S. A purchase decision-making process model of online consumers and its influential factors cross sector analysis. Manchester, 2013. URL: <https://www.escholar.manchester.ac.uk/uk-ac-man-scw:189583/> (date of access: 07.02.2021)
7. Posypanova O. S. Economic psychology: psychological aspects of consumer behavior. Monograph. Kaluga, 2012. 296 p.
8. Pham M. T., Cohen J. B., Pracejus J., Hughes G. D. Affect Monitoring and the Primacy of Feelings in Judgment // Journal of Consumer Research. 2001. Vol. 28. Pp. 167–188. URL: <https://scholar.google.com/citations?user=cKntAwYAAAAJ&hl=en>
9. Rampersad H. K. Individual balanced scorecard. Moscow, 2005.
10. A man and his job / editorship of A. G. Zdravomyslova, V. P. Rozhina and V. A. Yadova. Moscow, 1967.
11. HR management: management and consultancy / editorship of V. V. Shcherbina. Moscow, 2004. 520 p.

Поступила в редакцию: 25.02.2021.

Принята к печати: 16.04.2021.

ДИАГНОСТИКА ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНА В НАПРАВЛЕНИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ

О. С. Кошевой

Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

В условиях формирования цифрового общества в Российской Федерации помимо внедрения цифровых технологий в сферу экономики, производства и распределения огромное значение придается цифровизации населения путем организации его доступа к различным информационным сервисам, построенным на базе использования сети Интернет. Это — обращение граждан к сотрудникам органов государственного и муниципального управления посредством использования виртуальных приемных, это — обращение в различного рода медицинские учреждения, учреждения высшего и среднего образования, покупка проездных документов и т. п.

Однако наиболее востребованным средством, достаточно полно охватывающим практически все потребности жизни и деятельности населения РФ, является портал государственных услуг, который полностью гармонизирован с действующим законодательством. К сожалению, востребованность портала в различных регионах РФ является неоднородной, как в целом, по общему объему предоставляемых услуг, так и по их структурному содержанию.

К настоящему времени Росстатом сформирована достаточно обширная эмпирическая база, позволяющая оценить неравномерность использования портала государственных услуг различными регионами РФ и наметить пути преодоления этого неравенства. Рассмотрению представленной проблемы и посвящено данное исследование.

В работе в качестве методов исследования приняты непараметрические методы оценки наличия статистической связи между признаками на основе использования таблиц сопряженности, частотный и сравнительный анализы.

Ключевые слова: цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, выборочное обследование, интернет, социально-демографические характеристики населения.

DIAGNOSTIC ASSESSMENT OF THE STATE OF DIGITALIZATION IN THE REGION IN THE DIRECTION OF RENDERING STATE AND MUNICIPAL SERVICES TO THE POPULATION

O. S. Koshevoy

Penza State University (Penza, Russia)

In the context of the formation of a digital society in the Russian Federation, in addition to the introduction of digital technologies in the economy, production and distribution, great importance is attached to the digitalization of the population by organizing its access to various services based on the use of the Internet. This is the appeal of citizens to employees of state and municipal government bodies through the use of virtual reception rooms, this is an appeal to various medical institutions, institutions of higher and secondary education, the purchase of travel documents, etc.

However, the most popular technological tool that fully covers almost all the needs of the population of the Russian Federation is the port of state and municipal services, which is fully harmonized with the current legislation.

Unfortunately, the demand for the portal in various regions of the Russian Federation is heterogeneous, both in general, in terms of the total volume of services provided, and in their structural content.

To date, Rosstat has formed a fairly extensive empirical base that allows us to assess the uneven use of the portal of public services by various regions of the Russian Federation and to outline ways to overcome this inequality. This study is devoted to the consideration of the presented problem.

In this paper, nonparametric methods for assessing the presence of a statistical relationship between features based on the use of conjugacy tables, frequency and comparative analyses are used as research methods.

Keywords: digitalization, information and communication technologies, sample survey, Internet, socio-demographic characteristics of the population.

Одним из основных направлений цифровизации в Российской Федерации является широкое внедрение информационных технологий в области оказания населению государственных и муниципальных услуг.

Согласно результатам исследования международной консалтинговой компании VCG, Российская Федерация по темпам роста цифровизации занимает третье место в мире, опережая среднемировой уровень почти втрое, 42% против 15% [1]. При этом одно из ведущих направлений в области внедрения цифровых технологий — направление, связанное с оперативным обеспечением населения РФ государственными и муниципальными услугами. Технологическим средством реализации этого направления является портал государственных услуг.

Цель настоящего исследования — оценка использования населением региона портала государственных услуг.

Объект исследования — портал государственных услуг.

Предмет исследования — отношение населения регионов к использованию портала государственных услуг.

В качестве эмпирической базы для выполнения исследований приняты результаты выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (ИКТ) согласно распоряжению Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2191-р [2]. При этом программа обследования полностью согласована с требованиями международных статистических организаций.

В более широком обобщении, результаты обследования ИКТ используются для оценки результатов реализации основополагающих документов в области цифровизации:

- государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»;

— национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

При построении выборки для исследования ИКТ единицами наблюдения принимались домохозяйства и лица в возрасте от 15 лет и старше — члены этих домохозяйств. Месячный объем выборки составляет около 77 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше, что соответствует 0,06% численности населения данного возраста. Основой для формирования выборочной совокупности служит территориальная выборка многоцелевого назначения на базе первичного информационного фонда Всероссийской переписи населения 2010 г.

Модель выборки — двухфазная, где на первой ступени формируется выборочный массив счетных участков, образованных при проведении Всероссийской переписи населения 2010 г. Массив счетных участков является информационной основой для выборки домохозяйств на второй ступени, где сбор информации проводится по лицам в обследуемом возрасте. Для формирования выборки домохозяйств применяется стандартная процедура систематического случайного отбора. При этом домохозяйства, отобранные на второй ступени, подлежат опросу. При формировании выборочного массива первичных выборочных единиц реализована процедура стратификации совокупности административно-территориальных единиц с учетом их географического расположения.

Анкета выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением определена в соответствии с приказом Росстата от 08.05.2019 № 265.

База анкетирования реализована в шаблоне компьютерной среды SPSS, и представлена на сайте Росстата.

Анализ результатов анкетирования по вопросу «Получение государственных и муниципальных услуг в последние 12 месяцев и используемые при этом способы» выполнен в целом по РФ, При-

волжскому федеральному округу (ПФО), Пензенской области и Республике Татарстан. Республика Татарстан выбрана как один из лидеров рейтинга по социально-экономическому положению в РФ (5-е место), а Пензенская область — как регион, находящийся в середине рейтинга (56-е место) [3].

Большинство респондентов для получения государственных и муниципальных услуг используют сеть Интернет. При этом около половины опрошенных в Республике Татарстан пользуются сервисами Интернета (рис. 1).

В меньшую сторону по использованию Интернета для получения государственных и муниципальных услуг следует отметить Пензенскую

область. Здесь население предпочитает либо вообще не получать услуги, либо получать услуги традиционными способами: при личном посещении соответствующей организации, либо через офисы МФЦ.

Несмотря на достаточно осторожное отношение населения к услугам, получение которых связано с Интернетом, ответы на качество предоставляемых им услуг достаточно позитивные. Здесь также наиболее высокая оценка качества услуг представлена в ответах респондентов Республики Татарстан. Население Пензенской области оценивает услуги, предоставляемые Интернетом, выше, чем в целом по РФ, и даже несколько выше, чем население ПФО.

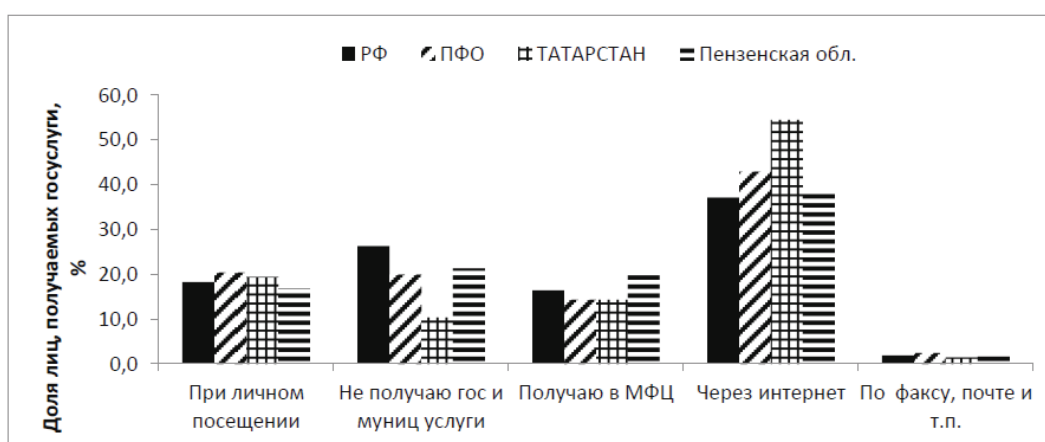

Рис. 1. Способы получения государственных услуг

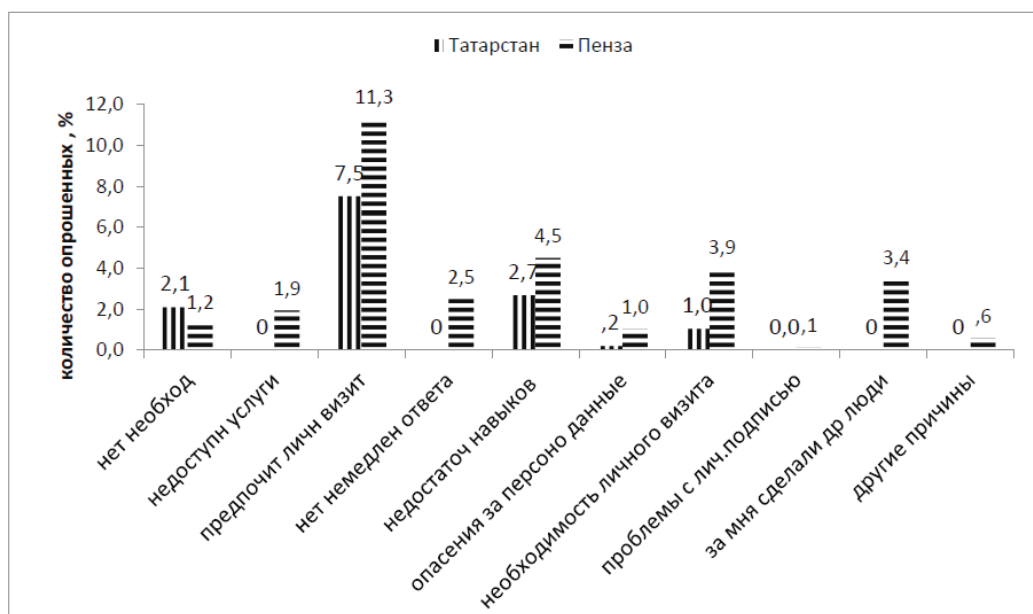

Рис. 2. Причины ограничения неиспользования портала государственных и муниципальных услуг

Однако результаты оценки удовлетворенности населением качеством предоставляемых услуг по сети Интернет, находятся в некотором противоречии с ранее полученными данными, поскольку доля респондентов в Пензенской области зарегистрированных на портале государственных услуг более чем в два раза ниже, чем в РФ, ПФО и особенно в Республике Татарстан.

Частично объяснить установленное ранее противоречие можно путем анализа данных, представленных на рисунке 2, из которых следует, что население Пензенской области предпочитает личный визит в организацию для получения того или иного документа. Кроме того, респондентов в Пензенской области не устраивает то, что ответ на запрос представляется со значительной временной задержкой. Ограничением использования портала государственных услуг для жителя Пензенской области является также недостаточность знаний и умений в области пользования сервисами портала государственных услуг.

В то же время из анализа данных, представленных на рисунке 2, можно увидеть противоречие в ответах респондентов. Так, в частности, с одной стороны, респонденты предпочитают личный визит в организацию, а с другой — их не устраивает необходимость личного присутствия при получении требуемого документа. И еще одна особенность для жителей Пензенского региона — привлечение других людей при получении документа с помощью портала государственных услуг.

Для более детальной диагностики причин недостаточного участия населения Пензенской области в использовании возможностей портала государственных услуг проанализируем такие социально-демографические характеристики населения, как возраст, пол, место проживания, уровень образования. В качестве критерия оценки влияния данных характеристик на показатели использования портала государственных услуг воспользуемся статистическим показателем критерий хи-квадрат (χ^2) [4].

При оценке влияния места проживания на показатель регистрации на портале государственных услуг для Пензенской области с использованием таблиц сопряженности в компьютерной среде SPSS установлена статистически значимая связь — $\chi^2 = 8,377$ и уровнем 2-сторонней асимптотической значимости, равной 0,005, что значительно меньше порогового значения в 0,05. Приблизительно такой же результат получен и для Республики Татарстан — $\chi^2 = 10,032$ и уровнем 2-сторонней асимптотической значимости, равной 0,002 [5]. При этом процент городского и сельского населения, принимавшего участие в выборочном

обследовании населения, приблизительно одинаков (%):

- для республики Татарстан:
 - городское население — 58,6;
 - сельское население — 41,4.
- для Пензенской области:
 - городское население — 60,7;
 - сельское население — 39,3.

На рисунках 3 и 4 представлены результаты регистрации на портале государственных услуг исследуемых субъектов.

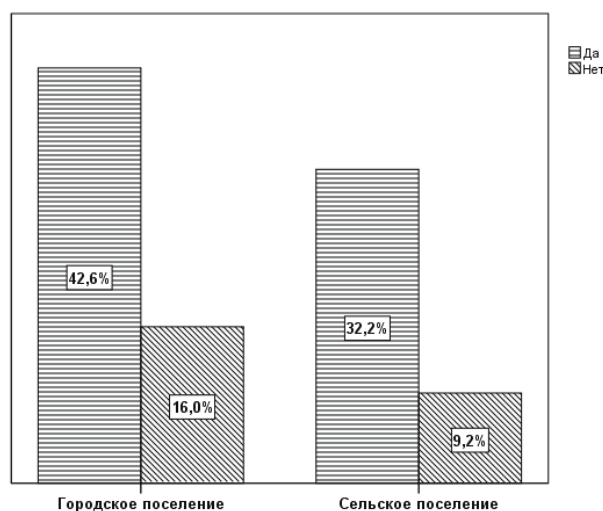

Рис. 3. Регистрация на портале государственных услуг населения Республики Татарстан по месту проживания

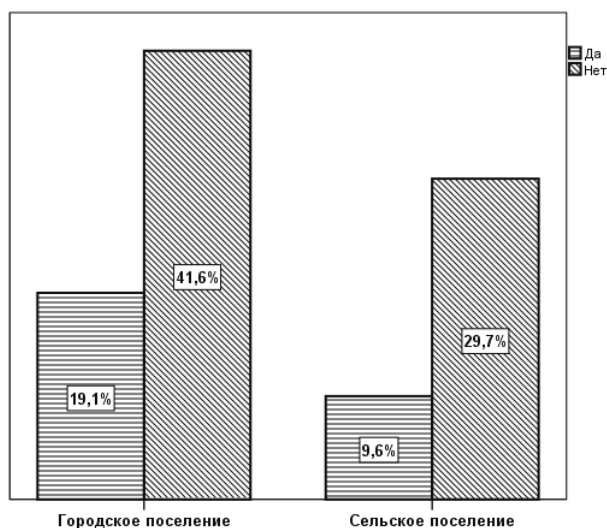

Рис. 4. Регистрация на портале государственных услуг населения Пензенской области по месту проживания

Сравнивая результаты, представленные на рисунках 3 и 4, можно сделать вывод, что структура показателей является прямо противоположной как для городского, так и для сельского населения. Выполнить оценку различия можно с использованием общего показателя координации (ОПК) [6].

$$\text{ОПК} = \frac{\text{Показатель, характеризующий } i\text{-ю часть совокупности}}{\text{Показатель, характеризующий часть совокупности, выбранную в качестве базы сравнения}}$$

В результате расчетов получим: для Республики Татарстан на одно отсутствие регистрации на портале государственных услуг три регистрации и, наоборот, для Пензенской области — на одно отсутствие регистрации всего лишь 0,4 регистрации на портале государственных услуг.

Результаты исследования по оценке влияния гендерного признака на процесс регистрации населения на портале государственных услуг показали, что как в Пензенской области, так и в Республике Татарстан статистическая связь между указанными признаками не установлена. Это, скорее всего, связано с тем, что не существует значительного гендерного различия в составе населения рассматриваемых регионов. Однако практический интерес представляет собой структура изучаемых показателей, представленная на рисунках 5, 6.

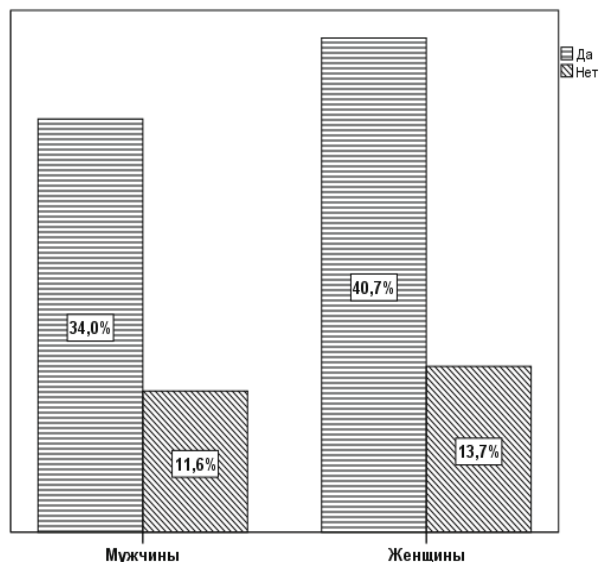

Рис. 5. Регистрация на портале государственных услуг населения по гендерному признаку в Республике Татарстан

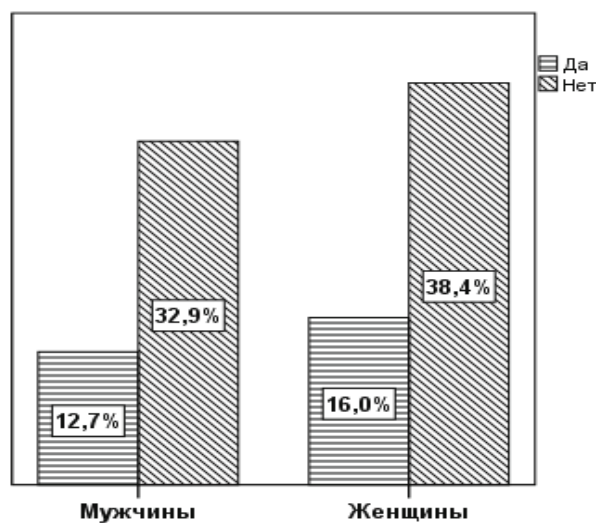

Рис. 6. Регистрация на портале государственных услуг населения по гендерному признаку в Пензенской области

В результате расчетов с использованием ОПК получим: для Республики Татарстан на одно отсутствие регистрации на портале государственных услуг имеем три регистрации и, наоборот, для Пензенской области — на одно отсутствие регистрации всего лишь 0,4 регистрации на портале государственных услуг. Таким образом, мы получили совершенно одинаковые результаты с показателем места проживания населения и его связью с регистрацией на портале государственных услуг.

Следующий важнейший социально-демографический признак — это возрастной состав населения и его связь с регистрацией на портале государственных услуг. По данному показателю как для Республики Татарстан, так и для Пензенской области установлена существенная статистическая связь между возрастным составом и регистрацией на портале государственных услуг. Так, в частности, для Пензенской области установлено $\chi^2 = 320,323$ и уровень 2-сторонней асимптотической значимости 0,000. Графически результаты исследования представлены на рисунке 7.

Для республики Татарстан $\chi^2 = 502,852$ и уровень 2-сторонней асимптотической значимости — 0,000. Графически результаты исследования представлены на рисунке 8.

Сравнивая данные, представленные на рисунках 7 и 8, можно сделать вывод о том, что в Республике Татарстан наблюдается активность использования портала государственных услуг практически по всему диапазону группировок населения по возрасту. Кроме того, количество населения в группах, использующих портал государственных услуг, существенно выше, чем доля населения в группах,

не пользующихся услугами портала. Для Пензенской области группировки населения 70–74 года, 75–79 лет, 80 лет и старше практически не пользуются услугами портала государственных услуг.

Внутри остальных возрастных групп наблюдается примерное равенство лиц, использующих и не использующих возможности портала государственных услуг.

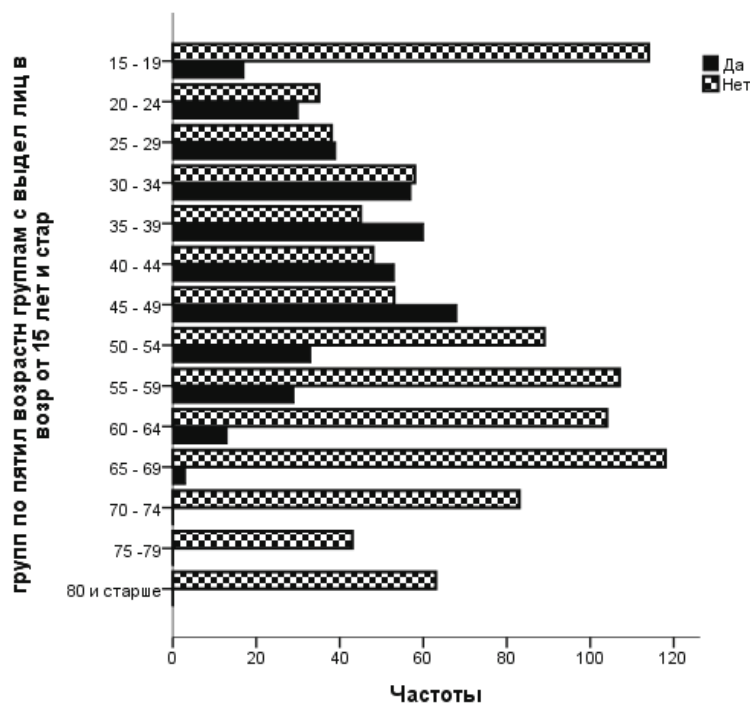

Рис. 7. Возраст и регистрация на портале государственных услуг для Пензенской области

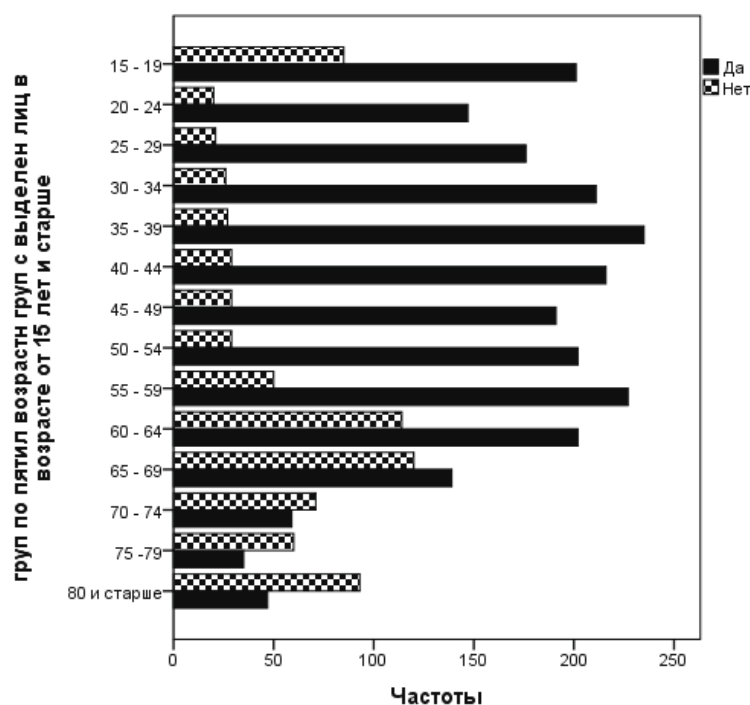

Рис. 8. Возраст и регистрация на портале государственных услуг для Республики Татарстан

Уровень образования, по-видимому, может являться определенным стимулом использования портала государственных услуг. В работе установлена статистическая связь между уровнем образования и использованием портала государственных

услуг. Так, в частности, для Пензенской области установлено $\chi^2 = 146,779$ и уровень 2-сторонней асимптотической значимости — 0,000. Графически результаты исследования представлены на рисунке 9.

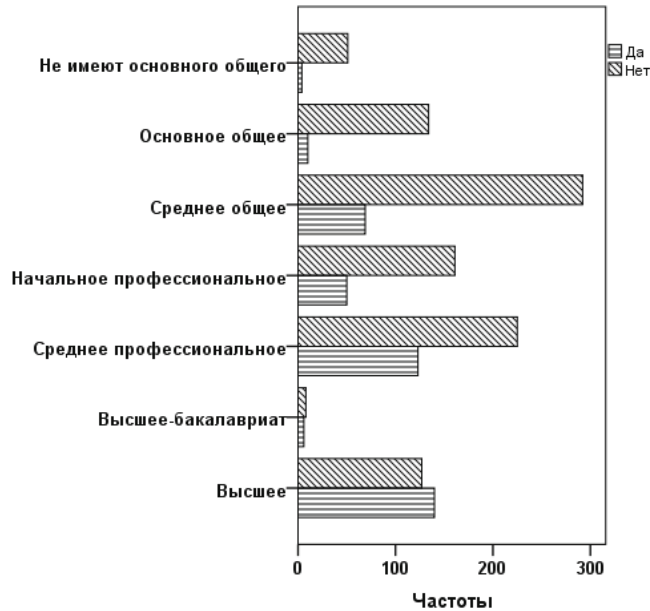

Рис. 9. Уровень образования и регистрация на портале государственных услуг для Пензенской области

Для Республики Татарстан также установлена статистическая связь между уровнем образования и использованием портала государственных услуг $\chi^2 = 183,632$ и уровень 2-сторонней асимптотической значимости — 0,000. Графически результаты исследования представлены на рисунке 10.

Анализ данных рисунков 9 и 10, показывает, что практически для всех уровней образования в Республике Татарстан наблюдается существенное превышение лиц, зарегистрированных на портале, над лицами, не использующими портал государственных услуг.

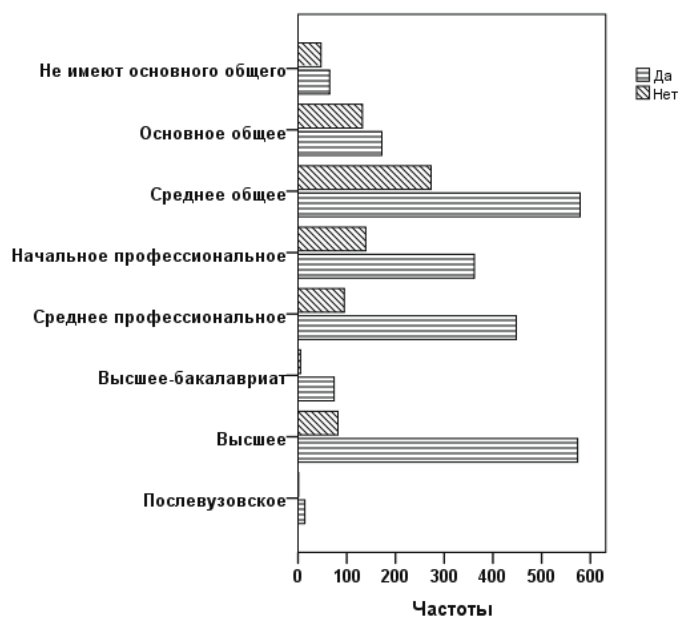

Рис. 10. Уровень образования и регистрация на портале государственных услуг для Республики Татарстан

Учитывая достаточно высокий уровень научного и образовательного потенциала населения Пензенской области [7, 8], сложно объяснить объективными причинами слабое участие жителей в направлении использования возможностей портала государственных услуг.

Исходя из установленных выше причин малоэффективного использования портала государственных услуг населением Пензенской области практически по всему спектру социально-демографических характеристик, можно предположить, что основной причиной сложившейся ситуации является слабая техническая оснащённость данного региона средствами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Однако как следует из рисунков 11 и 12, оснащённость Пензенской области компьютерами и современными средствами интернет-ресурсов не уступает оснащённости Республики Татарстан.

Учитывая, что технические характеристики ИКТ Республики Татарстан и Пензенской области практически одинаковы, а влияние социально-демографических показателей Республики Татарстан на использование возможностей портала государственных услуг в среднем более чем в три раза больше, чем в Пензенской области, причины сложившейся ситуации следует искать в состоянии информационной культуры населения Пензенской области.

Для повышения уровня информационной культуры населения Пензенской области следует оперативно разработать концепцию повышения информационной культуры и на ее основе — комплексную программу информатизации региона [9–11]. В качестве индикаторов выполнения программы можно использовать индикаторы, приве-

денные в данном исследовании и касающиеся Республики Татарстан.

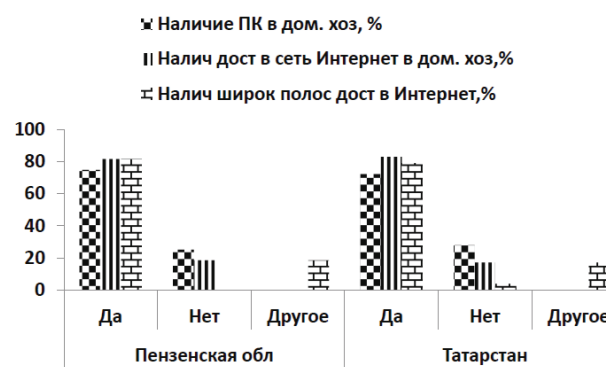

Рис. 11. Сравнительная оценка ИКТ

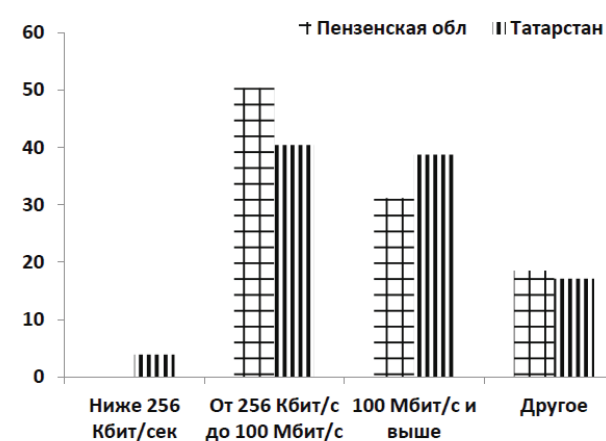

Рис. 12. Сравнительная оценка скоростных характеристик Интернета

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агентство экономической информации ПРАЙМ. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20190313/829795916.html/ (дата обращения: 20.02.2021).
2. Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2191-п. URL: <http://government.ru/docs/all/85088/> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Рейтинг социально-экономического положения регионов-2020. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html/> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Кошевой О. С., Карпова М. К. Технология оценки взаимосвязи между признаками на номинальных шкалах // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. № 4 (42). С. 62–66.
5. Наследов А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013. 416 с.
6. Шмойлова Р. А., Минашкин В. Г., Садовникова Н. А., Шувалова Е. Б. Теория статистики: учебник / под ред. Р. А. Шмойловой. 5-е изд. М., 2014. 656 с.
7. Кошевой О. С. Диагностика интеллектуального потенциала региона в информационном поле все-российской переписи населения // Наука и общество в эпоху технологий и коммуникаций: материалы Ме-

ждународной научно-практической конференции. 3 декабря 2015 года / под ред. Ю. С. Руденко, Н. А. Рыбаковой, Э. Р. Гатиатуллиной. М., 2016. С. 874–879.

8. Кошевой О. С. Человеческий потенциал науки: региональные особенности на примере Пензенского региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 204–215.

9. Астафьева Л. Б. и др. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография. Екатеринбург, 2019. 292 с.

10. Havrilova L. H., Topolnik Ya. V. Digital culture, digital literacy, digital competence as the modern educational phenomena // Information Technologies and Learning Tools. Theory, Methods and Practice of Using ICT in Education. 2017. Vol. 61, No. 5. Pp. 1–14. URL: <https://journal.iitta.gov.ua/index.php/itlt/article/view/1744>.

11. Гендина Н. И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международный и российский подходы к решению проблемы // Открытое образование. 2007. № 5. С. 58–69.

REFERENCES

1. PRIME Economic Information Agency. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20190313/829795916.html/ (date of access: 20.02.2021).

2. Order of the Government of the Russian Federation No. 2191-p of November 26, 2012. URL: <http://government.ru/docs/all/85088/> (date of access: 20.02.2021).

3. Rating of the socio-economic situation of the regions-2020. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html/> (date of access: 20.02.2021).

4. Koshevoy O. S., Karpova M. K. Technology for assessing the relationship between signs on nominal scales // Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. 2012 No. 4 (42). Pp. 62–66.

5. Nasledov A. IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical analysis of data. SPb., 2013. 416 p.

6. Shmoilova R. A., Minashkin V. G., Sadovnikova N. A., Shuvalov E. B. Theory of statistics: a textbook / ed. by R. A. Smolovoy. 5th ed. Moscow, 2014. 656 p.

7. Koshevoy O. S. Diagnostics of the intellectual potential of the region in the information field of the All-Russian population census // Science and Society in the era of technologies and Communications: materials of the international scientific and practical conference. December 3, 2015 / ed. by Yu. S. Rudenko, N. A. Rybakova, E. R. Gatiatullina. Moscow, 2016. Pp. 874–879.

8. Koshevo O. S. Human potential of science: regional peculiarities on the example of the Penza region // Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2016. № 3 (39). Pp. 204–215.

9. Astafieva L. B. et al. The Information Age: new paradigms of culture and education: a monograph. Yekaterinburg, 2019. 292 p.

10. Havrilova L. H., Topolnik Ya. V. Digital culture, digital literacy, digital competence as the modern educational phenomena // Information Technologies and Learning Tools. Theory, Methods and Practice of Using ICT in Education. 2017. Vol. 61, No. 5 Pp. 1–14. URL: <https://journal.iitta.gov.ua/index.php/itlt/article/view/1744>.

11. Gendina N. I. Information literacy and information culture of the individual: international and Russian approaches to solving the problem // Open education. 2007. No 5. Pp. 58–69.

Поступила в редакцию: 16.03.2021.

Принята к печати: 09.04.2021.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА АЛТАЙСКОГО КРАЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

П. И. Кузьмин, А. Г. Зиновьев, С. И. Обиремко, О. В. Исаева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена социально-экономическому исследованию состояния и развития экономики Алтайского края в условиях пандемии коронавируса и последствий санкций, введенных по инициативе Евросоюза и США с 2014 г. В качестве объективной оценки последствий пандемии коронавируса и санкций на экономику региона в данной работе предложено использовать эконометрические методы в процессе экономико-математического моделирования валового регионального продукта, чтобы показать взаимосвязь между валовым региональным продуктом и основными факторами, оказывающими непосредственное на него влияние.

В статье рассмотрены взаимозависимости валового регионального продукта от стоимости основных производственных фондов, инвестиций, численности занятого населения, для чего были использованы производственная функция Кобба-Дугласа и линейная модель множественной регрессии. Полученные результаты позволили сформулировать вывод о весьма незначительной эффективности воздействия санкционных мер и последствий от пандемии коронавируса на валовый региональный продукт.

Ключевые слова: функция Кобба-Дугласа, валовый региональный продукт, инвестиции в основной капитал, численность занятого населения, эконометрическая модель, коэффициент эластичности, корреляционно-регрессионный анализ, масштаб производства.

ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE GROSS REGIONAL PRODUCT OF THE ALTAI TERRITORY USING ECONOMETRIC MODELING METHODS

P. I. Kuzmin, A. G. Zinoviev, S. I. Obiremko, O. V. Isaeva

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to a socio-economic study of the state and development of the economy of the Altai Territory in the context of the coronavirus pandemic and the consequences of the sanctions imposed on the initiative of the European Union and the United States since 2014. As an objective assessment of the consequences of the coronavirus pandemic and sanctions on the region's economy, this article proposes a mechanism for using econometric methods in the process of economic and mathematical modeling of the gross regional product in order to show the relationship and interdependence between the gross regional product and the identified main factors directly affecting it influence.

Using the Cobb-Douglas production function and a linear multiple regression model, the article analyzes the relationship and interdependence of the gross regional product on the cost of fixed assets, investments, the number of employed people. The results obtained made it possible to formulate a conclusion about the very insignificant effectiveness of the impact of sanctions measures and the consequences of the coronavirus pandemic on the gross regional product.

Keywords: Cobb-Douglas function, gross regional product, investment in fixed assets, employment, econometric model, coefficient of elasticity, correlation-regression analysis, scale of production.

В условиях мировой пандемии коронавируса и последствий санкций, введенных по инициативе Евросоюза и США с 2014 г., непосредственно негативно влияющих на состояние и развитие как экономики региона, так и экономики страны в целом, возникает необходимость в разработке механизма определения объективной оценки и проведения обоснованного анализа в данном направлении. По нашему мнению, базовой составляющей такого механизма является эконометрическое моделирование. Так как универсальной оценкой устойчивого развития региона является валовый региональный продукт, следовательно, именно этот статистический показатель необходимо представить в форме эконометрической модели. Построенная эконометрическая модель валового регионального продукта позволяет дать следующие оценки влияния отдельных факторов на ВРП:

- определить тесноту и направление связей между валовым региональным продуктом и основными экономическими показателями, на него влияющими, с установлением оценки этих связей на адекватность;
- выявить взаимосвязь и взаимозависимость валового регионального продукта с выявленными факторами, на него влияющими, на основе модели Кобба-Дугласа и модели множественной регрессии, с определением оценки их качества и статистической значимости;
- оценить степень влияния каждого фактора на ВРП и их относительную эластичность;
- определить частную эффективность влияния каждого фактора на ВРП;
- рассчитать обобщенный показатель эффективности и масштаб производства;
- определить объем инвестиций в основной капитал, соответствующий допандемийному уровню 2018 г.;
- рассчитать теоретические и прогнозные значения валового регионального продукта с учетом влияния выявленных факторов [1].

Такой подход основан на построении взаимодополняющих друг друга производственной функции Кобба-Дугласа и модели множественной регрессии. Понятие «производственная функция» введено американскими учеными Ч. Коббом и Р. Дугласом в 1928 г. Функция Кобба-Дугласа принадлежит к классическому примеру эконометрического моделирования и широко используется в экономических исследованиях, особенно при анализе макроэкономических показателей [2–4].

Производственная модель Кобба-Дугласа представляет собой зависимость объема производства

(то есть ВРП) от создавших его факторов производства — затрат труда и капитала и имеет следующий вид:

$$Y_t = a_0 K^{a_1} L^{a_2},$$

где Y_t — теоретический объем произведенной продукции в зависимости от влияния факторов K и L ;

t — период времени;

K — основные фонды;

L — трудовой фактор (численность персонала);

a_0 — технологический коэффициент, отражающий уровень технологической производительности;

a_1, a_2 — параметры модели, характеризующие степень однородности производственной функции [5].

Понятие множественной регрессии основано на определении средней зависимости результативной переменной Y в результате влияния каждой отдельно взятой факторной переменной, включенной в модель, при условии, что остальные факторные переменные закреплены на постоянном уровне.

Модель множественной регрессии имеет следующий вид:

$$Y_t = a_0 + a_1 K_t + a_2 L_t + a_3 B_t + \dots + a_n R_t,$$

где Y_t — результативная переменная (валовой региональный продукт);

K_t, L_t, B_t, R_t — факторные переменные, которые наиболее тесно связаны с результативной переменной;

a_0 — постоянная величина, не зависящая от влияния факторных переменных, включенных в модель;

a_k — параметры функции регрессии при соответствующих факторах;

t — период времени.

Цель построения данной модели заключается в выявлении степени влияния факторов на изменение валового регионального продукта, а также в определении оценки взаимосвязи между результативной и факторными переменными в абсолютных единицах измерения [5].

Как видим, в нашем исследовании эконометрическая модель состоит из целевой функции связи, параметров, одной результативной переменной и нескольких факторных переменных.

В качестве результативной переменной, характеризующей развитие экономики региона, является валовый региональный продукт. К факторным переменным можно отнести достаточно большое количество статистических показателей, которые прямо или косвенно влияют на такой итоговый показатель, как ВРП.

Спектр таких факторов достаточно широк, поэтому при выборе факторных переменных целесообразно использовать существующие методики сбора и обработки статистической информации [4, 6]. Предварительно нами был определен набор подобных факторов, основываясь на методологиях, изменяющихся во времени, официальной статистики и региональной экономики. К таким показателям одновременно, в частности, относятся численность занятых в экономике, инвестиции в основной капитал, фактическое потребление домашних хозяйств, стоимость основных производственных фондов, расходы на общегосударственные вопросы, оплата труда наемных работников, уровень инфляции и т. д. Причем согласно сущности производственной функции Кобба-Дугласа, которая рассматривает изменение объема производства за счет влияния только труда и капитала, как главных составляющих элементов производственных ресурсов, все факторы подразделяют на две группы, а именно, факторы, характеризующие труд и капитал [1, 4].

Таким образом, выбор производственной модели Кобба-Дугласа в качестве инструмента анализа состояния и развития региональной экономики позволяет одновременно следить за изменением сразу нескольких основных показателей. На основе таких показателей, рассчитанных за последние несколько лет с использованием эконометрического подхода, можно дать более адекватную оценку состояния и развития экономики региона. Для этого из большинства предложенных показателей с помощью корреляционного анализа нами были выделены только те, которые наиболее тесно связаны с валовым региональным продуктом и оказывающие на него наиболее сильное влияние.

При построении производственной модели Кобба-Дугласа и модели множественной регрессии, характеризующих связь валового регионального продукта с совокупностью основных показателей развития Алтайского края использовались данные федеральной службы государственной статистики за 2006–2019 гг. и пакет прикладных программ статистического анализа Statistica 6.0.

Выбранный период 2006–2019 гг. характеризуется как своей стабильностью, так и экономической неустойчивостью ввиду влияния санкций, введенных по инициативе Евросоюза и США с 2014 г. и последствий пандемии коронавируса.

На первом этапе исследования на основе корреляционного анализа было проведено содержательное исследование совокупности факторов с целью оценки их влияния на валовый региональный продукт и отбора в эконометрическую модель. На основе построенной корреляционной матрицы, показывающей количественную оценку тесноты и направления связи между ВРП с совокупностью основных региональных показателей, с учетом оценки их мультиколлинеарности, были отобраны три фактора, которые более тесно связаны с ВРП, а именно — наличие основных фондов на конец года по полной учетной стоимости по полному кругу организаций, среднегодовая численность занятого населения и инвестиции в основной капитал. При этом выявлено, что все парные коэффициенты корреляции между ВРП и этими факторами являются статистически значимыми.

В вычислительных процедурах нами использовались данные по Алтайскому краю за 2006–2019 гг. Они приведены в таблице 1 и взяты на сайте Росстата [7–9].

Таблица 1

Статистические данные по Алтайскому краю за 2006–2019 гг.

Годы	Валовой региональный продукт, млн рублей, Y_t	Основные фонды на конец года, млн рублей, K_t	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел., L_t	Инвестиции в основной капитал, млн рублей, I_t	Индекс дефлятор ВРП, I_p	Индекс физического объема основных фондов, I_g	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, I_i
2006	173810,5	445470	1104,6	29284,8	116,3	102,6	122,6
2007	223563,4	545300	1107,9	42643,2	117,4	102,1	126,1
2008	259343,1	615342	1102,7	55965,3	112,3	103,3	106,8
2009	265613,3	670720	1071,4	45025,8	108,2	102,8	78,5
2010	302900,7	712242	1079,4	54579,7	110,5	101,8	115,3
2011	332117,9	757632	1075,6	70833,2	105,5	105,9	114,5
2012	368995,2	797922	1078,1	83853	109,4	101,3	112,1
2013	416110,3	870401	1055,1	94586,2	107,5	101,1	105,2
2014	447906,9	907409	1069,9	99680,5	106,7	102,0	101,1
2015	487903,2	931166	1085,6	78538,1	108,9	102,0	71,2
2016	501889,3	871625	1059,6	75284,8	103,3	102,0	90,0

Окончание таблицы 1

Годы	Валовой региональный продукт, млн рублей, Y_t	Основные фонды на конец года, млн рублей, K_t	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел., L_t	Инвестиции в основной капитал, млн рублей, I_t	Индекс дефлятор ВРП, I_p	Индекс физического объема основных фондов, I_g	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, I_i
2017	513463,9	934715	1053,1	87844	100,9	102,0	115,1
2018	549972,9	986820	1084,5	109925,2	102,2	102,0	121,7
2019	570135,4	965434	1069,9	115368,6	103,5	102,3	115,5

Для построения эконометрической модели на основе представленных индексов нами был проведен перерасчет к сопоставимому уровню 2016 г. ВРП, наличия основных фондов и инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах 2016 г. Например, чтобы пересчитать ВРП в ценах 2016 г., для 2013 г. использовалась следующая формула:

$$\text{ВРП}_{2014} \text{ (в ценах 2016 года)} = \text{ВРП}_{2014} \text{ (в текущих ценах)} * (\text{Индекс-дефлятор}_{2015} * \text{Индекс-дефлятор}_{2016}) / 100^2.$$

В результате перерасчета исследуемых статистических показателей к сопоставимому виду, были получены данные, представленные в таблице 2 (кроме численности занятого населения), по Алтайскому краю за 2006–2019 гг.

Таблица 2

Статистические данные в сопоставимых ценах 2016 г. ВРП, наличия основных производственных фондов, инвестиций в основной капитал

Годы	Валовой региональный продукт, млн руб., Y_t	Основные фонды на конец года, млн руб., K_t	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел., L_t	Инвестиции в основной капитал, млн руб., I_t
2006	408022,7	563774,3	1104,6	31226,84
2007	447034,3	675945,6	1107,9	36059,57
2008	461780	738699,9	1102,7	44311,69
2009	437102,2	783551,5	1071,4	45414,16
2010	451098,3	817613,9	1079,4	47745,41
2011	468824,9	821516,8	1075,6	54116,77
2012	476125,9	854521,6	1078,1	57148,92
2013	499460,5	922337,8	1055,1	61277,56
2014	503867	943155,9	1069,9	63875,26
2015	504004	949330,2	1085,6	81129,86
2016	501889,3	871625	1059,6	75284,8
2017	508883,9	916830,4	1053,1	76319,72
2018	533334	949418,2	1084,5	78475,01
2019	534189,8	907959,6	1069,9	71308,24

Таким образом, проведенный корреляционный анализ позволил сделать вывод о том, что наибольший вклад на результативность производства и использование валового регионального продукта происходит за счет влияния таких факторов, как стоимость основных производственных фондов, численность занятого населения и объем инвестиций в основной капитал.

На основании построенной корреляционной матрицы с использованием пакета прикладных программ Statistica 6.0 с вероятностью 95% можно утверждать, что наблюдается достаточно тесная связь ($r > 0,6$) уровня валового регионального

продукта с отобранными факторными переменными. Однако следует обратить внимание на тот факт, что связь численности занятого населения с ВРП, стоимостью основных производственных фондов и объемом инвестиций в основной капитал носит обратный характер, где парные коэффициенты корреляции получились со знаком минус. Это говорит о проявлении ложной корреляции численности занятого населения с данными показателями. Объяснением такого положения служит сокращение численности занятого населения Алтайского края за исследуемый период. Такая динамика прослеживается и по статистическим данным, представ-

ленным в таблице 2. Основными причинами проявления такой отрицательной тенденции являются сокращение рабочих мест, закрытие предприятий в сферах, производства, торговли, обслуживания, рост заболеваемости среди населения, в частности пострадавших от пандемии коронавируса [3].

На втором этапе исследования на основе проведенного корреляционного анализа и статистических данных, представленных в таблице 2, были построены и экономически обоснованы две взаимодополняющих друг друга эконометрические модели Кобба-Дугласа и множественной регрессии.

Согласно вычислительным процедурам, проведенным в MS Excel и с использованием пакета прикладных программ Statistica 6.0, установлено, что построенные эконометрические модели статистически значимы с полученными адекватными оценками их параметров. Значение F -критерия Фишера, определенные как по производственной модели Кобба-Дугласа, так и по модели множественной регрессии, значительно превышают критическое значение для заданном уровня вероятности 95%. Рассчитанные коэффициенты детерминации (R^2) по каждой модели показывают высокую степень влияния на валовый региональный продукт следующих факторных переменных: стоимость основных производственных фондов (K), численности занятого населения (L) и объема инвестиций в основной капитал (I).

Полученная производственная функция Кобба-Дугласа

$$Y_t = 3,4K^{0,15}L^{0,77}I^{0,2}$$

показывает степень влияния производственных ресурсов на изменение ВРП, где производственными ресурсами, характеризующими труд, является численность занятого населения (L), а характеризующими капитал, соответственно, — стоимость основных производственных фондов (K) и объем инвестиций в основной капитал (I).

По рассчитанному эмпирическому коэффициенту детерминации (R^2), равному 0,88, можно сделать вывод, что изменение ВРП на 88% зависит от совместного влияния, включенных в модель факторов, и на 12% зависит от остальных факторов. При этом параметры данной модели характеризуют показатель эластичности ВРП по труду и капиталу, то есть предполагается, что при увеличении численности занятого населения на 1% ВРП увеличится на 0,77%. Соответственно, при увеличении основных производственных фондов на 1% ВРП увеличится на 0,15%, а при увеличении объема инвестиций в основной капитал на 1% ВРП увеличится на 0,2%.

Можно предположить, что на настоящем этапе развития экономики региона валовый регио-

нальный продукт весьма чувствительно реагирует на вовлечение в сферу материального производства дополнительной численности работающих и незначительно — на прирост стоимости основных фондов и объема инвестиций в основной капитал.

Так как сумма параметров модели при факторных переменных больше нуля и больше единицы (по нашим данным она равна 1,12), то в этом случае наблюдается не только развитие отраслей экономики региона, но и непропорциональный рост производственной функции, то есть имеет место растущая эффективность факторов производства. Это означает, что если исследуемые нами факторы труда (численность занятого населения) и капитала (стоимость основных производственных фондов и инвестиции в основной капитал) увеличиваются в некоторой пропорции, то валовый региональный продукт растет в большей пропорции, а именно темпы роста ВРП превышают темпы роста объемов обоих производственных ресурсов — труда и капитала. Однако говорить о трудосберегающем, интенсивном росте экономики региона преждевременно, так как сумма параметров при факторах капитала (стоимости основных производственных фондов и объема инвестиций в основной капитал), равная 0,35, меньше параметра при факторе труда (численности занятого населения), который равен 0,77. Поэтому можно сделать вывод об экстенсивном (фондосберегающем) росте экономики региона в результате недостаточно эффективного использования производственных ресурсов — труда и капитала, когда увеличение численности занятого населения на 1% приводит к большему росту ВРП, нежели такое же увеличение капитала.

Данный вывод подтверждается относительными изменениями рассматриваемых показателей за исследуемый период по статистическим данным таблицы 2, где видно, что ВРП вырос в 1,3 раза по сравнению с 2006 г., соответственно, стоимость основных производственных фондов — в 1,6 раза, объем инвестиций в основной капитал — в 2,3 раза, при этом численность занятого населения сократилась на 3%, у которой самый высокий коэффициент эластичности, равный 0,77.

В связи с этим возникает вопрос о взаимозаменяемости факторов производства, а именно: на какую величину необходимо увеличить затраты одного фактора при снижении затрат другого фактора на единицу. Данный вопрос решается при помощи введения такого понятия, как эластичность. Это своего рода коэффициент, который показывает степень эффективности замещения одного фактора производства другим, что называется относительной эластичностью [2]. По нашим расчетам, коэф-

фициенты относительной эластичности по каждому фактору составили: по стоимости основных производственных фондов — 0,13; по инвестициям в основной капитал — 0,18 и по численности занятого населения — 0,69, где сумма всех коэффициентов должна соответствовать строго единице. Степень эффективности замещения факторов капитала фактором труда составляет 69%.

Мерой взаимозаменяемости факторов производства служит предельная норма технического замещения, которая рассчитывается путем отношения относительного изменения фактора капитала на относительное изменение фактора труда, где это отношение берется со знаком минус [4]. По нашим расчетам предельная норма технического замещения составила:

а) по относительному изменению стоимости основных фондов — 1,66;

б) по относительному изменению инвестиций в основной капитал — 2,36.

Данные расчеты свидетельствуют о том, что при увеличении численности занятого населения на 1000 человек можно будет отказаться от основных производственных фондов стоимостью на 1,66 млн рублей и от инвестиций в основной капитал на 2,36 млн рублей.

На основе построенной модели Кобба-Дугласа нами также были определены обобщенный показатель эффективности производства и его масштаб, где экономическая эффективность производства характеризует действие интенсивного фактора роста, то есть увеличение ВРП за счет эффективности использования ресурсов, а масштабом производства определяется экстенсивный фактор роста (увеличение ВРП за счет увеличения объема (масштаба) производственных ресурсов).

Непосредственному расчету обобщенного показателя эффективности производства предшествуют расчеты частной эффективности производственных ресурсов, которые определяются путем отношения относительного изменения ВРП к относительному изменению соответствующего производственного ресурса [2]. По нашим расчетам, частная эффективность использования каждого фактора составила по:

а) стоимости основных производственных фондов (K) — 0,81;

б) численности занятого населения (L) — 1,35;

в) объему инвестиций в основной капитал (I) — 0,57.

По рассчитанным показателям видно, что рост ВРП превышает рост (снижение) численности занятого населения в 1,35 раза и, соответственно, ниже роста основных производственных фондов на 0,19 пункта и ниже роста инвестиций в основной капитал на 0,43 пункта.

Обобщенный показатель эффективности производства представляет собой произведение коэффициентов частной эффективности использования каждого фактора, возведенных в степень, равной относительной эластичности соответствующего фактора. По нашим расчетам, обобщенный показатель эффективности производства составил 1,08, то есть изменение ВРП за счет роста эффективности использования производственных ресурсов (как интенсивный или трудосберегающий фактор роста) увеличилось в 1,08 раза.

Масштаб производства представляет собой произведение относительного изменения каждого фактора, возведенного в степень, равной относительной эластичности соответствующего фактора. По нашим расчетам, показатель масштаба производства составил 1,2, то есть изменение ВРП за счет увеличения объема (масштаба) производственных ресурсов (как экстенсивный или фондосберегающий фактор роста) увеличилось в 1.2 раза.

В результате сравнения обобщенного показателя эффективности производства с показателем его масштаба можно сделать окончательный вывод о тенденции роста валового регионального продукта за исследуемый период в основном за счет увеличения объема производственных ресурсов, тем самым характеризуя экстенсивное развитие экономики региона.

На заключительном этапе исследования производственной функции Кобба-Дугласа нами был рассчитан предполагаемый размер инвестиций в основной капитал на 2020 г., соответствующий размеру допандемийного уровня 2018 г., который должен бы составить 108009,1 млн рублей. Данный расчет был получен путем разности между валовым региональным продуктом 2018 г. (год допандемийного уровня), равного 533334 млн рублей и теоретическим значением ВРП 2020 г., рассчитанным по построенной производственной модели Кобба-Дугласа, равном 425324,9 млн рублей в результате влияния только стоимости основных производственных фондов и численности занятого населения, исключая влияние объема инвестиций в основной капитал. Чтобы выйти на такой допандемийный уровень 2018 г., необходимо дополнительно увеличить объем инвестиций в основные фонды на 43812,3 млн рублей в сопоставимых ценах 2016 г., который определяется как разность между предполагаемым размером инвестиций в основной капитал на 2020 г., соответствующий размеру допандемийного уровня 2018 г., равного 108009,1 млн рублей, и фактическим размером инвестиций в основной капитал 2020 г., равного 64196,8 млн рублей.

Таким образом, по построенной производственной модели Кобба-Дугласа был проведен

анализ и дана оценка изменения валового регионального продукта Алтайского края в результате влияния основных факторов производства.

В целях объективной оценки полученных результатов и сделанных выводов на основе построенной модели Кобба-Дугласа нами была проведена оценка качества данной модели по таким критериям, как эмпирический коэффициент детерминации, стандартная ошибка модели и средняя относительная ошибка аппроксимации, которые определялись по проведенным вычислительным процедурам в MS Excel на основе пакета прикладных программ Statistica 6.0. Используя данный инструментарий расчета, можно утверждать следующее.

Полученный эмпирический коэффициент детерминации, равный 0,88, показывает относительно высокую степень влияния включенных факторных переменных в производственную функцию на валовый региональный продукт. Стандартная ошибка данной модели, равная 0,03 натурального логарифма результативной переменной Y (валовый региональный продукт) дает характеристику изменения его теоретического значения, выраженного через функцию натурального логарифма за каждый год исследуемого периода, и показывает, в каких пределах может изменяться теоретическое значение ВРП в соответствующем году. Данная стандартная ошибка является величиной минимальной и поэтому соответствует критерию качества. Рассчитанная средняя относительная ошибка аппроксимации, равная 0,2%, свидетельствует о высокой точности модели и характеризует ее как модель высокого качества (так как расчетная величина не превышает 5%). В данном случае расчетная величина средней относительной ошибки аппроксимации показывает, что фактические значения валового регионального продукта отличаются от теоретических значений, полученных на основе построенной модели за каждый год исследуемого периода, всего лишь на 0,2%. Следовательно, построенная производственная модель Кобба-Дугласа соответствует всем критериям качества, что подчеркивает объективность выводов и полученных результатов по данной модели.

Кроме производственной функции Кобба-Дугласа при анализе и оценке валового регионального продукта целесообразно использовать линейную модель множественной регрессии, которая является дополнительной характеристикой и своего рода подтверждением результатов модели Кобба-Дугласа. В результате вычислительных процедур в MS Excel и Statistica 6.0 нами была построена линейная модель множественной регрессии валового регионального продукта

$$Y_t = -31746.3 + 0,15K + 286,3L + 1,33I.$$

Представленная линейная модель множественной регрессии характеризует среднюю зависимость ВРП от стоимости основных производственных фондов (K), численности занятого населения (L) и объема инвестиций в основной капитал (I), исключая влияние других факторов.

Рассчитанный эмпирический коэффициент детерминации по линейной модели множественной регрессии (R^2), равный 0,87, аналогично производственной модели Кобба-Дугласа подтверждает высокую степень зависимости ВРП от включенных факторов труда и капитала.

Итак, на основе проведенных расчетов можно сделать следующие выводы:

1. Коэффициент регрессии, равный 0,15, при стоимости основных производственных фондов показывает, что при их увеличении на 1 млн руб. валовый региональный продукт в среднем будет также пропорционально увеличиваться на 0,15 млн руб. при условии, что остальные факторы, включенные в модель (численность занятого населения и объем инвестиций в основной капитал), закреплены на постоянном уровне и никакого влияния на изменение ВРП не оказывают.

2. Коэффициент регрессии, равный 286,3, при численности занятого населения показывает, что при увеличении численности занятого населения на 1 тысячу человек валовый региональный продукт в среднем будет также пропорционально увеличиваться на 286,3 млн руб.

3. Коэффициент регрессии, равный 1,33, при объеме инвестиций в основной капитал показывает, что при их увеличении на 1 млн руб., валовый региональный продукт в среднем будет также пропорционально увеличиваться на 1,33 млн руб..

Значение параметра $a_0 = -31746,3$ ввиду его отрицательного значения экономическому обоснованию не подлежит. В целом же, данный параметр показывает среднее значение результативной переменной Y , в результате влияния неучтенных в модели факторов.

Таким образом, на основе определенных параметров модели множественной линейной регрессии и фактических значений факторных переменных, включенных в модель, нами были определены за каждый год исследуемого периода теоретические значения валового регионального продукта, показывающие его величину в результате влияния только тех факторов, которые были включены в данную модель (стоимость основных производственных фондов, численность занятого населения и объем инвестиций в основной капитал).

Модель множественной линейной регрессии, так же как и производственная модель Кобба-Дугласа, является статистически значимой, при которой расчетное значение F -критерия Фишера суще-

ственно превышает его теоретические значения и, соответствуя всем критериям качества, данная модель заслуживает высокую оценку качества, то есть ее точности, при которой рассчитанная средняя относительная ошибка аппроксимации составляет 2%.

С целью установления доли влияния каждого фактора, включенного в модель, на изменение валового регионального продукта по рассчитанным показателям линейной модели множественной регрессии нами была дана количественная оценка силы воздействия стоимости основных производственных фондов, численности занятого населения и объема инвестиций в основной капитал на ВРП. При этом были рассчитаны коэффициенты эластичности, бета и дельта-коэффициенты по каждому фактору. Коэффициенты эластичности по модели множественной линейной регрессии имеют такую же направленность и незначительно отличаются от коэффициентов эластичности, определенных по производственной функции Кобба-Дугласа. В итоге полученные результаты показали, что доля влияния стоимости основных производственных фондов на ВРП составила 0,47; доля влияния численности занятого населения на ВРП равна -0,09 и доля влия-

ния инвестиций в основной капитал равна 0,62. Отрицательное значение доли влияния численности занятого населения на ВРП объясняется снижением его численности за исследуемый период. В качестве проверки правильности расчетов заметим, что сумма всех долей строго равна 1. Следовательно, изменение ВРП на 47% объясняется воздействием стоимости основных производственных фондов, соответственно на -9% объясняется воздействием численности занятого населения и на 62% — воздействием объема инвестиций в основной капитал. Распределяя факторы по рангам силы воздействия на ВРП, можно сделать вывод, что основным фактором, оказывающим наиболее сильное влияние на валовый региональный продукт Алтайского края, является объем инвестиций в основной капитал.

Разработанные эконометрические модели возможно применять при анализе и оценке основных экономических показателей развития Алтайского края. Они могут быть использованы на практике для принятия управленческих решений с учетом апробированного в данной статье методического подхода к определению оценки влияния производственных и трудовых ресурсов региона на ключевые стратегии развития Алтайского края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузьмин П. И., Зиновьев А. Г. Анализ и оценка развития экономики региона с использованием аналога модели Л. Р. Клейна // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 2. С. 56–63. URL: <http://journal.asu.ru/ec/article/view/epb201972> (дата обращения: 03.02.2021).
2. Магнус Я. Р., Катышев П. К., Пересецкий А. Л. Эконометрика. Начальный курс: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 576 с.
3. Суспицын С. А. Барометры социально-экономического положения регионов России. Новосибирск, 2004. 123 с.
4. Эконометрика: учебник для магистров / под ред. И. И. Елисеевой. М., 2014. 453 с.
5. Кузьмин П. И. Эконометрические модели региона: монография. Барнаул, 2006. 80 с.
6. Зиновьев А. Г., Щетинин Е. Н. Использование статистической информации при анализе продовольственной безопасности региона // Мы продолжаем традиции российской статистики: материалы I Открытого российского статистического конгресса. Новосибирск, 2015. С. 119–125.
7. Официальный сайт Алтайкрайстата. URL: <http://akstat.gks.ru> (дата обращения: 20.01.2021).
8. Официальный сайт Федеральной службы госстатистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.01.2021).
9. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/40661> (дата обращения: 20.01.2021).

REFERENCES

1. Kuzmin P. I., Zinoviev A. G. Analysis and assessment of the regional economy using an analogue of the L. R. Klein // Economics Profession Business. 2020. No. 2. Pp. 56–63. URL: <http://journal.asu.ru/ec/article/view/epb201972> (date of access: 03.02.2021).
2. Magnus Y. R., Katyshev P. K., Peresetskiy A. L. Econometrics. Initial course: Textbook. 6th I. Processing. and further. M., 2004. 576 p.

3. Suspitsyn S. A. Barometers of socio-economic situation of Russian regions. Novosibirsk, 2004. 123 p.
4. Econometrics: a textbook for masters / under red. I. I. Eliseieva. M., 2014. 453 p.
5. Kuzmin P. I. Econometric models of the region: monograph. Barnaul, 2006. 80 p.
6. Zinoviev A. G., Shchetinin Ye. N. Use of statistical information in the analysis of food security in the region // We continue the tradition of Russian statistics: materials of the I Open Russian Statistical Congress. Novosibirsk, 2015. Pp. 119–125.
7. Official website of the Federal State Statistic Service of the Altay region. URL: <http://akstat.gks.ru> (date of access: 20.01.2021).
8. Federal State Statistics Service // Federal State Statistics Service: website. URL: <http://www.gks.ru> (date of access: 20.01.2021).
9. EMISS. State statistics. URL: <https://fedstat.ru/indicator/40661> (date of access: 20.01.2021).

Поступила в редакцию: 16.03.2021.

Принята к печати: 20.04.2021.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТЬЮ ГОСТИНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Т. П. Левченко¹, М. Б. Молдажанов², В. В. Пуричи³, И. В. Стрижкина³

¹Сочинский государственный университет (Сочи, Россия)

²Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет (Семей, Казахстан)

³Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Переход гостиничных организаций к качественно новому уровню развития может быть обеспечен путем формирования и использования экономически эффективного механизма управления инновационной активностью. В статье предпринята попытка формирования модели экономически эффективного механизма управления, который мог бы учитывать многогранность взаимосвязей индикаторов и показателей инновационной активности. Функционирование данного механизма подразумевает применение инструментов индикативного управления, а также факторного и сценарного моделирования. Авторы рассматривают механизм с позиций реализации пяти взаимосвязанных блоков: субъектов, целей и задач, объектов, процессов и результирующих эффектов. Содержание результирующих эффектов реализации инновационных процессов базируется на расчете интегральных индикаторов инновационной активности и ее элементов. На основе предложенной модели экономически эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций, проведен анализ тенденций изменения ее уровня на примере трех гостиничных организаций г. Сочи, представлена их графическая интерпретация. В рамках предложенной модели в качестве одного из его инструментов проведено сценарное моделирование управления инновационной активностью, построен граф соотношения индикаторов инновационной активности гостиничных организаций г. Сочи.

Ключевые слова: экономически эффективный механизм, инновационная активность, гостиничные организации, результирующие эффекты, сценарное моделирование.

METHODOLOGICAL APPROACH TO CREATING A MODEL OF COST-EFFECTIVE MECHANISM FOR MANAGING INNOVATIVE ACTIVITY OF HOTEL ORGANIZATIONS

T. P. Levchenko¹, M. B. Moldazhanov², V. V. Purichi³, I. V. Strishkina³

¹Sochi State University (Sochi, Russia)

²University of Humanities and Law Innovation (Semey, Kazakhstan)

³Altai State University (Barnaul, Russia)

The transition of hotel organizations to a qualitatively new level of development can be ensured by the formation and use of a cost-effective innovation management mechanism. The article attempts to create a model of a cost-effective management mechanism that could take into account the multifaceted relationships of indicators and indicators of innovative activity. The operation of this mechanism implies the use of indicative control tools, as well as factor and scenario modeling. The author considers the mechanism from the perspective of implementing five interconnected blocks: subjects, goals and tasks, objects, processes and resulting effects. The content of the resulting effects of the implementation of innovative processes based on the calculation of integral indicators of innovative activity and its elements. Based on the proposed model of a cost-effective mechanism for managing the innovative activity of hotel organizations, an analysis of trends in the level of innovative activity was carried out at using the example of three hotel in Sochi, their graphical interpretation is presented. As part of the presented

model, scenario modeling of innovative activity management was carried out as one of its tools, a graph of the ratio of indicators of innovative activity of hotel organizations in Sochi was built.

Keywords: cost-effective mechanism, innovative activity, hotel organizations, resulting effects, scenario modeling.

Современная модель экономики диктует необходимость осуществления инновационной деятельности в большинстве ее сфер. Высокий уровень инновационной активности организаций является необходимым условием максимального удовлетворения потребителей при минимальных издержках, высокого уровня конкурентоспособности и устойчивых темпов экономического развития. Данная парадигма актуализирует ряд теоретических и практических вопросов в области оценки и управления инновационной активностью на различных уровнях.

На сегодняшний день гостиничный бизнес рассматривают не только как самостоятельную, сложную и относительно обособленную социально-экономическую систему, но и как один из крупнейших и наиболее быстро развивающихся секторов экономики. Традиционно для гостиничных организаций России характерна недостаточная развитость инновационных, рекреационных, финансовых, административно-управленческих и кадровых возможностей [1]. В совокупности это сдерживает ее развитие на инновационной основе: неэффективная деятельность в целом, высокий уровень риска проектов, дефицит квалифицированных управленческих кадров, использование устаревшего инструментария управления активностью.

Экономически эффективный механизм управления инновационной активностью должен обеспечивать оптимальное использование всех ресурсов в их взаимном единстве, что в свою очередь создает перспективные возможности значительно усиления конкурентных преимуществ [2]. Большинство разработанных на сегодняшний день механизмов управления инновационной активностью ориентированы на организации производственной сферы. Их применение проблематично для гостиничных организаций с учетом специфики предоставляемых услуг, а также особенностей используемых инструментов и методов. Не в полной мере раскрывается сложная структура инновационной активности как объекта управления, отсутствует комплекс четких и однозначно трактуемых индикаторов и показателей, недостаточно внимания уделяется критериям выбора направлений соответствующего развития [3].

Развитие инновационной активности гостиничных организаций на сегодняшний день невоз-

можно, по нашему мнению, без формирования экономически эффективного механизма управления, который мог бы учитывать многогранность взаимосвязей индикаторов и показателей рассматриваемого понятия [4].

В данном исследовании авторами предпринята попытка формирования модели экономически эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций (рис. 1), который обеспечивает, в первую очередь, возможность выбора наиболее рационального способа ее совершенствования, является важным элементом в рамках стратегии управления их устойчивым развитием. Представленный методический подход к формированию механизма управления инновационной активностью базируется на технологии ранжирования, которая подразумевает выявление близости индикаторов ее оценки и получаемых результирующих эффектов.

Применение данного методического подхода обусловлено рядом преимуществ [5]:

- использование конкретных и практически применимых индикаторов, дающих наиболее полную оценку фактического уровня инновационной активности гостиничных организаций;
- системная оценка инновационной активности организаций гостиничного бизнеса на основе применения индикаторов, отражающих степень соответствия ресурсного обеспечения.

В основу разработанного механизма заложена реализация пяти взаимосвязанных блоков: субъектов, целей и задач, объектов, процессов и результирующих эффектов. Блок субъектов в рамках экономически эффективного механизма управления инновационной активностью включает в себя гостиничные организации, воздействие на которые оказывают федеральные и региональные органы государственной власти посредством создания общих условий осуществления инновационной деятельности. Применение сформированного механизма призвано обеспечить достижение определенных результатов инновационного развития (блок целей и задач):

- рационализация распределения различного вида ресурсов для обеспечения высокого качества гостиничных услуг;

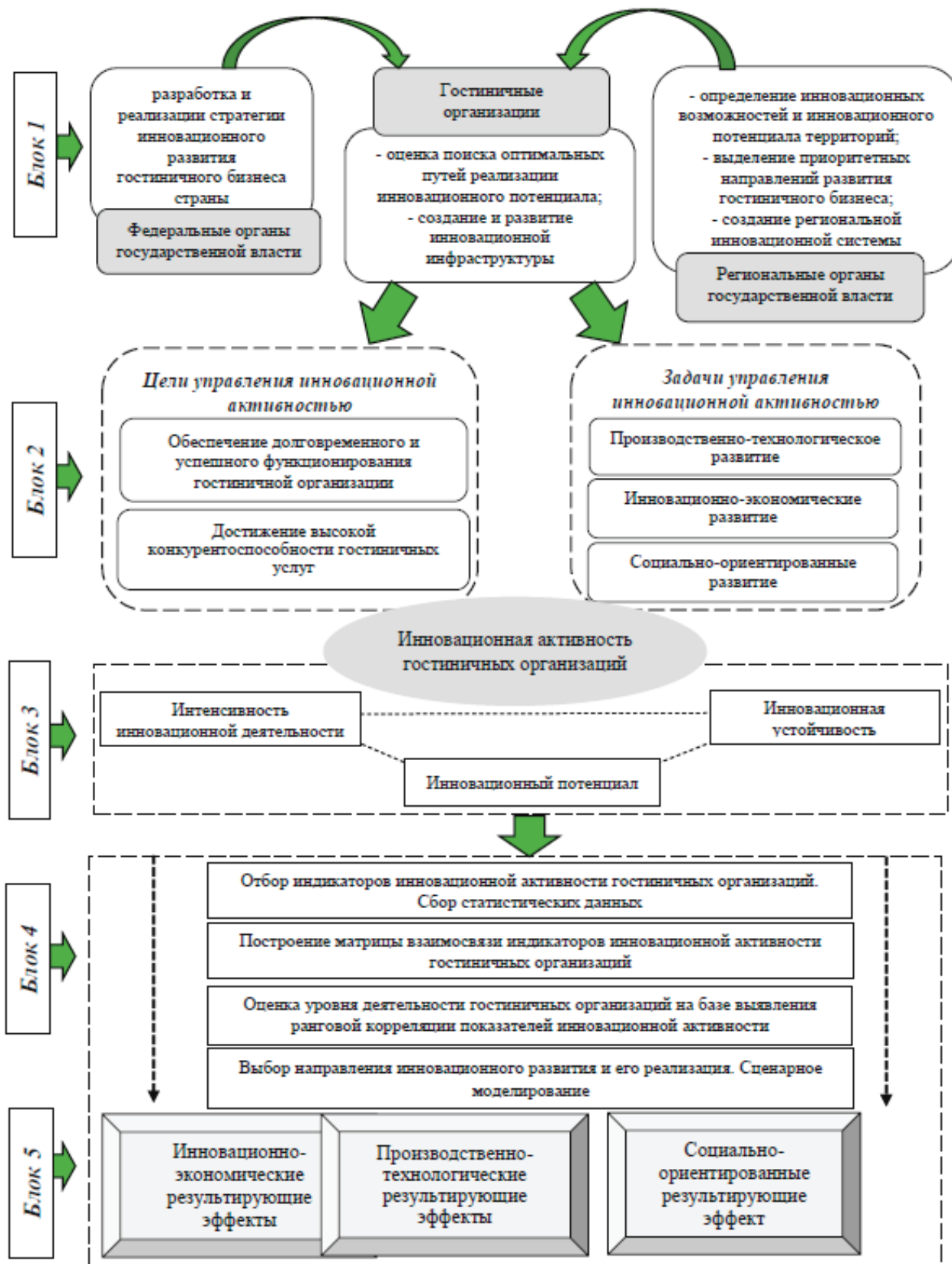

Рис. 1. Модель экономически эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций (составлено авторами)

- приобретение гостиничными организациями конкурентных преимуществ;
- минимизация потерь и рисков инновационных процессов;
- формирование условий для производственно-технологического, инновационно-экономического и социально-ориентированного развития.

Блок объектов экономически эффективного механизма состоит из непосредственно инновационной активности гостиничных организаций, а также индикаторов, раскрывающих ее сущностное содержание (инновационный потенциал, инновационная устойчивость, интенсивность инновационной деятельности и результирующие эффекты).

Блок процессов включает в себя ряд последовательных этапов:

1) отбор и классификация показателей инновационной активности, а также сбор статистических данных;

2) стохастический факторный анализ (формирование матрицы взаимосвязей показателей инновационной активности, ранжирование показателей по убыванию количества стохастических взаимосвязей);

3) оценка общего уровня инновационной активности (вычисление коэффициентов корреляции показателей инновационной активности);

4) определение и реализация наиболее соответствующего текущему уровню индикаторов активности направлений инновационного развития, мониторинг этих показателей.

Запланированные результаты от реализации экономически эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций будут проявляться по следующим направлениям:

- производственно-технологическое (увеличение объема продаж и повышения прибыльности процесса оказания гостиничных услуг, рост количества инновационно-технологических процессов);
- инновационно-экономическое (стабилизация рыночного положения, обеспечение конкурентных преимуществ, укрепление делового имиджа гостиничной организации);
- социально-ориентированное (прирост доходов персонала, повышение экологической безопасности, оптимизация использования природных ресурсов).

Таблица 1

Содержание результирующих эффектов реализации инновационных процессов в гостиничных организациях

Показатели производственно-технологического результирующего эффекта реализации инновационных процессов (REPT)
Удельный вес новых IT
Коэффициент автоматизации процессов оказания гостиничных услуг
Удельный вес инновационных технологических процессов в гостиничном бизнесе
Прирост туристского потока
Выручка в расчете на 1 номер-ночь
Среднегодовой коэффициент загрузки номерного фонда
Длительность пребывания на один гостиничный номер
Прибыль в расчете на один номер
Рентабельность оказания гостиничных услуг
Показатели инновационно-экономического результирующего эффекта реализации инновационных процессов (REI)
Капитальные вложения на реализацию инновационных процессов
Чистая текущая стоимость инновационных процессов
Окупаемость инновационных процессов
Индекс рентабельности инновационных процессов
Внутренняя норма доходности
Показатели социально-ориентированного результирующего эффекта реализации инновационных процессов (RESH)
Прирост доходов персонала организации
Прибыль на одного сотрудника
Рентабельность трудовых ресурсов
Экологическая безопасность и безопасность условий труда

Эффективность разработанной авторами модели экономически эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций обеспечивается корректным выбором направления развития, что в свою очередь, является одним из ключевых условий успешности достижения целей управления данным процессом.

Существующие на современном этапе модели управления инновационной активностью чаще всего фокусируются на оценке ее уровня [6]. Несмотря на безусловную важность данного элемента, по нашему мнению, его наличие считается недостаточным для обеспечения эффективного функционирования системы.

В рамках первого этапа предлагаемого механизма необходимо провести отбор и классификацию индикаторов элементов инновационной активности и результирующих эффектов. После отбора индикаторов собираются статистические данные.

На следующем (втором) этапе формируется стохастическая матрица индикаторов элементов инновационной активности и результирующих эффектов. На базе теоретического анализа экономического смысла между индикаторами устанавливаются взаимосвязи, строится соответствующая карта.

На заключительных этапах, основываясь на сопоставлении индикаторов инновационной активности и результирующих эффектов, нами предлагается разработка комплекса мероприятий, нацеленных на повышение уровня инновационной активности гостиничных организаций.

Так, на третьем этапе рассчитываются интегральные показатели инновационной активности и ее элементов [7]. Для комплексной оценки инновационной активности предлагаем использовать интегральные индикаторы, определяемые как корень из произведения всех соответствующих показателей:

$$(ИП) = \sqrt[3]{ICp^* HEPS^* DPS^* TPC^* IPRC^* TPIC^* CREC^* TRFA,}$$

$$(ИУ) = \sqrt[5]{AUR^* MANR^* HSP^* PSR^* IGR,}$$

$$(ИИ) = \sqrt[3]{IFS^* FII^* CHSS.}$$

На четвертом этапе считаем необходимым составить детализированный план мероприятий, который сочетает в себе инструменты, направленные на рост инновационной активности предприятий гостиничного бизнеса.

Следующий этап предполагает применение детализированного плана непосредственно в деятельности гостиничной организации, а также многомерный мониторинг показателей инновационной активности, ее элементов и характеризующих их индикаторов. Экономическую эффективность предложенных направлений детализированного плана мероприятий возможно отследить и оценить согласно соответствующей системе показателей, характеризующие инновационно-экономические результирующие эффекты, производственно-технологические результирующие эффекты и социально-ориентированные результирующие эффекты, которые позволят в достаточной степени оценить инновационную активность гостиничных организаций [8].

На основе предложенной модели экономически эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций становится возможным проведение анализа тенденций изменения уровня инновационной активности и ее элементов в трех гостиничных организациях г. Сочи¹ (табл. 2).

¹ Здесь и в дальнейшем названия организаций не разглашаются в целях сохранения конфиденциальной информации.

Таблица 2

Интегральные индикаторы инновационной активности трех организаций гостиничного бизнеса в городе-курорте Сочи

Организации гостиничного бизнеса	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1-я гостиница	0,43	0,48	0,27	0,37	0,34	0,50	0,36	0,47	0,45	0,43
2-я гостиница	0,46	0,47	0,27	0,39	0,33	0,43	0,37	0,44	0,43	0,40
3-я гостиница	0,38	0,42	0,23	0,33	0,30	0,34	0,32	0,32	0,31	0,33

Графическая интерпретация данных тенденций представлена на рисунках 2–4.

Рис. 2. Динамика изменения интегральных индикаторов инновационной активности и ее элементов в 1-й гостиничной организации

Рис. 3. Динамика изменения интегральных индикаторов инновационной активности и ее элементов во 2-й гостиничной организации

Рис. 4. Динамика изменения интегральных индикаторов инновационной активности и ее элементов в 3-й гостиничной организации

Анализ представленных данных свидетельствует, что интегральные индикаторы интенсивности инновационной деятельности всех рассматриваемых организаций развиваются скачкообразно, однако в гостиничных организациях 2 и 3 имеется общая тенденция роста, начиная с 2016 г. Интегральные индикаторы инновационного потенциала и инновационной устойчивости имеют более стабильную линию тренда, однако наблюдается снижение уровня инновационной устойчивости у гостиничных организаций 2 и 3.

Линии тренда интегральных индикаторов инновационной активности всех анализируемых гостиничных организаций имеет отрицательный наклон, что демонстрирует снижение показателей и говорит о снижении эффективности затрат на осуществление инновационной деятельности.

Оценку эффективности системы управления инновационной активностью гостиничных организаций по представленным индикаторам возможно представить следующим образом (рис. 5) [9].

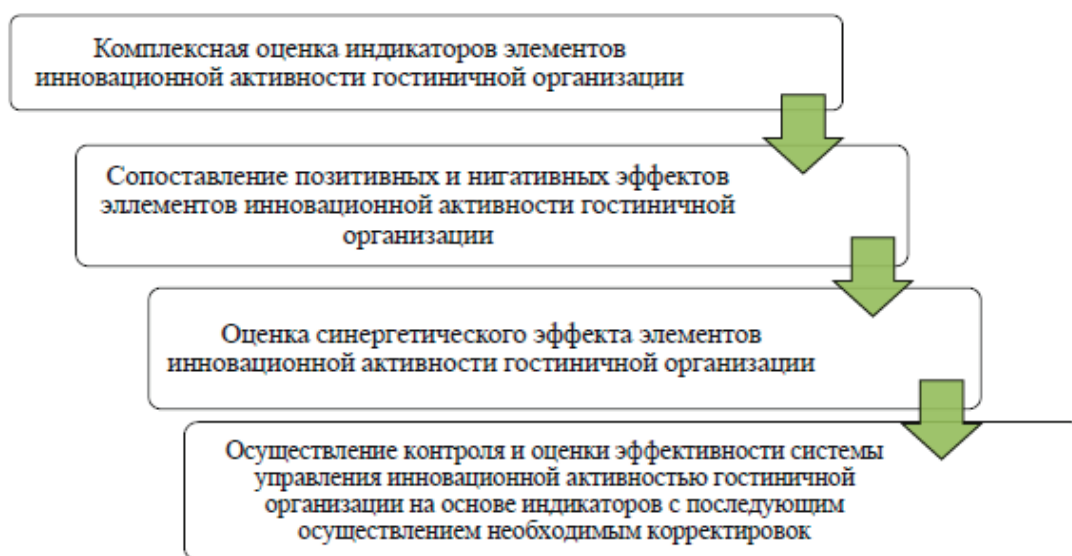

Рис. 5. Алгоритм оценки управления инновационной активностью организаций гостиничного бизнеса

Практическое значение предложенной группы индикаторов и схемы поэтапной оценки системы управления инновационной активностью организаций заключается в возможности оценки целесообразности и эффективности отдельных инновационных процессов и решений, а также в проведении моделирования с целью дальнейшего выбора направлений инновационного развития гостиничных организаций (четвертый блок представленного экономически эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций).

Сценарное моделирование — один из наиболее продуктивных инструментов экономически эффективного механизма управления инновационной активностью. По мнению авторов, говоря о направлениях инновационного развития, необходимо подразумевать осознанные взаимосвязанные действия, правила и принципы разработки перспективных планов изменения инновационной активности гостиничных организаций, которые базируются на применении новых технологий и методов управления, непрерывном поиске, создании,

внедрении и коммерциализации инноваций с целью обеспечения лидерских позиций и конкурентных преимуществ на рынке.

В зависимости от уровня индикаторов инновационной активности может быть реализован ряд направлений инновационного развития [6]:

- радикальное, основанное на реализации ряда направлений, характеризующих значительные изменения в экономической и финансовой деятельности гостиничной организации. Включает в себя преобразование существующих или ввод новых технологий, значительное изменение качества гостиничных услуг, повышение квалификации персонала, а также крупные капиталовложения, сопровождающиеся значительным риском;
- активное, подразумевающее интенсивную работу, направленную на рост инновационной активности и совершенствование предоставляемых услуг гостиничной организации, интенсивное развитие гостиничного продукта и программ повышения ква-

лификации сотрудников. Риск реализации данного направления ниже, чем радикального, но меньше и потенциальный результат;

- проактивное, ориентация на активное внедрение уже применяемых услуг или разработку новых. Большой риск, но высокая возможная окупаемость. Требуется соответствующая квалификация персонала при внедрении нововведений и способность руководства гостиничной органи-

зации предвидеть возникновение новых потребностей гостей. Нацеленность на сохранение лидирующих рыночных позиций.

На основании проведенной оценки инновационной активности гостиничных организаций и приведения уровня каждого показателя к максимальному нами были рассчитаны интервалы среднего значения индикаторов инновационной активности. Формализованная шкала средних значений и соответствующие им направления инновационного развития представлены в таблице 3.

Таблица 3

Интервалы выбора направлений инновационного развития организаций гостиничного бизнеса

Типы инновационного развития	Интервалы среднего значения индикаторов инновационной активности
Проактивный	> 0,6
Активный	0,4–0,6
Радикальный	< 0,4

На основе исходных данных, представленных в данном исследовании, авторами построен граф выбора направления инновационного развития гостиничных организаций (рис. 6). Для расчета

были использованы следующие индикаторы: инновационный потенциал, инновационная устойчивость и интенсивность инновационной деятельности.

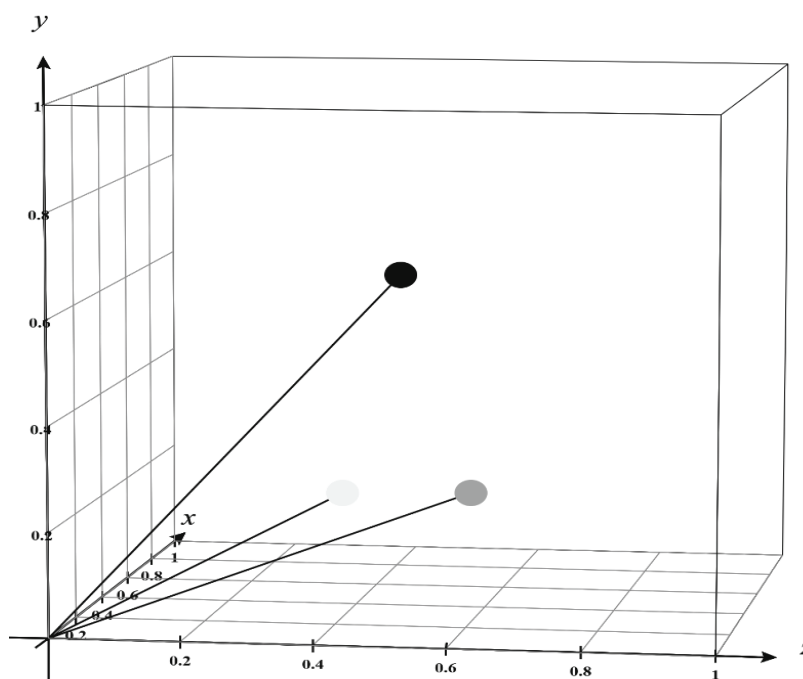

Рис. 6. Граф соотношения индикаторов инновационной активности гостиничных организаций г. Сочи (составлено авторами): x — инновационный потенциал; y — инновационная устойчивость; z — интенсивность инновационной деятельности; 1 — Гостиничная организация 1; 2 — Гостиничная организация 2; 3 — Гостиничная организация 3

В результате проведенного анализа гостиничную организацию 3 можно отнести к категории инновационно активных [10]. Все рассчитанные

индикаторы свидетельствуют о возможности активной разработки новых или усовершенствования существующих гостиничных услуг. Такой организа-

ции целесообразно избрать проактивное направление инновационного развития.

Таким образом, эффективность разработанной авторами модели экономически эффективно-го механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций обеспечивается прозрачностью, достижимостью планов и целевых

показателей, ускорением принятия решений и процесса осуществления инновационной деятельности, налаживанием процесса обратной связи. Корректный выбор направления инновационного развития, в свою очередь, — один из ключевых факторов успешности достижения целей управления инновационной активностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития / В. Г. Матвейкин, С. И. Дворецкий, Л. В. Минько, В. П. Тарасов, Л. Н. Чайникова, О. И. Летунова. М., 2007. С. 8.
2. Малахова Н. Н., Ушаков Д. С. Инновации в туризме и сервисе. Ростов н/Д, 2008. 224 с.
3. Бендиков М. А., Хрусталева Е. Ю. Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 2. С. 3–14.
4. Левченко Т. П., Вареников В. А. Управление инновационной активностью организаций туристско-рекреационной сферы: монография. Казань, 2018. 160 с.
5. Управление инновациями в туристском бизнесе: учебно-методическое пособие / Т. П. Левченко, В. А. Янюшкин, А. Ю. Яковлева-Чернышева. СПб., 2016. 204 с.
6. Бухонова С. М., Дорошенко Ю. А., Слабинская И. А., Шаповалова Т. А. Методика оценки и способы повышения эффективности использования инновационного потенциала организации. Белгород, 2012. 133 с.
7. Недосекин А. О. Методологические основы моделирования финансовой деятельности с использованием нечетко-множественных описаний: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. СПб., 2003. 37 с.
8. Фонов А. Г. Россия: инновации и развитие. М., 2012. 359 с.
9. Левченко Т. П., Вареников В. А. Управление инновационной активностью организаций туристско-рекреационной сферы: монография. Казань, 2018. 160 с.
10. Сомина И. В. Методология и методические аспекты оценки экономической эффективности в сфере инновационной деятельности // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2013. № 4. С. 142–145.

REFERENCES

1. Innovative potential: current state and development prospects / V. G. Matveykin, S. I. Dvoretzky, L. V. Minko, V. P. Tarasov, L. N. Chaynikova, O. I. Letunova. M., 2007. P. 8.
2. Malakhova N. N., Ushakov D. S. Innovations in tourism and service. Rostov-on-Don, 2008. 224 p.
3. Bendikov M. A., Khrustaleva E. Yu. Methodological foundations of the study of the mechanism of innovative development in modern economics // Management in Russia and abroad. 2007. No 2. Pp. 3–14.
4. Levchenko T. P., Varenikov V. A. Management of innovative activity of tourism and recreational organizations: monograph. Kazan, 2018. 160 p.
5. Innovation management in the tourism business: Training Manual / T. P. Levchenko, V. A. Yanyushkin, A. Yu. Yakovleva-Chernysheva. St. Petersburg, 2016. 204 p.
6. Bukhonova S. M., Doroshenko Yu. A., Slabinskaya I. A., Shapovalova T. A. Evaluation methodology and ways to increase the efficiency of using the innovative potential of the organization. Belgorod, 2012. 133 p.
7. Nedosekin A. O. Methodological foundations for modeling financial activities using fuzzy-multiple descriptions: autoref. dis... dr. econ. sciences. St. Petersburg, 2003. 37 p.
8. Fonotov A. G. Russia: innovations and development. Moscow, 2012. 359 p.
9. Levchenko T. P., Varenikov V. A. Management of innovative activity of tourism and recreational organizations: monograph. Kazan, 2018. 160 p.
10. Somina I. V. Methodology and methodological aspects of assessing economic efficiency in the field of innovation // Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov. 2013. No. 4. Pp. 142–145.

Поступила в редакцию: 15.02.2021.

Принята к печати: 16.04.2021.

ЭСКАЛАЦИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В. В. Мищенко¹, И. К. Мищенко²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Алтайский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Барнаул, Россия)

В статье отмечена значимость сбалансированной структуры экономики по соотношению производства товаров и оказания услуг; рассмотрена история специализации Российской Федерации как государственного и территориального образования, ключевые особенности ее структуры. Описаны современные аспекты импортозамещения в России. Дан комментарий программе «Импортозамещение 2.0», в основе которой лежит квотирование государственных закупок у российских поставщиков. Отражены некоторые проблемы и негативные аспекты состояния реализации программы импортозамещения в РФ. Сделан вывод о том, что меры по развитию импортозамещения во многом были бессистемны, носили разрозненный характер, а в отдельных случаях даже противоречили друг другу. Их реализация не смогла оптимизировать структуру экономики. Предложен комплекс мер по эскалации импортозамещения, в том числе приоритетное освоение конкретных видов товаров с определенной долей реализации за рубежом и охват импортозамещением сферы оказания услуг.

Ключевые слова: структура экономики, производство товаров, оказание услуг, импортозамещение, отраслевая специализация, эскалация импортозамещения.

ESCALATION OF IMPORT SUBSTITUTION AS A REALITY AND A NECESSITY FOR IMPROVING THE STRUCTURE OF THE DOMESTIC ECONOMY

V. V. Mishchenko¹, I. K. Mishchenko²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Altai Branch (Barnaul, Russia)

The article highlights the importance of a balanced structure of the economy in terms of the ratio of the production of goods and the provision of services; the history of specialization of the Russian Federation as a state and territorial entity, the key features of its structure are considered. Modern aspects of import substitution in Russia are described. A comment is made on the program “Import Substitution 2.0”, which is based on quotas for public procurement from Russian suppliers. Some problems and negative aspects of the state of implementation of the import substitution program in the Russian Federation are reflected. It is concluded that the measures for the development of import substitution were largely unsystematic, were of a fragmented nature, and in some cases even contradicted each other. Their implementation failed to optimize the structure of the economy. A set of measures to escalate import substitution is proposed, including the priority development of specific types of goods with a certain share of sales abroad and the coverage of import substitution in the sphere of services.

Keywords: economic structure, production of goods, provision of services, import substitution, industry specialization, escalation of import substitution.

Задача формирования оптимальной структуры экономики актуальна для многих стран мира. При этом прослеживается четкая закономерность: если в развитых рыночных государствах в создании ВВП преобладают отрасли по оказанию услуг (их доля не опускается ниже 75–80%), то в развивающихся экономиках — отрасли по производству товаров. Среди последних максимальные показатели имеют РФ и Индия (порядка 60%), а у подавляющего большинства доля услуг в отраслевой структуре составляет примерно 50% [1, с. 14; 184].

В современном мире очень мало стран, имеющих сбалансированную структуру экономики по соотношению производства товаров и оказания услуг, поскольку при этом надо иметь большой внутренний спрос, максимальное количество природных ресурсов, значимый экспорт, а также современные технологии. Фактически всеми этими факторами до недавнего времени обладали только США, Германия, Великобритания, Франция и Япония, что вывело их в число ведущих государств с развитой рыночной экономикой.

Россия никогда не имела такого национального хозяйства. На протяжении столетий отечественной экономической истории страна была источником меха, драгоценных металлов, злаков, молочных продуктов, древесины, угля, нефти, руд, металлов и т. п., в общем — результатов труда в сельском хозяйстве, добывающей промышленности и производстве полуфабрикатов. Это определило фактически место России в международном разделении труда в XV–XX вв.

С середины прошлого века в результате проведения сталинской индустриализации у нас в стране появился гипертрофированный оборонно-промышленный комплекс. Точных данных нет, но по отдельным оценкам, до 20% формируемого ВВП было прямо или косвенно связано с ОПК. Структуру экономики того периода отличали, с одной стороны, растущая добыча сырья, изготовление полуфабрикатов, а с другой — минимальное производство потребительских товаров и, как следствие, — неудовлетворительное оказание многих услуг, прежде всего в торговле, финансах, связи и транспорте. Игнорирование значимости изготовления предметов потребления в самой промышленности привело к стагнации в производстве товаров для населения и большой ориентации на импорт.

В период существования Советского Союза и социалистической экономики страна слишком много актуальных вопросов сбалансированности торгового баланса решала за счет экспорта ресурсов. Однако плановые методы хозяйствования в совокупности с активной внешнеполитической политикой руководства СССР позволяли постав-

лять на экспорт товары в страны второго и третьего мира с относительно невысоким содержанием технологической и инновационной составляющей: военные изделия, автомобили, трактора, станки, бытовую технику, продукты питания. Но в действительности советская инженерная и конструкторская мысль часто являлись адаптацией иностранных идей, что не могло обеспечить преимущества в качестве экспортируемой продукции в развитие страны. Только после Второй мировой войны Советский Союз стал массово экспортировать изделия оборонно-промышленного комплекса (на свои же кредиты) и некоторые потребительские товары.

В 1991 г. с созданием Российской Федерации властью был взят курс перехода к капиталистической рыночной экономике. Тридцать лет назад со сменой социально-экономического строя сменились и ведущие отрасли в национальном хозяйстве, радикальные изменения претерпела отраслевая структура экономики, в том числе промышленности. С распадом СССР ведущей специализацией России стала топливно-сырьевая направленность, была поставлена задача увеличения доли топливно-энергетического комплекса в промышленности и ВВП вместо изделий ОПК. Так, в промышленности *de facto* господствующими стали топливно-энергетические структуры и другие сырьевые предприятия. В сфере услуг приоритет получила торговля, которая не только имела слабое развитие и приносила минимум доходов в бюджет, но и обеспечивала мизерную занятость населения по сравнению с зарубежными странами, даже не самыми развитыми. Отказ от государственных закупок военной продукции привел к закрытию и стагнации многих заводов и институтов в производстве и проектировании военной продукции. От этой политики пострадали крупные заводы Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Красноярск, Барнаул, Урала и других территорий неевропейской части России, которые дублировали производство в аналогичных организациях Москвы, Подмосковья, Санкт-Петербурга. Следует признать, что значительная часть советского промышленного потенциала, включая прикладную науку, в годы либерализации рынка с конца 80-х до 2000 г. была полностью утеряна. Отказ от обязательного государственного планирования, свободный импорт товаров привел к разрушительным результатам: предприятия закрывались и разворачивались. Многие важные производства исчезли, а на местах некогда крупных градообразующих предприятий создавались либо малые организации, либо торговые центры. Очень странно, но при этом сохранялся большой оборонный госзаказ для высокотехнологичных структур Украины.

Следует отметить, что экспорт продукции топливно-энергетических отраслей часто осуществлял-

ся и до сих пор продолжает осуществляться, несмотря на падение энерготарифов и снижение мировых цен на ресурсы. В качестве примеров можно привести Ирако-кувейтский конфликт начала 1990-х гг., Азиатский экономический кризис в 1998 г., нефтяной кризис 2014–2015 гг., российско-арабийскую «войну» 2020 г., падение цен на нефть одновременно с появлением COVID-19 и проч.

В итоге функционирование экономики Российской Федерации в 1990-е гг. привело к деградации ее структуры, прежде всего резкому падению доли обрабатывающих производств в ВВП, консолидированном бюджете, занятости населения. Подобная специализация частично отражает ряд объективных закономерностей, связанных с экспортом существующих в России избыточных ресурсов и результатов их производства — нефти, газа, алмазов, продукции черной и цветной металлургии, минеральных удобрений, необработанной древесины и изделий целлюлозно-бумажных комбинатов, зерновых низкого помола, рыбы и т. п. Относительно небольшая численность населения не позволяет иметь большие мощности по производству товаров и оказанию услуг для внутреннего потребления. Но требуемого роста ВВП (а значит, и бюджета) в России не будет без экспорта товаров и услуг с современными характеристиками.

Россия в своей истории часто меняла социально-экономическое устройство, и это, соответственно, требовало регулярного пересмотра политик в области промышленности, в сельском хозяйстве, социальных отраслях, в оказании услуг, в том числе торговле. В середине 2010-х гг. в функционирование национального хозяйства были внесены радикальные изменения в связи с новой политической и экономической ситуацией вокруг России. Это привело к расширению политики импортозамещения в промышленности, которая, на наш взгляд, будет иметь дальнейшее продолжение также в сельском хозяйстве и функционировании сферы услуг.

Импортозамещением в национальной экономике называют такой процесс, при котором страна производит необходимую ей продукцию силами собственных производителей. Импортозамещение означает «уменьшение или прекращение импорта определенного товара посредством производства, выпуска в стране того же или аналогичных товаров. Подобные товары называют импортозамещающими» [2]. При наличии регулярных кризисов, присущих капиталистическим циклам, импортозамещение способно уменьшить зависимость российской экономики от конъюнктуры цен на нефтяном рынке, обеспечить долгосрочную положительную динамику экономического роста, способствовать снижению сырьевой зависимости и оптимизации структуры экономики.

Постоянный экономический и политический прессинг со стороны стран Евросоюза и США, выражающийся в виде санкций и иного рода ограничений сильно влияет на отечественную промышленную политику. Последствия конфликта 2014 г. из-за возврата полуострова Крым в состав Российской Федерации обнажили и без того понятные многим особенности отечественной системы:

1) высокая зависимость от импорта, определяемая деградировавшим собственным производством начиная с 1991 г.;

2) большие транспортные издержки, обусловленные площадью страны и малыми возможностями отечественных портов, железных дорог в вывозе своей продукции, дефицит необходимого количества и недостаточное качество авиационных хабов;

3) увеличивающиеся темпы «утечки умов» на фоне обесценивания образования и сфер приложения интеллектуального труда;

4) отсутствие реальной заинтересованности властных структур в инновациях.

Системно решать проблему импортозамещения стали с 2012 г., когда была принята Государственная программа развития сельского хозяйства [3]. Постановлением Правительства РФ от 4 августа 2015 г. № 785 была учреждена Правительственная комиссия по импортозамещению [4], которая существовала до 16 января 2020 г. С 2015 г. реализация политики импортозамещения стала главным трендом развития отечественной экономики и новой реальностью для обеспечения национальной безопасности страны. Это происходило при широком внешнем стимуле (санкции) и внедрении внутреннего оценочного индикатора работы государственных органов управления в виде снижения импортозависимости России. Данная проблема существовала и ранее, но была не столь актуальна, как в настоящее время. Для ее решения необходима научно обоснованная национальная программа импортозамещения, предусматривающая комплекс системных мер по выпуску качественной продукции, конкурентоспособной на внешнем рынке.

Ниша, занимаемая Россией в современной международной специализации стран, обеспечивается отраслями, отличающимися, как правило, низкой технологичностью и экологичностью. Как исключение, можно отметить: рост производства и экспорта продукции двойного назначения, в частности вертолето- и судостроения; сооружения внутри страны и за границей современных станций атомной энергетики; создание и постепенное внедрение за рубежом платежной системы «Мир», а также экстренный запуск производства в ряде стран вакцины «Спутник V». Данные реалии закрепились за нашей страной капитально в том

смысле, что экспортная деятельность превалирует над остальными доходными статьями бюджета России сегодняшней и получаемая прибыль идет на инвестиции в другие страны, что ослабляет поток инвестиций для внутрирационального сектора российской экономики [5, с. 73].

На основе вышесказанного, абсолютно логичным представляется поиск ответа на вопрос: почему ресурсно-богатая и сохраняющая на протяжении долгих лет политический суверенитет государство, стало сырьевым придатком стран Европы и Китая? Ряд экспертов разделяют данный тезис, например, И. Николаев приводит статистику экспорта с КНР по итогам девяти месяцев 2016 года, согласно которой, наибольшим удельным весом в 67,5% обладали топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки, битуминозные вещества, воски минеральные; на долю древесины и изделий из нее, древесного угля приходится 9% [6]. Вывод один: сегодня наш экспорт имеет ярко выраженную сырьевую направленность, четко отражающую сырьевую структуру экономики.

Но не все разделяют данную позицию. В 2019 г. Генеральный секретарь Мирового энергетического совета (МИРЭС) К. Фрай заявил, что «Россия останется энергетической сверхдержавой, в какую бы сторону ни развивалась международная энергетика» [7]. При этом важно подчеркнуть, что он не просто еще раз отметил общеизвестный факт о богатстве России природными ресурсами и наличии значительных возобновляемых источников энергии, но и выразил уверенность в том, что наша страна потенциально способна разработать новые технологии в сфере развития энергетики и обеспечить международную конкурентоспособность в данной области.

В пользу данного высказывания говорят следующие факты:

- впечатляющие успехи Российской Федерации по встраиванию в мировой рынок сжиженного природного газа;
- большая и успешная работа по инвестиционным проектам газопровода «Сила Сибири», газопровода «Турецкий поток» и строящегося газопровода «Северный поток-2»;
- мировое лидерство РФ в столь сложной и высокотехнологичной отрасли, как атомная энергетика.

Однако несмотря на отдельные достижения, главных целей политики импортозамещения — снизить зависимость от импорта, смягчить валютные риски и обеспечить устойчивый рост несырьевых секторов экономики — достигнуть не удалось.

Изменение состава Правительства РФ в 2020 г. привело к некоторым позитивным сдвигам и в политике импортозамещения. Премьер-министр Рос-

сии М. Мишустин инициировал «условную» программу «Импортозамещение 2.0», в основе которой лежит квотирование государственных закупок у российских поставщиков [8]. Было принято Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2020 г. № 616 «Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства». Однако по своей сути данное Постановление ориентированно на наведение порядка в закупках для государственных и муниципальных структур иностранных товаров, но это не может претендовать на целевую федеральную программу.

Раньше государственные закупки меньше регламентировались. Теперь заказчик должен приобретать определенную долю продукции российского производства в общем их объеме. В 2019 г. Минпромторг внес предложение о доле в закупках государственных заказчиков в размере не менее 30% от годового объема закупок в 2020 г. и не менее 50% — в 2021 г. В данном случае это касалось компьютеров, телекоммуникационного оборудования, серверов, систем хранения данных и проч.

Попытка российских властей уйти от импортозависимости советскими инструментами по типу союзного Госплана и Госснаба, вероятнее всего, поможет российским компаниям пережить кризисные времена, но не изменит реального соотношения спроса на отечественную и зарубежную продукцию. Апеллируя цифрами и экономическими показателями, авторы инициативы квотирования не учитывают более сложные экономические связи:

- наличие или отсутствие в отрасли конкурентов и товаров-субститутов;
- уровень качества и технологичности продукции;
- долю локализации производства;
- уровень полезности и востребованности для потребителя.

На наш взгляд, что было главным в действиях и документах органов исполнительной власти по импортозамещению в 2014 г. — это быстро найти замену продукции, которую с помощью отечественного государственного заказа для российских вооруженных сил выпускали примерно 100–110 украинских заводов. По заявлению Министра промышленности и торговли РФ в апреле 2014 г., «общий портфель российских гражданских и военных

заказов, размещенных на украинских предприятиях — 15 млрд долларов США или 8,2% ВВП Украины» [9]. Эта задача была полностью выполнена.

Другое успешное направление импортозамещения — контрсанкции, которые Правительство РФ приняло в ответ на действия развитых стран в виде запрета на ввоз их аграрной и пищевой продукции в 2014 г. То есть властные структуры России ясно определили сроки, диапазоны действия мер импортозамещения, без которых исчезала бы военная и продовольственная безопасность стра-

ны. Если оценивать результаты вышеуказанных мероприятий, то можно утверждать, что кроме роста производства определенных изделий, освоения новых технологий, это в достаточно большой степени привело или к остановке роста уровня жизни населения, или даже его снижению. Также без импортных конкурентных товаров качество ряда российских изделий упало. Динамика российского импорта санкционной продукции с четко прослеживаемым положительным трендом показана на рисунке [10].

Рис. Динамика российского импорта санкционной продукции

После принятия контрсанкций максимально позитивные изменения в замене импортной продукции были достигнуты в АПК. Впервые за 60 лет дефицит покупки и продажи аграрной продукции был ликвидирован, и теперь у России в этой области, напротив, профицит. Изготовление аграрной продукции на экспорт для многих регионов страны позволяет решать вопросы не только наполнения бюджетов, но также служит решению проблем занятости населения и сохранения многих сел и рабочих поселков. В стратегических целях роста экспорта аграрной продукции поставлена задача увеличить его с 30 млрд долл. до 45 млрд долл. в течение ближайших пяти лет.

В настоящее время вывоз сельскохозяйственных товаров в экспорте торговой продукции РФ находится на втором месте после товаров ТЭКа, опередив продажу военной продукции и услуг ИКТ.

Другие направления импортозамещения в виде уменьшения закупок лекарств за рубежом, станков, гражданских самолетов и т. п. за семь лет не достигли значимых итогов.

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Принятые в 2014–2015 гг. меры по развитию импортозамещения во многом были бессистемны, носили разрозненный характер, а в отдельных случаях даже противоречили друг другу.

2. Сложившаяся в новой России ситуация ярко продемонстрировала неспособность отечественных производителей действовать на рынке автономно, обособленно, не прибегая к государственной поддержке. В Российской Федерации наиболее эффективными темпами развиваются отрасли, где участие государства если не 100%, то значительное: добыча полезных ископаемых, топливно-энергетический комплекс, атомная энергетика, космическая отрасль и оборонный комплекс. Часть промышленности — пищевая и легкая промышленность, автомобилестроение, фармацевтика, электроника и ряд других путем «естественного отбора» были отданы во власть импортных производителей. В связи с этим по-прежнему актуальным остается вопрос об излечении от «импортной болезни». Он относится к ключевым направлениям по многим факторам: санкции и политическая изоляция России на международной арене, COVID-19 и ограничение международной торговли, нестабильность

национальной валюты и зависимость от нефтяных котировок.

3. Существуют противоречия между властью и бизнесом, между поставщиками и производителями, и даже внутри самих этих групп. Объективные предпосылки к созданию собственных производств не могут пройти сквозь безразличие и незаинтересованность властных органов; наличие уникальных характеристик регионов не используется в должной мере; скромные бюджеты стесняют маневры представителей импортозамещающих производств. Другая проблема заключается в долгом согласовании документов, порой таким долгом, что фирмы-производители остаются без положенных компенсаций: на следующий год бюджет программы не переходит.

4. Не было разработано единой методики оценки эффективности реализации программы импортозамещения. Изменение показателей, которые были положены в основу механизма оценок импортозамещения (доля данного производства в стране; коэффициенты локализации и др.) не увязывалось с влиянием на структуру экономики, дальнейшее развитие промышленности, уровень жизни и доходов населения.

Для эскалации импортозамещения необходимо принять комплекс мер, включающих следующее:

- создание актуальной и предельно конкретной нормативно-правовой базы, регули-

рующей импортозамещение, а также отношения власти и бизнеса в этой связи;

- концентрация инновационной, творческой и технологической мысли в импортозамещающих отраслях;
- приоритетное освоение конкретных видов товаров с определенной долей реализации за рубежом;
- охват импортозамещением не только производства товаров, но и оказания услуг: IT-сфера, финансы, здравоохранение, образование, туризм и некоторые другие;
- упрощение процедур и увеличение объемов компенсации транзакционных издержек производителям, чтобы не перекладывать это на конечного потребителя;
- поддержка производителей сельскохозяйственной продукции и недопущение демпинга цен;
- регулирование отношений «поставщик-производитель» для своевременного создания и отгрузки готовой продукции, производимой по программам импортозамещения;
- прогнозирование прогрессивных сдвигов в структуре экономики вследствие успешной реализации планируемых мероприятий в области импортозамещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мир в цифрах — 2020: карманный справочник / пер. с англ. И. Старцева. М., 2020. 266 с.
2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь / под общ. ред. профессора Б. А. Райзберга. М., 2019. 479 с.
3. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/ (дата обращения: 15.03.2021).
4. Постановление Правительства РФ от 4 августа 2015 г. № 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71152492> (дата обращения: 15.03.2021).
5. Подоляко Д. А., Островерх А. О. Место России в международном разделении труда // Электронная библиотека «CyberLeninka». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-rossii-v-mezhdunarodnom-razdelenii-truda-1/viewer> (дата обращения: 05.02.2021).
6. Россия — сырьевой придаток Китая: почему мы стали беднее жителей Поднебесной. URL: <https://www.mk.ru/economics> (дата обращения: 12.03.2021).
7. Мировой энергетический совет назвал Россию энергетической сверхдержавой // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190324/1552060830.html> (дата обращения: 10.12.2020).
8. Правительство запускает «Импортозамещение 2.0» // Независимая газета. URL: https://yandex.ru/turbo/h/ng.ru/economics/2020-06-04/4_7879_import.html (дата обращения: 04.02.2021).
9. Военно-техническое сотрудничество Украины и России. Досье. URL: <https://tass.ru/info/1266442> (дата обращения: 04.02.2021).
10. Кемейшо А. С. Перспективы импортозамещения в России в 2020–2021 годы // Современные вызовы экономики и систем управления в России в условиях многополярного мира. СПб., 2020. С. 85–91.

REFERENCES

1. The World in numbers-2020: pocket guide / trans. from the English of I. Startseva. M., 2020. 266 p.
2. Raizberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary / under the general editorship of Professor B. A. Raizberg. M., 2019. 479 p.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.07.2012 N 717 «On the State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food» // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/ (date of access: 15.03.2021).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 4, 2015 No. 785 «On the Government Commission for Import Substitution» (with amendments and additions) // Garant. URL: <https://base.garant.ru/71152492> (date of access: 15.03.2021).
5. Podolyako D. A., Ostroverkh A. O. The place of Russia in the international division of labor // Electronic Library «CyberLelinka». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-rossii-v-mezhdunarodnom-razdelenii-truda-1/viewer> (date of access: 05.02.2021).
6. Russia-a raw material appendage of China: why we have become poorer than the inhabitants of China. URL: <https://www.mk.ru/economics> (date of access: 12.03.2021).
7. The World Energy Council called Russia an energy superpower [Electronic resource] // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20190324/1552060830.html> (date of access: 10.12.2020).
8. The government launches «Import Substitution 2.0» // Nezavisimaya Gazeta. URL: https://yandex.ru/turbo/h/ng.ru/economics/2020-06-04/4_7879_import.html (date of access: 04.02.2021).
9. Military-technical cooperation between Ukraine and Russia. Dossier. URL: <https://tass.ru/info/1266442> (date of access: 04.02.2021).
10. Kemeisho A. S. Prospects of import substitution in Russia in 2020–2021 // Modern challenges of the economy and management systems in Russia in a multipolar world. — St. Petersburg, 2020. Pp. 85–91.

Поступила в редакцию: 17.03.2021.

Принята к печати: 27.04.2021.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЛИНГА

Л. А. Семина¹, И. С. Санду², Н. Г. Филимонова³, И. О. Глубоков¹

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства (Москва, Россия)

³Красноярский государственный аграрный университет (Красноярск, Россия)

В статье рассмотрены различные подходы к трактовке понятия «организационно-экономический механизм», а также сформировано авторское представление данного понятия. Авторами приведен состав основных элементов организационно-экономического механизма с краткой характеристикой каждого из них. Продемонстрирована взаимосвязь контроллинга и организационно-экономического механизма. Выделены главные возможности и эффекты, которые достигаются при сформированной системе контроллинга. В системе контроллинга выделены задачи, которые позволяет решить организационно-экономический механизм. В рамках трансформации организационно-экономического механизма при формировании системы контроллинга, авторами в соответствии с целями детализации и конкретизации затрат и доходов организации дополнен состав элементов организационно-экономического механизма «зонами ответственности». Авторами сформулировано определение зон ответственности, приведен пример для центров затрат, а также наглядно продемонстрировано место зон ответственности в управленческой структуре организации.

Ключевые слова: контроллинг, система контроллинга, менеджмент, центры ответственности, зона ответственности, экономический анализ, оптимизация затрат, структурные подразделения.

TRANSFORMATION OF THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM IN THE PROCESS OF FORMING A CONTROLLING SYSTEM

L. A. Semina¹, I. S. Sandu², N. G. Filimonova³, I. O. Glubokov¹

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Federal Research Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute for Agricultural Economics (Moscow, Russia)

³Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russia)

The article discusses various approaches to the interpretation of the concept of “organizational and economic mechanism”, and also formed the author’s presentation of this concept. The authors provide the composition of the main elements of the organizational and economic mechanism with a brief description of each of them. Demonstrated the relationship between controlling and the organizational and economic mechanism. The main possibilities and effects that are achieved with the formed controlling system are highlighted. In the controlling system, tasks are identified that can be solved by the organizational and economic mechanism. As part of the transformation of the organizational and economic mechanism in the formation of the controlling system, the authors, in accordance with the goals of detailing and specifying the costs and revenues of the organization, supplemented the composition of the elements of the organizational and economic mechanism with “zones of responsibility”. The authors formulated the definition of areas of responsibility, an example is given for cost centers, and also clearly demonstrated the place of areas of responsibility in the management structure of an organization.

Keywords: controlling, controlling system, management, responsibility centers, area of responsibility, economic analysis, cost optimization, structural divisions.

Современный уклад экономических отношений требует и современного подхода к трактовке и переосмыслению базовых составляющих организационного устройства хозяйствующих субъектов. Одним из таких элементов является организационно-экономический механизм. Его предназначение в структуре управления организацией заключается в создании единой системы, выраженной в строгой последовательности и взаимосвязанности предпринимаемых действий для достижения поставленного результата.

Актуальность данного исследования продиктована теми возможностями и эффектами, которые несет в себе система контроллинга, а именно: оперативное выявление отклонений ключевых показателей от плановых (прогнозных) значений

и своевременное принятие мер по устранению причин подобных отклонений при помощи механизмов контроллинга, возможность ускоренного предоставления актуальной информации высшему менеджменту организации, выявление «слабых звеньев» организационной структуры предприятия, а также способность неукоснительно следовать сформированной стратегии развития организации.

В новом экономическом словаре организационно-экономический механизм определяется как «... совокупность методов и средств воздействия на экономические процессы, их регулирование» [1]. Однако на сегодняшний день среди ученых отсутствует единый подход к определению организационно-экономического механизма (табл. 1).

Таблица 1

Определения организационно-экономического механизма

Автор	Определение организационно-экономического механизма
Жукова И. В. [2]	Комплекс организационных, правовых, управленческих и финансовых способов влияния на объект управления
Вихров М. С. [3]	Система экономических рычагов, с помощью которой организуются как внешние, так и внутренние хозяйственные отношения
Федорович В. О. [4]	Иерархическая концепция ключевых взаимозависимых компонентов и их типовых групп — объекты, субъекты, принципы, методы, а также способы их взаимодействия
Кульман А. А. [5]	Система элементов организационного и экономического воздействия на экономический процесс
Новиков А. В. [6]	Организационно-экономический механизм — это способ обеспечения ключевых функций управления. Чаще всего представлен в виде системы и/или совокупности элементов, методов, форм, способов, правил, процедур управления и принятия решений
Шахиева Э. Т. [7]	Механизм, с помощью которого происходит взаимодействие аппарата управления в части принятия управленческих решений и правилами хозяйствования, ориентированных на наиболее результативную деятельность предприятия

Как мы можем заметить, у всех представленных определений есть общие черты:

1. Система упорядоченных и взаимосвязанных элементов или процессов.
 2. Организационно-экономический механизм — составная часть системы управления.
 3. Главная цель организационно-экономического механизма — воздействие на объект управления.
- Обобщая все приведенные выше определения, мы можем констатировать, что организационно-

экономическим механизмом является упорядоченная иерархическая система элементов структуры управления, в которой четко обозначены принципы, методы, инструменты и способы их взаимодействия.

Интерпретируя общие положения, касающиеся раскрытия механизма, авторами обозначен ряд основных элементов организационно-экономического механизма с их краткой характеристикой (табл. 2).

Таблица 2

Структура организационно-экономического механизма

Элемент	Характеристика
Система экономического управления	Призвана обеспечить заданный уровень эффективности деятельности предприятия
Органы и структура экономического управления	Зависят от организационной структуры предприятия
Цели и задачи экономического управления	Результат деятельности предприятия, выраженный в количественных и/или качественных показателях
Функции экономического управления	Планирование, организация, оперативное экономическое управление, экономический учет и контроль затрат

Окончание таблицы 2

Элемент	Характеристика
Методы экономического управления	Включают экономическое планирование, нормирование, методы ценообразования и финансирования, а также анализ и контроль
Культура экономического управления	Формируется под воздействием внутренних и внешних факторов: политических, экономических, профессиональных и др.

Организационно-экономический механизм, являясь основополагающим элементом всей структуры управления, также служит основой и для формирования системы контроллинга в организации. В свою очередь, контроллинг — это контрольно-информационная система обеспечения управления развитием предприятия на основе измерения ресурсов, затрат и результатов внутрихозяйственной деятельности, бизнес-процессов и всей деятельности организации [8, с. 11].

Главной целью формирования системы контроллинга является своевременное получение руководителем информации о финансовом положении организации, служащей основой для дальнейших управленческих решений, направленных на управление ее развитием. Организационно-экономический механизм в процессе формирования контроллинга в системе управления организацией позволит решить следующие задачи [9]:

- создание системы показателей, отражающих достижение целей и задач организации;

- контроль над выделенными структурными подразделениями с целью согласованности действий и единого движения к поставленным стратегическим и оперативным целям организации; планирование, бюджетирование и консолидация затрат и доходов центров ответственности, а также группировка этих затрат по различным аналитическим признакам (видам затрат, по центрам ответственности и т. д.);

- анализ результатов работы организации с последующим заключением о необходимости или ненужности корректировочных решений.

Наиболее явно взаимосвязь организационно-экономического механизма с контроллингом прослеживается в обязательном условии для функционирования обоих элементов системы управления — децентрализация управления. Именно иерархически выстроенная система управления организацией с дроблением на соответствующие центры ответственности (структурные подразделения) способствует принятию наиболее эффективных управленческих решений в соответствии со стратегическим планом развития организации. Существует множество различных характеристик, по которым классифицируются центры ответственности, однако наиболее популярной является одна — выделение центров ответственности в соответствии с объемом пол-

номочий и ответственности. Исходя из этого признака выделяют следующие центры: затрат, дохода, прибыли, инвестиций и центр управления и контроля. В рамках трансформации организационно-экономического механизма при формировании системы контроллинга авторами в соответствии с целями детализации и конкретизации затрат и доходов организации дополнен состав элементов организационно-экономического механизма «зонами ответственности». Причиной, определяющей необходимость трансформации организационно-экономического механизма через совершенствование организационной структуры организации, также является недостаточность выделения одних центров ответственности для получения достоверной информации при консолидации затрат и доходов. Зоной ответственности, по мнению авторов, выступает элемент организационной структуры, выделяемый внутри центра ответственности и являющийся первоначальным этапом в процессе функционирования контроллинга [10].

Исходя из приведенной выше классификации центров ответственности, основополагающим и нуждающимся в первоочередном анализе и описании, по мнению авторов, является центр затрат. Причиной выделения центров затрат, как наиболее важных центров ответственности, служит то, что именно они курируют процессы, служащие основой для формирования финансового результата. Рассмотрим зоны ответственности именно для этих подразделений.

Зоной ответственности центров затрат является, например, элемент себестоимости в части материальных затрат или иные составляющие центра ответственности. Выделение зон ответственности внутри центров (рис.) способствует обозначению роли и границ ответственности подразделений в формировании финансовых результатов организации, планированию, оперативной координации и контролю над результатами их действий.

Таким образом, для получения положительного эффекта в результате функционирования системы контроллинга в организации в виде оперативного выявления отклонений ключевых показателей от запланированных значений, своевременного снабжения высшего менеджмента актуальной информацией о состоянии организации и т. д., прежде всего, необходимо произвести

трансформацию организационно-экономического механизма. Выделение зон ответственности внутри центров затрат позволит сконцентрироваться ответственным менеджерам на оптимизации производимых затрат на изготовление продукции, со-

ставлении локальных планов и бюджетов, а также отчетов по итогам работы за определенный период, относящихся к непосредственной зоне ответственности с целью дальнейшей консолидации по всему центру затрат.

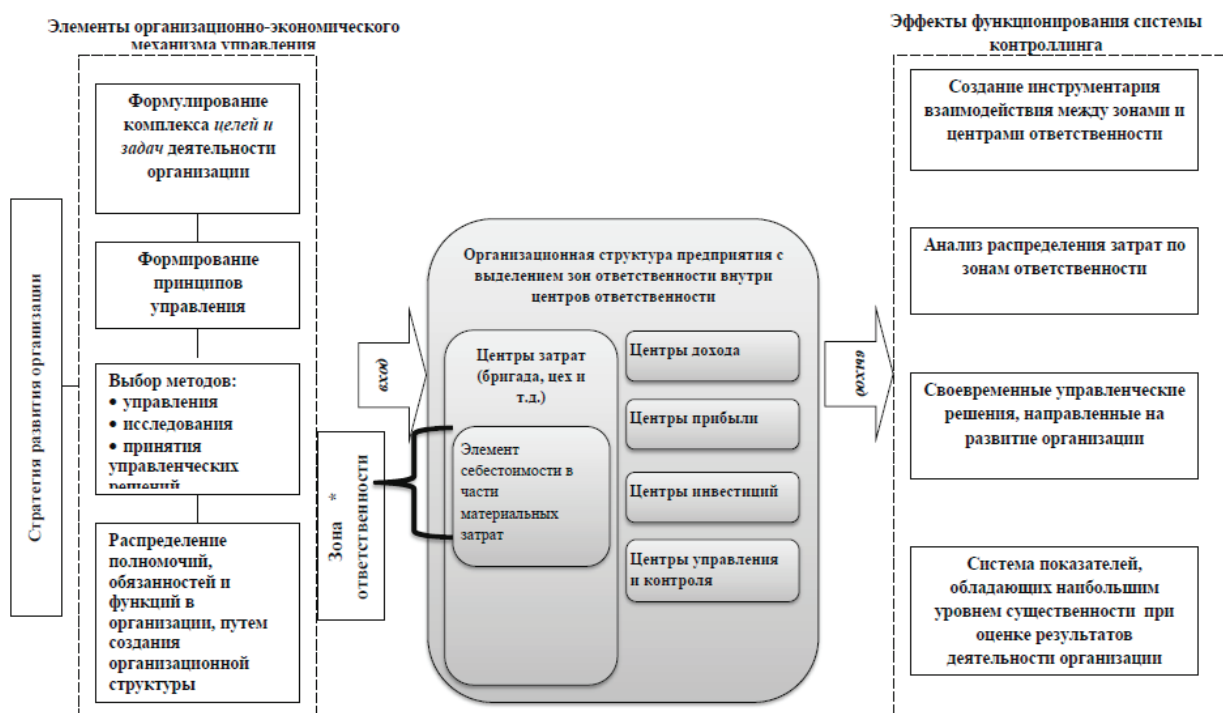

Схема организационной структуры предприятия в процессе выделения зон ответственности

*Предложено авторами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новый экономический словарь / под ред. А. И. Азрилияна. М., 2009. 1088 с.
2. Жукова И. В. Сущность и содержание организационно-экономического механизма управления горнодобывающей промышленностью // Власть и управление на востоке России. 2010. №4. С. 43–49.
3. Вихров М. С. Сущность организационно-экономического механизма управления агробизнесом // Проблемы развития внешнеэкономических связей и привлечения иностранных инвестиций: региональный аспект: сборник научных трудов. Ч. 2. Донецк, 2012. С. 66–68.
4. Федорович В. О. Новый организационно-экономический механизм управления собственностью: крупные промышленные и транспортные корпоративные образования. Новосибирск, 2006.
5. Кульман А. А. Экономические механизмы / пер. с фр., под общ. ред. Н. И. Хрусталева. М., 1993. 92 с.
6. Новиков А. В. Современный взгляд на организационно-экономический механизм управления российским предприятием // Экономика и экологический менеджмент: электронный научный журнал. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-modern-view-of-the-organizational-economic-mechanism-of-the-russian-enterprise-management-1/viewer>
7. Шахиева Э. Т. Организационно-экономический механизм управления региональным агропромышленным комплексом: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством». Нальчик, 2001. 21 с.
8. Контроллинг стратегии развития предприятия: учеб. пособие / А. И. Шигаев. М., 2008. 351 с.
9. Концепция контроллинга: Управленческий учет. Система отчетности. Бюджетирование / Horvath & Partners; пер. с нем. 2-е изд. М., 2006. 269 с.

10. Глубоков И. О., Семина Л. А., Косёноква П. А., Эргардт О. И., Захарова А. С., Богданова М. М., Алябьева Е. В. Выделение зон ответственности в процессе построения и функционирования системы контроллинга организации // Экономика и предпринимательство. 2020. № 12. С. 1316–1319.

REFERENCES

1. New Economic Dictionary / ed. A. I. Azrilian. M., 2009. 1088 p.
2. Zhukova I. V. The essence and content of the organizational and economic mechanism of management of the mining industry // Power and management in the east of Russia. 2010. No. 4. Pp. 43–49.
3. Vikhrov M. S. The essence of the organizational and economic mechanism of agribusiness management // Problems of development of foreign economic relations and attraction of foreign investment: regional aspect: collection of scientific papers. Vol. 2. Donetsk, 2012. Pp. 66–68.
4. Fedorovich V. O. New organizational and economic mechanism for property management: large industrial and transport corporate formations. Novosibirsk, 2006.
5. Kulman A. A. Economic mechanisms / trans. from french, gen. edition by N. I. Khrustaleva. M., 1993. 92 p.
6. Novikov A. V. Modern view of the organizational and economic mechanism of management of a Russian enterprise // Economics and Environmental Management: electronic scientific journal. 2011. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-modern-view-of-the-organizational-economic-mechanism-of-the-russian-enterprise-management-1/viewer>.
7. Shakhieva E. T. Organizational and economic mechanism of management of the regional agro-industrial complex: author. dis. ... cand. econ. sciences: 08.00.05 «Economics and National Economy Management». Nalchik, 2001. 21 p.
8. Controlling enterprise development strategy: textbook / A. I. Shigaev. M., 2008. 351 p.
9. Controlling concept: Management accounting. Reporting system. Budgeting / Horvath & Partners; trans. from Germany. 2nd ed. M., 2006. 269 p.
10. Glubokov I. O., Semina L. A., Kosenkova P. A., Ergardt O. I., Zakharova A. S., Bogdanova M. M., Alyabyeva E. V. Allocation of areas of responsibility in the process of building and functioning of the organization's controlling system // Economy and Entrepreneurship. 2020. No. 12. Pp. 1316–1319.

Поступила в редакцию: 07.02.2021.

Принята к печати: 08.04.2021.

ПРАКТИКИ И ЭФФЕКТЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ¹

А. М. Сергиенко^{1,2}, Т. А. Кулаева^{2,3}

¹ Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

² Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия)

³ Министерство образования и науки Алтайского края (Барнаул, Россия)

Представлены результаты исследования практик поддержки малого и среднего предпринимательства органами местного самоуправления в одном из сельских муниципальных районов Алтайского края — Туюменцевском районе. На основе анализа целевых показателей муниципальной программы развития и поддержки малого и среднего бизнеса в 2014–2019 гг., данных отчетов администрации района по ее реализации и результатов экспертного опроса показаны эффекты развития и поддержки предпринимательства. Обнаружена слабая корреляция выполнения плана целевых показателей с реальными практиками поддержки. По результатам опроса местных предпринимателей дана оценка уровня и динамики развития малого и среднего бизнеса в изучаемом районе и практик их поддержки местной властью. Выделены институциональные барьеры развития малого и среднего бизнеса, низкий уровень его самоорганизации, недостаточный уровень информационной и консультационной поддержки и ряд других проблем.

Сделаны выводы в целом об относительно низких эффектах реализуемых практик муниципальной поддержки малого и среднего бизнеса. Выявлено низкое качество планирования целевых показателей, возможности и результаты финансовой обеспеченности муниципальной программы. Даны предложения по улучшению качества планирования при разработке и реализации муниципальных программ поддержки субъектов малого и среднего бизнеса в сельских районах, по совершенствованию муниципальных практик их поддержки, в том числе путем развития дистанционного обучения и информационной поддержки, стимулирования его самоорганизации и развития интеграционных связей.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, муниципальная поддержка бизнеса, сельский муниципальный район, органы местного самоуправления, муниципальная программа, целевые показатели, территориальная экономическая политика.

PRACTICES AND EFFECTS OF MUNICIPAL SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE RURAL DISTRICT

A. M. Sergienko^{1,2}, T. A. Kulaeva^{2,3}

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai branch (Barnaul, Russia)

³ Ministry of Education and Science of the Altai Territory (Barnaul, Russia)

The article presents the results of research of the support practices of local governments for small and medium-sized businesses in a rural municipal district — the Tyumentsevsky District in the Altai Territory. Based on the analysis of the target indicators of the municipal program for the development and support for small and

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири» (0260–2021–0005).

medium-sized businesses in 2014–2019, of the data from the reports of the Tyumentsevsky District Administration on its implementation and the expert survey results, the effects of the entrepreneurship development and its municipal support are shown. A weak correlation is found between the implementation of the target indicators plan and the actual municipal support practices. According to the results of a survey of local entrepreneurs, the level and dynamics of the development of small and medium-sized businesses and the practices of the local government for their support are assessed. Institutional barriers to the development of small and medium-sized businesses, a low level of their self-organization, insufficient information and consulting business support, and a number of other problems are identified.

Conclusions are drawn about the relatively low effects of the implemented practices of municipal support for small and medium-sized businesses. Low quality of planning the targets, small opportunities and results financial security of the municipal program are shown. Proposals are made to improve the quality of planning in the development and implementation of municipal programs to support small and medium-sized businesses in rural areas, and to improve the municipal practices for their support, including distance learning and information support, businesses self-organization stimulating and development of their integration connections.

Keywords: small and medium-sized enterprises, municipal support for businesses, rural municipal district, local self-government bodies, municipal program, targets, territorial economic policy.

Актуальность исследования и степень изученности проблемы. Важнейшей составляющей эффективной сельской экономики, создающей основу для устойчивого социально-экономического развития ее территорий, их интеграционных связей является активно развивающийся бизнес. В условиях турбулентного развития национальной и мировой экономики сельский малый и средний бизнес сталкивается с различными экономическими, экологическими, институциональными, технологическими внешними и внутренними рисками и угрозами, преодоление которых часто становится невозможным без государственной и муниципальной поддержки.

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) в сельской России относится к стратегическим приоритетам современной политики. Именно государственная и муниципальная политика, реализуемая через национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹, различные федеральные и региональные программы и проекты прямой и косвенной поддержки

малых форм сельского предпринимательства² является сегодня главным регулятором его становления и развития на селе.

Интерес ученых и практиков концентрируется главным образом на анализе практик поддержки малого и среднего бизнеса органами государственной власти. В таких работах говорится о задачах и мерах федеральной и региональной поддержки, влиянии инфраструктуры поддержки, обсуждаются возможности взаимодействия федеральных и региональных органов в данной сфере, оценка результативности реализуемых практик и ряд других проблем [1–7]. Особое внимание исследователями уделяется анализу влияния различных федеральных и региональных мер государственной поддержки на развитие малого и среднего бизнеса в сельской местности, вопросам оптимизации льготного кредитования,

¹ Значительная часть мер государственной поддержки МСП реализуется с 2019 г. в рамках данного национального проекта, включающего пять федеральных проектов с планируемым объемом финансирования до 2024 г., равным 481,5 млрд руб. См.: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 20.03.2021).

² Так, в Алтайском крае реализуются государственные программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае», «Комплексное развитие сельских территорий Алтайского края», «Развитие сельского хозяйства Алтайского края», региональные проекты «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса», «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами» в рамках реализации национального проекта, направленного на развитие МСП в сельской местности. См.: Распоряжение Правительства Алтайского края от 19 декабря 2019 года № 462-р «Об утверждении перечня государственных программ Алтайского края на период 2020–2024 годов и признании утратившим силу распоряжения Правительства Алтайского края от 26.04.2017 № 158-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/561674272/> (дата обращения: 20.03.2021).

структуры бюджетной поддержки по видам субсидирования и т. д. (Гатаулина Е. А., Балакин А. М., Егорова М. О., Иванов В. А., Самыгин Д. Ю., Сушенцова С. С. и др. [8]). Оценку результативности государственной поддержки МСП проводит Счетная Палата [9] и другие государственные структуры. В зарубежной литературе есть работы на тему государственной институциональной, инфраструктурной и другим формам поддержки МСП [10–13].

Вместе с тем заметно реже исследователи обращаются к изучению эффектов реализации практик поддержки органами местного самоуправления, в том числе сельского бизнеса, его аграрной части [14–15], поскольку, как хорошо известно, спектр институциональных и инструментальных возможностей, масштабы реализации муниципальных практик поддержки малого и среднего бизнеса намного уже. В статье рассмотрим особенности развития малого и среднего предпринимательства (МСП) за последние пять лет в одном из сельских районов агропромышленного региона страны (Тюменцевском районе Алтайского края), а также практики его муниципальной поддержки и эффекты их реализации.

О понятиях и методологических нюансах исследования. К субъектам МСП, согласно Федеральному закону № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», относятся зарегистрированные в соответствии с законодательством РФ хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели³. Под практиками муниципальной поддержки МСП нами понимаются устойчивая совокупность действий органов местного самоуправления, направленных на развитие и поддержку МПС.

Особое внимание в статье уделено исследованию практик поддержки, реализованных с помощью муниципальной программы «Поддержка и развитие малого и среднего предприниматель-

ства в Тюменцевском районе» 2015–2019 гг.⁴ Программа была принята для формирования благоприятной экономической среды, направленной на стимулирование деловой активности сельских жителей, дальнейшего развития субъектов предпринимательства в районе, способствующих занятости и росту благосостояния сельчан, повышения налоговых поступлений в бюджет. С 2020 г. в изучаемом районе действует новая пятилетняя программа с аналогичными целями и задачами⁵.

Для выявления проблем развития малого и среднего бизнеса и оценки практик его поддержки в изучаемом районе помимо традиционного анализа документов (муниципальной программы и других документов районной администрации) нами проведена в марте-апреле 2020 г. серия лейтмотивных интервью с представителями администрации Тюменцевского района и экспертный опрос (методом анкетирования) 25 субъектов малого предпринимательства, составляющих более десятой части их общего количества в районе.

Развитие малого и среднего предпринимательства в районе: практики муниципальной поддержки в условиях экономического кризиса. Рассмотрим динамику малого и среднего бизнеса в Тюменцевском районе по целевым показателям муниципальной программы его поддержки и развития за пять лет ее реализации.

³ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12154854/paragraph/25850/0> (дата обращения: 20.03.2021)

⁴ С этой целью проведен анализ постановления администрации от 29.12.2014 № 612 «Об утверждении муниципальной программы Тюменцевского района «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Тюменцевском районе» на 2015–2019 годы» (в новой редакции от 02.05.2017 № 191), отчетов «Об итогах реализации муниципальной программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Тюменцевском районе» на 2015–2019 гг.» и «Оценка эффективности и реализации муниципальных программ за 2016, 2017, 2019 годы» и других материалов сайта Администрации Тюменцевского района Алтайского края. URL: tjumencevo.rf/ (дата обращения: 20.03.2021).

⁵ Паспорт муниципальной программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Тюменцевском районе» на 2020–2024 годы» см.: URL: <https://xn--b1afa0agiw9a6d.xn--p1ai/administratsiya/strukturnye-podrazdeleniya/komitet-po-ekonomike-imushhestvennym-i-zemelnym-otnosheniyam/ekonomika/munitsipalnye-programmy/normativno-pravovye-akty/> (дата обращения: 20.03.2021).

В 2019 г. в Тюменцевском районе действовало 239 предприятий, в том числе 34 юридических лица (4 средних, 13 малых и 222 микропредприятий¹) и 205 индивидуальных предпринимателей. Как ви-

дим в таблице, с 2014 до 2019 г. количество субъектов малого и среднего бизнеса в районе сократилось почти на треть (с 354 до 239), план программы в среднем по годам не был выполнен почти на 13%.

Целевые плановые показатели муниципальной программы и фактические показатели развития малого и среднего предпринимательства в Тюменцевском районе Алтайского края в 2014–2019 гг.²

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, единиц: план муниципальной программы факт.	-354	370 355	377 255	260 248	260 242	270 239
Численность занятых на малых и средних предприятиях, человек: план муниципальной программы факт.	-1567	1629 1569	1644 1481	1490 1488	1490 1486	1510 1384
Доля занятых на малых и средних предприятиях в среднегодовой численности занятых в экономике, %: план муниципальной программы факт.	-37,1	39,1 51,6	40,1 51,7	51,5 60,6	51,5 63,8	51,7 30,1
Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника на малых и средних предприятиях, рублей: план муниципальной программы факт.	-9112	11026 10821	12129 11490	12200 11800	12200 11800	13200 13470
Общий объем поступлений налогов и сборов в бюджет района от субъектов малого и среднего предпринимательства, тыс. рублей: план муниципальной программы факт.	-13568	10147 12521	11161 14998	12277 7651	12277 6741	14856 10553
Инвестиции по субъектам малого и среднего предпринимательства, тыс. рублей: план муниципальной программы факт.	-40251	93301 38507	111961 56478	58478 58655	58478 64520	65600 65800

По мнению представителей местной власти, столь значительное сокращение произошло в основном за счет малых торговых точек, не выдержавших конкуренцию с крупными торговыми сетями. Причем в первую очередь «закрылись новички», действовавшие на рынке менее трех лет. Вместе с тем, и в 2019 г., по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, в отраслевой структуре района по-прежнему превалировала розничная торговля (43% от общего количества субъектов). Кроме того, период реализации программы пришелся на годы структурного

экономического кризиса, «не обошедшего стороной» и сельские районы края; основное сокращение в Тюменцевском районе пришлось на 2016 г.

За рассматриваемые пять лет численность занятых в малом и среднем бизнесе уменьшилось с 1567 до 1384 человек (на 11,7%), соответственно, с 37,1 до 30,1% сократилась доля занятых на таких предприятиях в среднегодовой численности занятых в экономике (см. табл.). Интересно, что представители администрации района связывают эти процессы не только со снижением количества субъектов МСП на территории района, но и трактуют такие потери в сфере занятости, как уход предпринимателей в теневую экономику, что фактически выявить очень сложно, так как у муниципального образования нет рычагов воздействия на эти про-

¹ Согласно Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к микропредприятию относится экономический субъект с годовым доходом не более 120 миллионов в год, в штате которого трудится не более 15 человек, тогда как малое предприятие – это уже субъект предпринимательства с годовым доходом до 800 миллионов рублей и штатной численностью работников до 100 человек. Менее характерные для сельской местности средние предприятия являются представителями бизнеса с доходом до 2 миллиардов рублей в год и среднесписочной численности до 250 человек. См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 27.11.2017). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12154854/paragraph/25850:0/> (дата обращения: 21.01.2021).

² Источники: постановление Администрации Тюменцевского района Алтайского края от 29.12.2014 № 612 «Об утверждении муниципальной программы Тюменцевского района «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Тюменцевском районе на 2015–2019 годы» (в новой редакции от 02.05.2017 № 191), отчеты «Об итогах реализации муниципальной программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Тюменцевском районе на 2015–2019 гг.» и другие документы Администрации Тюменцевского района. URL: тюменцево.рф/ (дата обращения: 20.03.2021).

цессы («Налоговая инспекция [Межрайонная ИФНС № 7 по Алтайскому краю] находится отдаленно, в Павловске. Специалист приезжает в Тюменцевский район два раза в неделю. Полиция не участвует в данных рейдах, так как у нее нет таких полномочий»). Представители местной власти так описывают экономическую причину ухода малого бизнеса «в тень»: «Во внебюджетном секторе экономики заработная плата в Тюменцевском районе составляет 13000 рублей. Предприниматель должен заплатить подоходный налог — 30,2% за каждого работника. Это не выгодно для малого бизнеса с малым товарооборотом. И как результат, предпринимателю выгодней заплатить штраф, чем оформлять работника по Трудовому кодексу и платить «белую» зарплату».

Рассматриваемое пятилетие характеризуется почти полуторакратным ростом среднемесячной начисленной заработной платы работников малых и средних предприятий района — с 9,1 тыс. рублей до 13,5 тыс. (см. табл.). Этот рост происходил не только в силу инфляционных процессов кризисных лет, «съедающих» реальное наполнение заработной платы, но и, по словам представителя районной администрации, благодаря позитивным процессам развития сельской экономики, главным образом в сельском хозяйстве, что привело к заметному повышению зарплаты в данном секторе экономики («работники получают порядка 17 тыс. рублей»).

О процессах развития малого и среднего бизнеса свидетельствуют также представленные в таблице показатели изменения размера поступлений в консолидированный бюджет района налогов и сборов от субъектов МСП, а также привлеченных их силами инвестиций. С 2014 до 2019 г. общий объем таких поступлений в бюджет района сократился с 15,6 млн рублей до 10,6 млн тогда как, напротив, ожидался его почти полуторакратный рост за период действия программы (с 10,1 млн рублей до 14,9 млн). Причем основной, почти двукратный, обвал налоговых поступлений произошел в 2017 г., ставший отголоском кризисных процессов в стране.

Произошедшее же в 2019 г. увеличение налоговых поступлений в бюджет района от субъектов малого и среднего бизнеса представитель комитета по предпринимательству администрации района связал в значимой мере с открытием в районе собственного бизнеса в форме ИП, который «по факту осуществляет деятельность в Барнауле, но платит налоги в районе, по месту регистрации (за 2019 г. только данный предприниматель перечислил 3,6 млн рублей)». Но даже благодаря «столь удачному для района обстоятельству» в завершающий год действия программы удалось собрать лишь 71% запланированной суммы налоговых по-

ступлений. В целом же «недосбор» относительно плановых показателей составил 13,6%.

Вместе с тем положительную динамику за пять лет продемонстрировал показатель объема привлеченных инвестиций, учитываемых по субъектам МСП. Он вырос в 1,6 раза — с 40,2 млн рублей в 2014 г. до 65,8 млн в 2019 г. (см. табл.). Причем за исключением 2015 г. наблюдался поступательный рост инвестиций, позволивший в последние три года действия программы перевыполнить плановые показатели. В первые же два года, как следует из таблицы, была установлена слишком высокая планка, следствием чего явилось более чем двукратное невыполнение плановых показателей. По мнению представителя комитета по экономике, имущественным и земельным отношениям, основной вклад в рост инвестиций был сделан предпринимателями аграрного бизнеса, во многом благодаря закупкам дорогостоящей сельскохозяйственной техники.

Практики муниципальной поддержки малого и среднего бизнеса: планы и реалии. По данным отчета комитета по экономике, имущественным и земельным отношениям администрации Тюменцевского района общий объем финансирования программы поддержки малого и среднего предпринимательства за счет всех источников (включая средства краевого и федерального бюджета) только в 2019 г. должен был составить 283 тыс. рублей. В том числе из местного бюджета для выполнения цели и задач программы планировалось направить в тот год 62 тыс. рублей, в том числе 26 тыс. рублей — на организацию деятельности информационно-консультационного центра, 12 тыс. рублей — на погашение части затрат, связанных с присоединением к коммунальным (электрическим, тепловым, газораспределительным, водопроводным, канализационным) сетям и 24 тыс. рублей — на реализацию мер по формированию положительного образа предпринимателя, популяризацию его роли.

Между тем из всех мероприятий с 2015 по 2019 г. профинансирована была лишь организация деятельности информационно-консультационного центра: выделенные 26 тыс. рублей израсходованы на возмещение затрат на оплату освещения, отопления, услуг телефонной связи и интернета. Остальные мероприятия не были профинансированы, в частности, из-за отсутствия необходимых финансовых средств в местном бюджете.

Информационно-консультационный центр (ИКЦ) Тюменцевского района фактически был создан еще в 2007 г. Администрация района предоставила для его функционирования помещение, оснащенное необходимым оборудованием. В ИКЦ района предприниматели могут получить инфор-

мационно-методическую и консультационную помощь в составлении бизнес-планов, оформлении документов на получение микрозаймов и поручительства гарантийного фонда и др. Совместно с ИКЦ в администрации Тюменцевского района также оказывается помощь по оформлению документов предпринимателям, участвующим в конкурсах на получение государственной поддержки. Информация о формах поддержки предпринимательства размещается в средствах массовой информации и на сайте администрации района.

Несмотря на оказанную финансовую поддержку деятельности районного информационно-консультационного центра, за период реализации программы количество оказываемых специалистом ИКЦ услуг сократилось почти в 2,5 раза (с 1047 до 432). По мнению специалиста, это объясняется растущей удовлетворенностью предпринимателей оказанными услугами (*«предприниматели обращаются с идентичными проблемами и, однажды получив консультацию, уже не обращаются повторно, так как помощь была оказана качественно»*). Причина заключается, на наш взгляд, в большей мере еще и в том, что бесплатно оказывается лишь информационная, консультационная помощь, а практическая помощь в составлении деклараций, подготовке бизнес-планов и других документов осуществляется на платной основе. Впрочем, в 2020 г., уже начиная со второго квартала, в связи с новыми мерами государственной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях пандемии коронавируса количество обращений предпринимателей в ИКЦ района резко возросло. В частности, предпринимателей интересовало, какие предприятия могут продолжать работу, могут ли они рассчитывать на государственную поддержку, как правильно оформить документы и сохранить рабочие места.

Другим значимым институтом и инфраструктурной составляющей поддержки малого бизнеса в Тюменцевском районе является Общественный совет предпринимателей при главе администрации района и комиссии по устранению административных барьеров в развитии предпринимательства. Заседания Общественного совета проводятся с привлечением специалистов из краевых органов управления, контрольно-надзорных органов. На заседаниях рассматриваются возникающие у предпринимателей района вопросы, связанные с арендой объектов недвижимости и земельных участков, присоединению дополнительных мощностей и др. Кроме того, на территории Тюменцевского района ежегодно проводятся мероприятия в связи с празднованием Дня российского предпринимательства; представители малого и среднего бизнеса участвуют и в краевых конкурсах, ярмарках, выставках. Для формирования позитивного общественного

мнения о предпринимательстве и пропаганды его социальной значимости ежегодно организуется конкурс «Лучший предприниматель района».

В корона-кризисных условиях 2020 г. для снижения напряженности на рынке труда и организации работы по содействию самозанятости безработных граждан в районе работала комиссия по выполнению мероприятий государственной программы «Содействие занятости населения 2015–2020 гг.». На заседаниях комиссии рассматривались бизнес-планы, представленные безработными жителями района, которые хотели открыть свой бизнес или легализовать его.

Экспертная оценка развития и поддержки малого и среднего бизнеса по результатам опроса предпринимателей района. Экспертами выступили представители малого бизнеса практически всех секторов его экономики. Около трети опрошенных предпринимателей занято в сфере торговли (владельцы магазинов продовольственных, одежды и обуви, мебельного, строительного, канцелярских товаров, товаров для сада и огорода), более четверти — в сфере услуг (парикмахерская, мастерские — швейная и по ремонту обуви, стоматологический кабинет, аптечный киоск, предприятия, оказывающие услуги по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта, ритуальные, транспортные). Экспертами стали также представители сферы общественного питания (кафе, столовая и пекарни), сельского хозяйства (животноводы), строительства (мастерская по изготовлению мебели, ремонту крыш, фасадов, окон и дверей и т. д.).

Все респонденты — индивидуальные предприниматели, за исключением одного руководителя ООО. Все опрошенные нами предприниматели представляют микропредприятия: численность штатных сотрудников, как правило, не более пяти, лишь в четырех организациях розничной торговли и общественного питания, ритуальных услуг занято до десяти человек.

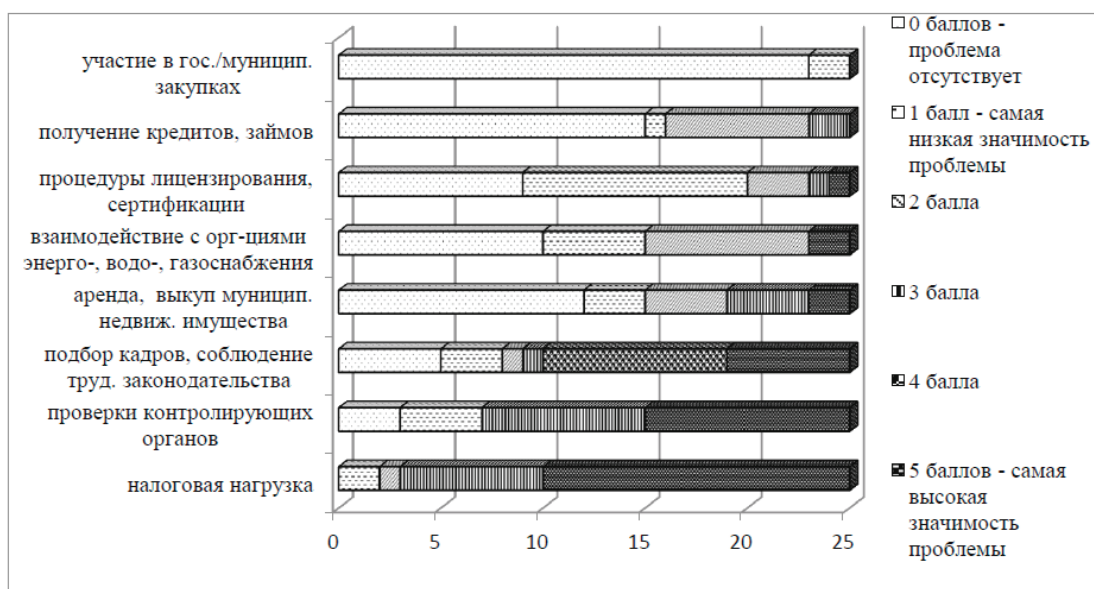
О хорошем экспертном потенциале опрошенных представителей малого бизнеса свидетельствует то, что новичков предпринимательской деятельности (с опытом менее полугода) среди них не оказалось: более половины имеют значительный опыт ведения бизнеса (более пяти лет), около четверти осуществляют свою деятельность 3–5 лет и столько же остальные — 1–3 года. Три четверти экспертов проживают и работают в районном центре, остальные — в шести небольших населенных пунктах. Все участники анкетирования относятся к среднему и старшему трудоспособному возрасту, причем возраст почти половины предпринимателей находится в узком диапазоне — 45–49 лет. Две трети респондентов — мужчины.

Эксперты сравнительно низко оценили динамику малого бизнеса в районе. Лишь каждый пятый дал положительную оценку, это представители торговли, бытовых и транспортных услуг (владельцы аптеки, магазина канцелярских товаров, парикмахерской, такси), тогда как каждый третий — отрицательную. Остальные говорили либо об отсутствии каких-то сдвигов в развитии малого бизнеса, либо о значительных колебаниях в его развитии, явно выраженной неустойчивости.

Среди проблем, возникших на этапе организации собственного бизнеса, большинство респондентов выделили в первую очередь финансовые трудности, связанные с недостатком стартового капитала, и высокую конкуренцию в данном рыночном сегменте. Около половины предпринима-

телей испытывали дефицит квалифицированных кадров как проявление значительного дисбаланса спроса и предложения на сельском рынке труда. Также предпринимателями отмечались нехватка знаний законодательства, проблемы прохождения процедур государственной регистрации (каждый пятый в обоих случаях). Не возникло проблем при организации собственного дела лишь у двух из 25 респондентов.

По оценкам предпринимателей района институциональными барьерами, препятствующими ведению их бизнеса, его дальнейшему развитию в первую очередь является высокая фискальная нагрузка (большой объем налоговых платежей, страховых взносов): почти две трети опрошенных поставили наивысший балл значимости данной проблемы (см. рис.).

Оценка предпринимателями Тюменцевского района Алтайского края значимости институциональных барьеров ведения собственного бизнеса, баллов (по результатам опроса в марте-апреле 2020 г.)

Неудовлетворенность среди сельских предпринимателей формирует частое изменение налогового законодательства и большой объем налоговой отчетности. Как следствие, вызовом становится нехватка их знаний в области налогового законодательства. Между тем почти три четверти опрошенных сельских предпринимателей использовали на момент опроса упрощенную систему налогообложения. На втором месте — единый налог на вмененный доход, его использовало 10 из 25 респондентов. И один предприниматель, оказывающий услуги по пошиву одежды, применил патентную систему налогообложения (ПСН).

Традиционно существенно беспокоят предпринимательское сообщество района также проверки контролирующих органов: 10 представителей ма-

лого бизнеса выделили данную проблему как наиболее значительную, хотя были и те, для кого эта проблема малозначима либо даже отсутствует. Наиболее часто проверяют деятельность предпринимателей, по их мнению, налоговые органы, Роспотребнадзор и прокуратура, реже — органы пожарного надзора.

Более поляризованным оказалось распределение мнений предпринимателей о важности проблем подбора кадров и соблюдения требований трудового законодательства. Для двух третей респондентов эти проблемы создают высокие барьеры, но для почти трети они незначительны. Подавляющее большинство опрошенных представителей малого бизнеса заключают трудовые договоры со своими работниками, редко — гражданско-

правовые договоры, лишь один предприниматель использует устные формы договоренности («не оформляю работников официально»). Ключевыми проблемами в работе с кадрами подавляющее большинство предпринимателей назвали нехватку финансовых средств для выплаты заработной платы, высокий размер взносов по обязательному страхованию и дефицит квалифицированных кадров. Отмечались также проблемы оформления «кадровой» документации и другие требования соблюдения трудового законодательства.

Следующую группу со значительно меньшим весом представляют институциональные барьеры развития бизнеса, связанные с проблемами оформления аренды или выкупа муниципального недвижимого имущества (отсутствие открытой информации о наличии свободных земельных участков и иного недвижимого имущества, длительное оформление документов на их аренду, выкуп), взаимодействия с организациями, оказывающими услуги энерго-, водо- и газоснабжения, а также проблемы прохождения разрешительных процедур по лицензированию, сертификации товаров и услуг. В этих случаях подавляющее большинство предпринимателей уже говорят о малой значимости или отсутствии таких проблем, хотя встречаются и единичные противоположные, крайне негативные оценки.

И, наконец, самыми низкими институциональными барьерами для опрошенных предпринимателей района являются проблемы получения кредитов и займов. Практически отсутствуют для респондентов проблемы участия в государственных, муниципальных закупках.

По оценкам предпринимателей района, в целом институциональная среда для ведения собственного бизнеса в последнее время заметно ухудшилась. Респонденты чаще говорили об ухудшении ситуации с налоговой нагрузкой, проверками, подбором кадров и соблюдением требований трудового законодательства, а также в сфере взаимодействия с организациями, оказывающими коммунальные услуги (энерго-, водо- и газоснабжения). В редких случаях отмечалось и увеличение продолжительности оформления прав аренды, выкупа муниципального недвижимого имущества.

Высока, по мнению представителей малого бизнеса, конкурентная среда. Подавляющее большинство респондентов (22 из 25) оценили конкуренцию как высокую (4 и 5 баллов по пятибалльной шкале). Это прежде всего касается рынков розничной торговли и общественного питания, фармацевтических, парикмахерских, ритуальных и транспортных услуг. Так, представители местного торгового бизнеса жаловались на то, что в районе сложилась сильная конкуренция с крупными тор-

говыми сетями (такими, как «Аникс», «Мария-Ра», «Холди», «Стройбат»), с которыми они не могут конкурировать «на равных». Особенно сложно приходится торговым предпринимателям из небольших сел, поскольку их жители «в местных магазинах зачастую покупают лишь товары первой необходимости и главным образом в тех случаях, когда нет возможности доехать до райцентра» (из-за погодных условий, распутицы).

По результатам опроса сельских предпринимателей Тюменцевского района выявлена их низкая информированность о практиках государственной и муниципальной поддержки, реализуемых в районе. Более половины респондентов на момент опроса ничего не знали о каких-либо государственных и муниципальных программах, мерах поддержки и развития предпринимательства в районе, несмотря на то, что на сайте его администрации размещена необходимая информация. О реализации в районе муниципальной программы поддержки и развития малого и среднего предпринимательства и об основных направлениях муниципальной поддержки были осведомлены менее половины опрошенных представителей малого бизнеса. Подавляющее большинство субъектов бизнеса (20 из 25 респондентов) не получали необходимую информацию от органов местного самоуправления об изменениях в законодательстве. Менее трети респондентов были знакомы с перечнем муниципального имущества, предназначенного для передачи в пользование субъектам малого и среднего предпринимательства Тюменцевского района. Наибольшую же информированность о практиках поддержки МСП, реализуемых в районе, опрошенные предприниматели подтвердили лишь в отношении деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Алтайском крае (22 из 25).

Незнание предоставляемых практик поддержки органами государственной и местной власти, по мнению 3/4 опрошенных предпринимателей, связано с низкой доступностью информации. Способствовать информированности о таких практиках поддержки можно, по мнению большинства участников опроса, прежде всего с помощью СМИ, «круглых столов» по данной тематике с участием государственных и муниципальных органов управления и бизнеса, а также путем размещения информации в социальных сетях, информационных брошюрах. Как оказалось, менее популярным вариантом является размещение информации на сайтах органов государственной власти и местного самоуправления.

Оценивая значимость отдельных практик муниципальной поддержки для развития собственного бизнеса, почти три четверти опрошенных предпринимателей отметили в первую очередь ну-

ждаемость в субсидировании, получении доступных займов («*банки предоставляют дорогие займы и с гарантированным обеспечением*») и других формах финансовой поддержки. Более половины дали высокую оценку значимости консультативной и информационной поддержки. И около трети предпринимателей высказались за необходимость поддержки в форме льготной аренды либо выкупа муниципального имущества.

Вместе с тем почти две трети опрошенных предпринимателей района не обращались за получением государственной и муниципальной поддержки. Среди тех десяти предпринимателей, кто обращался за поддержкой в администрацию Тюменцевского района, районный центр занятости, Министерство сельского хозяйства Алтайского края и другие структуры (например, по поводу получения субсидии на открытие малого бизнеса, хостелов и участия в торгах на объект недвижимости), лишь у троих не возникло никаких проблем. Остальные обратившиеся за поддержкой встретились с такими трудностями, как нехватка информации о порядке получения поддержки, длительные сроки ее получения и значительный объем требуемых документов.

Опрошенные предприниматели в целом невысоко оценили эффективность различных практик государственной и муниципальной поддержки МСП, в том числе реализуемых в рамках рассматриваемой муниципальной программы. Так, местную консультативную поддержку признал эффективной каждый четвертый респондент, информационную поддержку — каждый пятый (остальные считают эти практики поддержки неэффективными либо, по их мнению, они вообще отсутствуют). Большинство опрошенных участвует в семинарах и совещаниях представителей МСП с участием контролирующих организаций, но каждый четвертый ничего не знает о таких мероприятиях. Услугами действующего в районе информационно-консультационного центра удовлетворены лишь трое опрошенных предпринимателей, десять — остались не удовлетворенными, а остальные респонденты такими услугами еще не пользовались.

Финансовую поддержку оценили как эффективную только четверо предпринимателей, столько же получено ответов о ее неэффективности (остальные посчитали, что данный вид поддержки отсутствует). Среди примеров получения финансовой поддержки предприниматели отмечали следующие. Индивидуальные предприниматели, занятые в сфере сельского хозяйства, оказания медицинских (стоматология) и бытовых услуг (пошив и ремонт одежды), обращались до опроса в Центр занятости населения Тюменцевского района за субсидией на открытие малого бизнеса;

и каждому обратившемуся предпринимателю была оказана единовременная финансовая поддержка в размере 58800 рублей. Предприниматели в сфере общественного питания и торговли (магазин стройматериалов) получили финансовую поддержку от Алтайского фонда микрозаймов на сумму, равную 1500 тыс. и 600 тыс. рублей соответственно. Самые низкие оценки эффективности получили практики имущественной поддержки (лишь два положительных ответа). Об относительно низкой эффективности разных практик поддержки сельского предпринимательства говорит и то, что более половины опрошенных не пользовались услугами «МФЦ для бизнеса», а каждый пятый респондент остался недоволен качеством оказанных услуг. Сравнительно низок уровень участия опрошенных в конкурсе на лучшего предпринимателя района, лишь четверо имеют опыт такого участия, а каждый пятый впервые узнал о таком конкурсе из социологической анкеты (во время проведения опроса).

Тем не менее почти две трети опрошенных предпринимателей оценили практики поддержки бизнеса, реализуемые в Тюменцевском районе, в целом как удовлетворительные, хотя при этом о деятельности районной администрации в этой сфере положительно отозвался лишь каждый пятый респондент.

Заключение. Итак, анализ муниципальных практик развития и поддержки сельского малого и среднего предпринимательства, рассмотренных на примере Тюменцевского района Алтайского края, показал следующее.

1. Несмотря на небольшие институциональные, инфраструктурные и финансово-экономические возможности районной администрации по поддержке местных предпринимателей, в районе реализуются практики, в той или иной степени способствующие развитию МСП.

Вместе с тем результаты реализации муниципальной программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Тюменцевском районе» в 2015–2019 гг. показали, что целевые показатели, планы финансирования и мероприятий либо не были выполнены, либо был получен их низкий эффект. Планирование целевых показателей и финансовой обеспеченности программы, прямо скажем, далеко от совершенства и слабо сопряжено с реальной ситуацией, что, как нам представляется, отражает общую картину качества планирования в сельских муниципалитетах. В частности, масштабы невыполнения плана целевых показателей слабо коррелируют с реальными практиками поддержки.

Для улучшения качества планирования при разработке и реализации муниципальных программ поддержки субъектов МСП в сельских районах можно, на наш взгляд, ввести следующую

практику: рекомендовать предпринимателям фиксировать на сайте районной администрации свои планы на следующий год по объему производства, инвестиций, численности основных (штатных) и сезонных работников. Эта информация позволит более точно прогнозировать будущие изменения в деятельности предпринимателей.

2. По результатам опроса сельских предпринимателей выявлены высокие институциональные барьеры и степень конкурентной среды при низком уровне самоорганизации малого бизнеса, недостаточный эффект информационной и консультационной поддержки и ряд других проблем, решение которых требует комплексного подхода. Не перечисляя всех необходимых мер, отметим, что для дальнейшего развития более доступных, менее финансово затратных для сельского муниципалитета форм поддержки МСП представляется необходимым активное использование различных дистанционных практик, таких как онлайн-учеба для желающих открыть свой бизнес, а для действующих предпринимателей онлайн-консультации — по оформлению отчетных документов,

документов по получению государственной и муниципальной поддержки и других, информирование о предстоящих мероприятиях по развитию и поддержке предпринимателей, в том числе проводимых на конкурсной основе.

Кроме того, целесообразны более эффективные меры по государственному и муниципальному стимулированию самоорганизации, кооперации и иных интеграционных связей субъектов малого и среднего предпринимательства не только в границах района, но и Алтайского края в целом, а также за его пределами, что будет способствовать укреплению их выигранных позиций в условиях конкуренции с крупными бизнес-структурами (агрохолдингами, торговыми организациями и др.), в том числе благодаря выявлению собственных уникальных «ниш», производству уникальных продуктов, услуг. Эффективной практикой развития экономического потенциала сельских МСП может также стать использование механизма муниципально-частного партнерства для реализации значимых проектов с привлечением государственных инвестиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виленский А. В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 46–57. DOI: 10.24411/2073–6487–2020–10041.
2. Виленский А. В., Лылова О. В. Трансформация целей и задач государственных программ и проектов поддержки и развития малого и среднего предпринимательства России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 5. С. 43–57. DOI: 10.24411/2071–6435–2018–10045.
3. Галиева М. Ш. Анализ программ поддержки малого и среднего предпринимательства в регионах России // Вектор экономики. 2017. № 6. 22 с.
4. Гриценко Г. М., Вернигор Н. Ф., Миненко А. В., Апалькова О. П. Роль инфраструктуры государственной поддержки в развитии малого сельского предпринимательства Алтайского края // АПК: экономика, управление. 2018. № 11. С. 58–67.
5. Загоруйко Д. Л. Региональная поддержка малого предпринимательства в России: успешные практики // Вестник Академии знаний. 2020. № 36 (1). С. 87–93.
6. Макарова М. В. Направления государственной политики поддержки малых и средних предприятий России // Финансы и управление. 2019. № 2. С. 105–117. DOI: 10.25136/2409–7802.2019.2.25750.
7. Пелькова С. В., Кольцова Т. А. Действующая система государственной поддержки малого предпринимательства в Тюменской области // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. Т. 82. № 1 (83). С. 340–349. DOI: 10.20914/2310–1202–2020–1–340–349.
8. Бедность сельского населения России: генезис, пути преодоления, прогноз. Никоновские чтения: материалы XXV междунар. науч.-практ. конф. № 25. М., 2020. 344 с.
9. Поддержка МСП в контексте COVID-19. Департамент международного и регионального сотрудничества Счетной палаты РФ. М., 2020. 39 с. <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-SME.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).
10. Douwe van der Ploeg J., Jingzhong Y., Schneider S. Rural development through the construction of new, nested, markets: comparative perspectives from China, Brazil and the European Union // Journal of Peasant Studies. 2012. 39 (1). Pp. 133–173. DOI: 10.1080/03066150.2011.652619.
11. Kulunda: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use / Editors: M. Fruhauf, G. Guggenberger, T. Meinel, I. Theesfeld, S. Lentz. Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2020. 522 p. DOI: 10.1007/978–3–030–15927–6.

12. Improving Safety and Health in Micro-, Small and Medium-Sized Enterprises: An overview of initiatives and delivery mechanisms International Labour Office. International Labour Organization. 2020. 143 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_dialogue/-lab_admin/documents/publication/wcms_740304.pdf/ (дата обращения: 20.03.2021).

13. Ruchkina G., Melnichuk M., Frumina S., Mentel G. Small and medium enterprises in regional development and innovations // Journal of International Studies. 2017. No 10 (4). Pp. 259–271. DOI:10.14254/2071–8330.2017/10–4/20.

14. Андреева О. В., Суховеева А. А., Попова Г. В. Развитие инструментов муниципальной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Финансовая экономика. 2019. № 11. С. 317–320.

15. Соколова Н. С., Борисова Н. М. Совершенствование поддержки малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне // Постулат. 2018. № 4. 6 с.

REFERENCES

1. Vilenskij A. V. Russian small and medium-sized enterprises at the beginning of the coronavirus crisis: federal and regional aspects // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No 4. Pp. 46–57. DOI: 10.24411/2073–6487–2020–10041.

2. Vilenskij A. V., Ly`lova O. V. Transformation of goals and objectives of state programs and projects for the support and development of small and medium-sized businesses in Russia // ETAP: economic theory, analysis, practice. 2018. No 5. Pp. 43–57. DOI: 10.24411/2071–6435–2018–10045.

3. Galieva M. Sh. Analysis of programs to support small and medium-sized businesses in the regions of Russia // The vector of the economy. 2017. No 6. 22 p.

4. Gricenko G. M., Vernigor N. F., Minenko A. V., Apal`kova O. P. The role of state support infrastructure in the development of small rural entrepreneurship in the Altai Territory // Agro-industrial complex: economy, management. 2018. No 11. Pp. 58–67.

5. Zagorujko D. L. Regional support of small business in Russia: successful practices // The Bulletin of the Academy of Knowledge. 2020. No 36 (1). Pp. 87–93.

6. Makarova M. V. Directions of state policy of support for small and medium-sized enterprises in Russia // Finance and Management. 2019. No 2. Pp. 105–117. DOI: 10.25136/2409–7802.2019.2.25750.

7. Pel`kova S. V., Kol`czova T. A. The current system of state support for small businesses in the Tyumen region // The Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2020. T. 82. No 1 (83). Pp. 340–349. DOI: 10.20914/2310–1202–2020–1–340–349.

8. Rural poverty in Russia: genesis, ways to overcome, forecast. Nikon readings. No 25. Moscow, 2020. 344 p.

9. Support for SMEs in the context of COVID-19. Department of International and Regional Cooperation of the Accounting Chamber of the Russian Federation. Moscow, 2020. 39 p. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-SME.pdf> (date of access: 20.03.2021).

10. Douwe van der Ploeg J., Jingzhong Y., Schneider S. Rural development through the construction of new, nested, markets: comparative perspectives from China, Brazil and the European Union // Journal of Peasant Studies. 2012. No 39 (1). Pp. 133–173. DOI: 10.1080/03066150.2011.652619

11. Fruhauf M., Guggenberger G., Meinel T., Theesfeld I., Lentz S. (Eds.). Kulunda: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use. Cham, Switzerland (Springer Nature Switzerland AG), 2020. 522 p. DOI: 10.1007/978–3–030–15927–6.

12. Improving Safety and Health in Micro-, Small and Medium-Sized Enterprises: An overview of initiatives and delivery mechanisms International Labour Office. International Labour Organization. 2020. 143 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_dialogue/-lab_admin/documents/publication/wcms_740304.pdf/ (date of access: 20.03.2021).

13. Ruchkina G., Melnichuk M., Frumina S., Mentel G. Small and medium enterprises in regional development and innovations // Journal of International Studies. 2017. 10 (4). Pp. 259–271. DOI:10.14254/2071–8330.2017/10–4/20

14. Andreeva O. V., Suxoveeva A. A., Popova G. V. Development of tools for municipal support of small and medium-sized businesses // Financial Economics. 2019. No 11. Pp. 317–320.

15. Sokolova N. S., Borisova N. M. Improving support for small and medium-sized businesses at the municipal level // Postulate. 2018. No 4. 6 p.

Поступила в редакцию: 22.03.2021.

Принята к печати: 20.04.2021.

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ: ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ НИВЕЛИРОВАНИЯ¹

А. Я. Троцковский^{1,2}, Е. Н. Сабына¹

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

Пандемия коронавирусной инфекции оказывает влияние не только на заболеваемость и смертность от инфекционных заболеваний, но и на рост безработицы и падение доходов, а также на все сферы жизни вследствие режима самоизоляции и карантинных мероприятий.

Во многих аналитических материалах представлен анализ состояния экономической сферы в нашей стране, но вместе с тем очень мало публикаций, которые касались бы социально-экономического положения региональной экономики. Пандемия прямо или косвенно оказала влияние на все организации, но особенно пострадали туризм, гостиничное дело, фармацевтика, перевозка пассажиров, общественное питание, спорт и культура.

Сложившаяся ситуация потребовала от органов государственной власти и местного самоуправления значительных организационных и финансовых ресурсов, направленных на минимизацию потерь в экономике: поддержка малого и среднего бизнеса, населения, а также организация работы испытывающих повышенную нагрузку медицинских учреждений в части перепрофилирования коечного фонда, оснащения стационаров дополнительным оборудованием, расходными материалами. Авторами проанализированы основные меры, принимаемые как федеральными, так и региональными властями для поддержания предпринимательской активности и населения в текущей ситуации в Алтайском крае. В статье даны рекомендации, направленные на минимизацию последствий COVID-19.

Ключевые слова: коронавирус COVID-19, экономические последствия, региональное развитие, социально-экономическое бремя заболевания.

ALTAI TERRITORY: CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC AND DIRECTIONS FOR THEIR LEVELING

A. Ya. Trotskovskiy^{1,2}, E. N. Sabyna¹

¹Altay State University (Barnaul, Russia)

²Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

The coronavirus pandemic has an impact not only on the morbidity and mortality from infectious diseases, but also on an increase in unemployment and drop in income, as well as on all areas of life as result of self-isolation and quarantine measures.

Many analytical materials provide an analysis of the state of the economic sphere in our country, but, at the same time, there are very few publications that would relate to the socio-economic situation of the regional economy. The pandemic has impacted all organizations directly or indirectly, but tourism, hospitality, pharmaceuticals, passenger transportation, catering, sports and culture are particularly affected.

The current situation demanded from the state authorities and local self-government significant organizational and financial resources associated with both minimizing losses in the economy: supporting small and medium-sized businesses, the population, and organizing the work of medical institutions experiencing an increased load in terms of re-profiling beds, equipping hospitals with additional equipment, consumables. The authors analyzed the main measures taken by both federal and regional authorities to maintain entrepreneurial activity

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири» (0260-2021-0005).

and the population in the current situation in the Altai Territory. The article provides recommendations aimed at minimizing the consequences of COVID-19.

Keywords: coronavirus COVID-19, economic impact, regional development, socio-economic burden of disease.

Введение. По состоянию на 14 марта 2021 г. с начала пандемии новой коронавирусной инфекции общее количество заболевших составило в Алтайском крае 45242 чел., в том числе 3094 детей до 17 лет. Выздоровели 10437, летальный исход от новой коронавирусной инфекции зафиксирован у 1647 человек. По данным коммуникационного Центра Правительства Российской Федерации, Алтайский край не относится к регионам с наибольшим числом заболеваний, занимает 21-е место по количеству зараженных среди всех регионов Российской Федерации. Стоит отметить, в октябре 2020 г. ситуация была иная. С 5 февраля 2021 г. происходит постоянное снижение выявленных случаев заражения. Но количество умерших не сокращается и остается на уровне 10–13 человек в день [1, 2].

В числе центральных проблем, которые встали в процессе борьбы с коронавирусом, по признанию Губернатора Алтайского края В. П. Томенко, — обеспечение оперативности оказания медицинской помощи. Она многогранна: многочасовые задержки при вызове скорой помощи, нехватка врачей, а также финансовых средств на выплаты сотрудникам стационарных социальных учреждений за работу в условиях карантина, отсутствие в должном количестве лабораторий и тест-систем и т. д. [3].

Вместе с тем пандемия коронавируса вскрыла реальные масштабы существующих явных проблем системы здравоохранения, в целом проводимой в России ее реформы, а также выявила их скрытые формы. Во-первых, это недостаточная обеспеченность населения медицинскими организациями и врачами многих специальностей (хирургов, акушеров-гинекологов, анестезиологов-реаниматологов, инфекционистов, рентгенологов и других). Укомплектованность врачами (физическими лицами) по таким специальностям составляла в июле 2020 г. не более 55%. Разреженность сети медицинских организаций в сельских районах края связана с закрытием поликлиник и больниц, фельдшерско-акушерских пунктов. Во-вторых, в резкой форме проявилась проблема подготовки квалифицированных медицинских работников и оказания им социальной поддержки на этапе обучения.

Особо следует сказать о таком важном показателе, как наличие свободного коечного фонда: всего ковидных коек — 2366, резервных — 523 (22%).

Конечно, указанное количество резервных коек в крае не отражает реально остроты проблемы, поскольку не учитывает территориальный фактор. Наиболее остро необходимость в коечном фонде ощущается, прежде всего, в крупных городах — Барнауле, Бийске, Рубцовске. На новую коронавирусную инфекцию обследовано 1252358 человек, привито 72670, из них 41280 — полностью вакцинированы (данные на 14 марта 2021 г.)

Органами государственной власти Алтайского края были приняты меры по предотвращению распространения коронавирусной инфекции еще до первого случая заболевания. В связи с угрозой ее распространения с 18 марта 2020 г. в регионе был введен режим повышенной готовности, при этом первый заболевший был официально зарегистрирован 29 марта. 31 марта 2020 г. был подписан Указ Губернатора № 44 «Об отдельных мерах по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19», в который впоследствии, с учетом изменения эпидемиологической обстановки, неоднократно вносились изменения [4].

Регион получил значительные ресурсы из федерального центра на борьбу с коронавирусной инфекцией: на выплаты медикам, работающим с COVID-19, работникам соцучреждений за особые условия труда в карантине, на перепрофилирование коек, приобретение оборудования, средств индивидуальной защиты, лекарств (в том числе для лечения больных в амбулаторных условиях). Кроме того, регион получил от Правительства Москвы комплекты средств индивидуальной защиты на 1 млрд 300 млн рублей.

В период прохождения «второй волны» 26 октября 2020 г. для снижения нагрузки на систему здравоохранения было вновь временно приостановлено проведение плановой госпитализации пациентов, за исключением отдельных случаев, ограничена плановая медицинская помощь в амбулаторно-поликлиническом звене.

Для снижения остроты кадровой проблемы в здравоохранении для оказания помощи были привлечены около 1200 студентов учебных заведений медицинского профиля.

Исследование. Влияние коронавирусной инфекции на социально-экономическое развитие края. В силу воздействия множества факто-

ров на развитие региональной экономики и социальной сферы выделить в «чистом виде» влияние одного из них (COVID-19) не представляется возможным.

Бесспорно, коронавирусная инфекция оказала заметное негативное влияние на развитие края (табл. 1). Снизились темпы развития отраслей материальной сферы; из 33 наблюдаемых статистической видов экономической деятельности, относящихся к материальной сфере, в 18 произошло снижение оборота.

Индекс промышленного производства составил за январь-декабрь 2020 г. 99,9% (в 2019 г. — 101,9%). Особое значение для экономики края имеют обрабатывающие производства, где индекс производства равен 100,1% (в 2019 г. — 102,6%). Ситуация заметно различается в зависимости от вида обрабатывающих производств. В целом из 23 видов уменьшение индекса производства произошло в 12, в том числе производства одежды, мебели, текстильных изделий, лекарственных средств, ремонт и монтаж машин и др. [5]

Таблица 1

Основные экономические показатели Алтайского края (2018–2020 гг.)

Наименование показателей	Январь-декабрь 2018 г., % к январю-декабрю 2017 г.	Январь-декабрь 2019 г., % к январю-декабрю 2018 г.	Январь-декабрь 2020 г., % к январю-декабрю 2019 г.
Индекс промышленного производства	100,5	101,9	99,1
Продукция сельского хозяйства	103,3	99,6	96,3
Ввод в действие жилых домов ¹	124,8	96,3	105,1
Оборот розничной торговли	101,3	101,0	92,0
Оборот оптовой торговли	106,5	100,9	80,1
Оборот общественного питания	*	100,1	78,8
Объем платных услуг населению	102,0	100,9	92,9
Перевозки пассажиров	*	95,8	70,9
Среднемесячная реальная начисленная заработная плата	109,3	104,8	103,6
Индекс потребительских цен	104,1	103,3	100,4
Численность официально зарегистрированных безработных	93	98,2	В 2,1 раза

*нет данных.

¹без учета жилых домов, построенных на земельных участках, предназначенных для ведения гражданами садоводства.

Объем продукции сельского хозяйства всех ее товаропроизводителей в январе-декабре 2020 г. по данным Алтайкрайстата составил 143,3 млрд руб., или 96,3% к соответствующему периоду 2019 г.

Индекс производства продукции сельского хозяйства в организациях составил 97,9%, хозяйствах населения — 96,6%, крестьянских (фермерских) хозяйствах и индивидуальных предпринимателей — 91,2% [6].

Строительные организации, судя по итогам их работы в январе-декабре 2020 г., нельзя отнести к наиболее пострадавшим. Объем работ по сравнению с предыдущим годом вырос на 11,9% (в 2019 г. по сравнению с 2018 г. — на 2,5%). В январе-декабре 2020 г. на территории края с учетом домов, возведенных на земельных участках, предназначенных для ведения садоводства, построены 12176 квартир. Всего введено в действие жилых домов на 5,1% больше, чем за аналогичный период 2019 г.

Судить о влиянии пандемии на строительную отрасль, в том числе на ввод жилых домов можно будет только спустя 2–3 года. Одной из отраслей, испытавших на себе сильное негативное влияние пандемии, является транспорт. В первую очередь это коснулось пассажирских перевозок. В январе-декабре 2020 г. объем перевозок пассажиров автомобильным транспортом по автобусным маршрутам общего пользования (без учета перевозки пассажиров по заказам, туристско-экскурсионным маршрутам на коммерческой основе и легковыми такси) уменьшился по сравнению с 2019 г. на 29,1%, пассажирооборот — на 32,2%.

Заметный тормозящий эффект пандемии коронавирусной инфекции был зафиксирован в отраслях и видах деятельности на рынке товаров и услуг. Оборот розничной торговли в январе-декабре 2020 г. был в товарной массе на 8% меньше, чем в январе-декабре 2019 г., в том числе торговли пищевыми продуктами, непродовольственными

ми товарами меньше на 5,6%. Более существенно неблагоприятная эпидситуация сказалась на состоянии общественного питания, где потери оборота за двенадцать месяцев 2020 г. по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. составили 12,2%. Наибольшие потери по сравнению с организациями торговли и общепита понесли организации оптовой торговли. Ее оборот за январь-декабрь 2020 г. достиг 498,2 млрд руб., что на 18,8% меньше, чем за январь-декабрь 2019 г. (в сопоставимых ценах). Состояние рынка платных услуг населению в Алтайском крае в январе-декабре 2020 г. характеризовалось аналогичными тенденциями: сокращение к соответствующему 2019 г. на 7,1%.

Отметим, что сокращение объема платных услуг коснулось практически всех из них, кроме почтовой связи и курьерских. В числе наиболее пострадавших оказались организации, предоставлявшие услуги учреждений культуры, туристические агентства, туроператоры, транспортные, санатории и курорты, организации физической культуры и спорта, где объем услуг сократился более чем на четверть. Из 12 отслеживаемых органами статистики видов бытовых услуг снижение объема было характерно для всех видов деятельности. Объем бытовых услуг в 2020 г. по сравнению с 2019 г. составил 94,8%. Организации, предоставляющие услуги по изготовлению и ремонту мебели, снизили объемы работ на 22,4%, бань и душевых — на 24,5%, прачечных и химчисток — на 19,6%, по ремонту, окраске и пошиву обуви — на 17,3%.

Серьезная ситуация наблюдается на рынке труда края. В течение всего 2020 г. шел процесс роста безработицы. На конец декабря 2020 г., по данным Управления Алтайского края по труду и занятости населения, численность граждан, не занятых трудовой деятельностью, составила 37,4 тыс. человек. Численность официально зарегистрированных безработных — 36,0 тыс. человек, из них пособие по безработице получали 25,7 тыс., или 71,5%. Численность безработных граждан увеличилась по сравнению с декабрем 2019 г. на 18,9 тыс. человек, или в 2,1 раза. Уменьшилась потребность работодателей в работниках, заявленная в государственные учреждения службы занятости, на 11,3%.

Большинство организаций Алтайского края, отреагировав на ухудшение экономической конъюнктуры, не пошли по пути сокращения работников, а снизили фонд оплаты труда, отправив сотрудников в отпуск за свой счет, либо перешли на неполный рабочий день. Тем не менее ситуация на рынке труда Алтайского края обострилась: нагрузка не занятого трудовой деятельностью населения, зарегистрированного в государственных учреждениях службы занятости, в расчете на 100 заявленных вакансий составила в декабре 2020 г. 175,4 чел., увеличилась в 1,6 раза.

Для получения сравнительной информации нами было проведено исследование последствий влияния коронавирусной инфекции на экономическое положение не только Алтайского края, но и других регионов Юга Сибири [7, 8, 9, 10].

Таблица 2

Основные экономические показатели регионов Юга Сибири (2020 г. в% 2019 г.)

Наименование показателей	Кемеровская область	Бурятия	Хакасия	Республика Алтай	Забайкальский край	Тыва ¹
Индекс промышленного производства	96	107,4	103,1	121,4	97,6	61,7
Производство сельского хозяйства	106,6	100	101,1	95,9	99	102
Ввод в действие жилых домов	*	102,8	116	89,5	78,7	83,8
Оборот розничной торговли	97,7	98,3	99,6	96,6	96,1	91,6
Оборот оптовой торговли	*	95	*	*		108,6
Оборот общественного питания	*	82,4	*	*	83,6	71,4
Объем платных услуг населению	87,3	89,4	93,9	93,9	89,6	86,2
Перевозки пассажиров	*	-37,1	*	*		81,3
Среднемесячная реальная начисленная заработная плата	99,6	99,4 ²	103,5	105,4	102,7	106,1 ³
Индекс потребительских цен	103,3	106		104,2 ⁴	105,3 ⁴	103,8
Численность официально зарегистрированных безработных	в 1,5 р.	в 7,1 в.		в 5,3 р.	в 5 р.	в 4,5 р

*Отсутствуют данные за 2020.

¹ январь-ноябрь 2020 к январю-ноябрю 2019.

⁴ декабрь 2020 к декабрю 2019.

² ноябрь 2020 к ноябрю 2019.

³ октябрь 2020 к октябрю 2019.

Как мы видим, пандемия не нанесла в краткосрочном периоде тяжелых последствий на основные сферы экономики соседних регионов. Среди основных факторов мы можем назвать увеличение в разы численности официально зарегистрированных безработных. Объяснение этому мы приводили ранее. Объем промышленного производства и производства сельскохозяйственной продукции пострадали незначительно, так же как и объем платных услуг и оборот розничной торговли.

В вопросах ужесточения или смягчения ограничительных мер региональные власти Алтайского края, как правило, следовали подходам, обозначенных на федеральном уровне. Так, в период так называемой «первой волны» (апрель-май 2020 г.) введенные в Алтайском крае ограничительные меры в основном находились в логике соответствующих указов Президента Российской Федерации и в целом соответствовали практике большинства регионов.

В период с июня до середины сентября прошлого года региональные власти принимали решения, как правило, направленные на постепенное смягчение или отмену ограничительных мер с учетом методических рекомендаций санитарных властей Российской Федерации. 7 июня 2020 г. в регионе был введен так называемый «первый этап» снятия ограничений (отменяются ограничения по выходу граждан из дома, разрешается деятельность организаций всех форм собственности и индивидуальных предпринимателей по видам деятельности, за исключением особо обозначенных: на занятие физической культурой на открытом воздухе, торговлю непродовольственными товарами и др.).

7 августа регион перешел ко «второму этапу» снятия ограничений (открытие детских садов, возврат к оказанию плановой медицинской помощи, разрешение деятельности спортивных объектов и др.). 15 сентября был введен «третий этап», при котором разрешается работа всех организаций, а также проведение мероприятий.

Вместе с тем постепенно в связи с новым этапом роста заболеваемости вновь принимаются решения, направленные на ужесточение ограничительных мер. Так, 30 октября 2020 г. приняты изменения в указы Губернатора Алтайского края № 44 «Об отдельных мерах по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» и № 77 «Об использовании гражданами средств индивидуальной защиты органов дыхания». Они касались ужесточения масочного режима и запретов на проведение зрелищно-развлекательных и досуговых мероприятий в период с 23:00 до 06:00 часов. 12 октября принято реше-

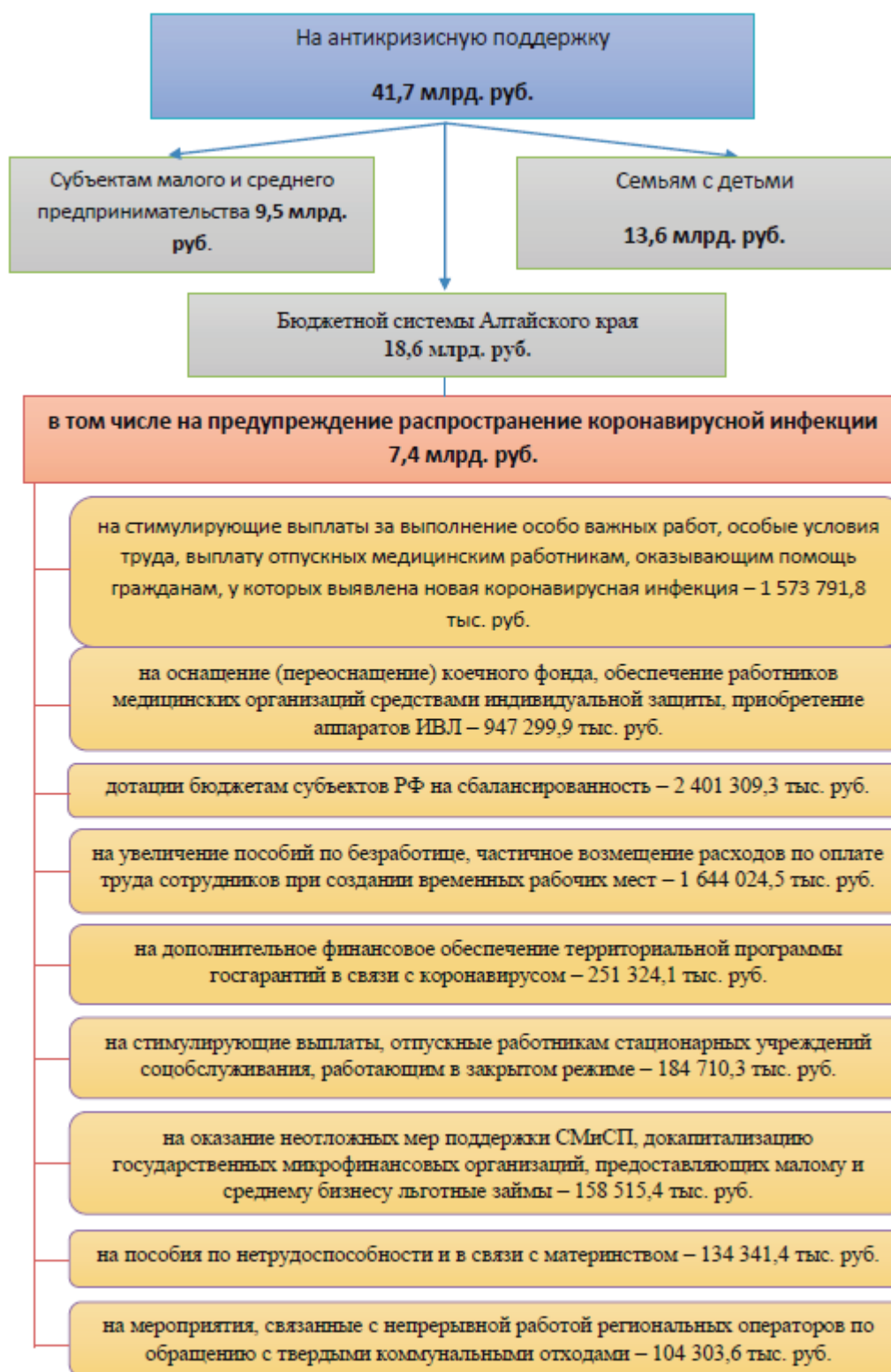
ние о введении «длинных» школьных каникул (с 26 октября по 8 ноября), 6 ноября было принято решение о продлении школьных каникул еще на неделю, с 9 по 16 ноября.

Меры государственной поддержки экономики, занятости и населения. Алтайский край относится к числу регионов, не имеющих достаточных бюджетных средств для борьбы с коронавирусом. Поэтому центральное место этой работы занимают мероприятия и ресурсы федеральных органов власти. В частности, Алтайскому краю, по данным Министерства финансов региона, в рамках антикризисных мероприятий предоставлены средства в объеме 41,7 млрд руб. Меры поддержки, оказываемые субъектам малого и среднего предпринимательства через банковскую систему и Федеральную налоговую службу, составили 9,5 млрд руб. Также в край поступили денежные средства из Пенсионного фонда Российской Федерации на поддержку семей с детьми в сумме 13,6 млрд руб. На поддержку бюджетной системы Алтайского края из федерального бюджета выделено 18,6 млрд рублей, в том числе на предупреждение распространения коронавирусной инфекции — 7,4 млрд руб. (рис.).

Рассмотрим более детально меры государственной поддержки, оказанные как федеральными, так и региональными властями.

Поддержка региональной экономики. Учитывая ограниченность имеющихся ресурсов, администрация края в конце марта 2020 г. сформировала перечень организаций, требующих первоочередной помощи. Очевидно, что критериями отбора организаций послужили не принадлежность к наиболее пострадавшим отраслям, а значимость для социально-экономического развития края, прежде всего, влияние на региональный рынок труда и социальную ситуацию в целом.

На федеральном уровне были созданы условия для поддержки занятости населения и поддержки предпринимательской инициативы. За апрель-май 2020 г. прямые субсидии на заработную плату получили более 14 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства, ведущих бизнес в пострадавших отраслях экономики в общей сумме почти на 1,2 млрд руб. (по состоянию на 31 июля). Более 400 предпринимателей получили беспроцентные кредиты на зарплатные проекты (из расчета 1 МРОТ на 1 работника на 6 месяцев) на сумму более 950 млн руб. (по состоянию на 31 июля 2020 г.). На сумму чуть более 4,8 млрд руб. получили кредиты под 2% на возобновление деятельности (с возможностью списания при сохранении занятости) более 2300 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (по состоянию на 1 августа 2020 г.).

Финансовые меры поддержки Алтайского края в период новой коронавирусной инфекции

Была предоставлена отсрочка на уплату арендных платежей арендаторам государственного или муниципального имущества (15 заявителям). Принято положительное решение об от-

срочке (рассрочке) по уплате налогов и страховых взносов для 41 организации из числа субъектов МСП, стратегических, системообразующих и градообразующих организаций из пострадавших от-

раслей. Кроме того, введены меры по снижению налоговой и кредитной нагрузки как для бизнеса, так и для граждан на период действия ограничительных мер.

Помимо федеральных мер поддержки, в Алтайском крае были предложены меры региональной поддержки, которые направлены на поддержку инвестиционной деятельности, уменьшение административной нагрузки, совершенствование работы региональных институтов развития. В частности, региональными фондами смягчены условия по выдаче займов, решения о субсидировании действующих инвестиционных кредитов, о предоставлении отсрочки по уплате аренды по краевому имуществу.

Были приняты местные законы о переносе сроков уплаты курортного сбора (взимается в городе-курорте Белокуриха), а также о приостановлении взимания курортного сбора до 31 декабря 2020 г. и снижении ставки сбора в 2021–2022 гг. Это позволило снизить как нагрузку на санатории и иные средства размещения в г. Белокурихе, так и стоимость проживания для туристов. Также на законодательном уровне введен новый для Алтайского края налоговый режим для самозанятых.

Были предусмотрены дополнительные меры поддержки туристического сектора края — субсидирование части затрат субъектам туристской индустрии, она предусмотрена за приобретенное с 1 апреля по 30 сентября 2020 г. антибактериального оборудования и дезинфицирующих средств и за проведение соответствующих процедур на объектах проживания и размещения туристов, а также на затраты по оплате электроэнергии и аренды офисов, используемых для оказания услуг по реализации тур-продукта. Объем субсидии может составить до 80% от фактически понесенных затрат.

Вместе с тем в связи с ограниченностью бюджетных ресурсов и высокой дотационностью территории в регионе с осторожностью подходили к введению дополнительных мер государственной поддержки бизнеса за счет средств краевого бюджета. Обсуждение возможности установления дополнительных мер поддержки вызвало широкий резонанс в предпринимательском сообществе и обществе в целом.

В крае также применялись принятые на федеральном уровне меры по поддержке занятости и по социальной поддержке населения.

Работникам, уволенным и признанным безработными после 1 марта текущего года, пособие по безработице в апреле-августе 2020 г. установлено в максимальном размере вне зависимости от их уровня дохода на предыдущем месте — получателями стали 22,6 тыс. человек, объем выплаченных средств составил 777 млн руб. Кроме того, семьям, в которых родители являются безработны-

ми и потеряли работу после 1 марта 2020 г., в апреле-сентябре 2020 г. производились дополнительные ежемесячные выплаты в размере по 3000 руб. на ребенка на общую сумму 162,5 млн руб. (получателями стали 12 тыс. человек на 19,3 тыс. детей). Также в июне-сентябре осуществлены аналогичные выплаты на детей для безработных, потерявших работу до 1 марта 2020 г., на общую сумму 90,9 млн руб. (получателями стали 12,3 тыс. человек на 20,1 тыс. детей).

Поддержка населения. Масштабные меры поддержки оказаны наиболее уязвимой части населения — семьям, имеющих детей. Это и выплаты на детей от 3 до 7 лет по 5 тыс. руб., детям до 3 лет — по 5 тыс. руб. в течение апреля, мая и июня, выплаты по 10 тыс. руб. детям до 16 лет. Наиболее масштабными стали выплаты на детей до 16 лет, на которые было направлено более 8,1 млрд руб. и получателями которых стали более 314 тыс. семей. Выплаты на детей от 3 до 7 лет на общую сумму 4,4 млрд руб. получили 79 тыс. семей с низким доходом.

Более 500 получателям предоставлена отсрочка погашения суммы основного долга и уплаты процентов по ипотечным кредитам (займам), объем высвобожденных средств составил 557 млн руб. Также более 1,1 тыс. человек получили отсрочку по погашению суммы основного долга и уплаты процентов по кредитам (займам).

Значительное влияние на экономику оказало предоставление ипотечных кредитов под 6,5% на приобретение жилья по договорам долевого строительства. По состоянию на начало ноября 2020 г. кредиты получили более 4 тыс. заемщиков, объем выданных кредитных ресурсов составил более 8,1 млрд руб.

Организация работы медицинских учреждений в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Для обеспечения готовности медицинских организаций Алтайского края к оказанию первичной медико-санитарной, скорой и специализированной медицинской помощи при возникновении случаев заболевания коронавирусной инфекцией был принят ряд мер по укомплектованию специалистами медицинских организаций региона. Министерством здравоохранения Алтайского края во исполнение поручения Президента Российской Федерации определен перечень медицинских организаций региона, планируемых к перепрофилированию для оказания медицинской помощи пациентам с COVID-19. На 100% была выполнена нормативная потребность по подключению коек к кислороду.

В связи с распространением COVID-19 на территории края в июле было предусмотрено развертывание 16 медицинских госпиталей, в том числе

семь — в г. Барнауле (три из них — на базе городских больниц, три — на базе специализированных краевых медицинских центров или больниц, а также на базе Федерального центра травматологии, ортопедии и эндопротезирования Министерства здравоохранения Российской Федерации) и по одному-два — в каждом городе края на базе городских или центральных районных больниц.

На 15 июня 2020 г. в крае был создан резерв специалистов, в который вошли 401 врач и 489 средних медицинских работников. В оказании медицинской помощи в этот период были задействованы 280 врачей, 724 средних и 426 младших медицинских работников. Помимо этого, для оказания медицинской помощи пациентам с подтвержденным COVID-19 принимали участие специалисты скорой медицинской помощи (62 врача и 447 средних медицинских работников), а также специалисты, оказывающие первичную медико-санитарную помощь (545 врачей и 1121 человек среднего медицинского персонала). Кроме того, в этот период в медицинские организации края в соответствии с действующими сертификатами были трудоустроены 98 преподавателей на условиях внешнего совместительства и 7 преподавателей по основному месту работы. Был сформирован резерв для трудоустройства из числа профессорско-преподавательского состава, студентов и ординаторов ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет», преподавателей и обучающихся на выпускных курсах в медицинских колледжах. Подготовлен также резерв из специалистов медицинских организаций других ведомств и частных медицинских организаций. Сформированный резерв медицинских кадров позволил более эффективно укомплектовать медицинские организации в соответствии с установленными Министерством здравоохранения РФ требованиями для госпиталей.

На начало июня 2020 г. 7055 специалистов с высшим медицинским образованием всех специальностей из медицинских организаций Алтайского края (89% от их общего состава) прошли дополнительное обучение по лечению коронавирусной инфекции COVID-19 путем дистанционного освоения интерактивных образовательных модулей на портале непрерывного медицинского образования Министерства здравоохранения России, на специально созданных специализированных

сайтах ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет». Ежедневно проводился мониторинг обеспеченности средствами индивидуальной защиты медицинского персонала, оказывающего медицинскую помощь больным COVID-19. Тем не менее медперсонал подвергался и подвергается значительному риску заражения. С начала пандемии коронавируса и до начала июля 2020 г. в Алтайском крае COVID-19 выявили у 412 медработников, работающих в 68 лечебных учреждениях, в том числе в четырех частных.

Для профилактики распространения коронавирусной инфекции организовано изолированное проживание медицинских работников в четырех специально оборудованных и оснащенных инфекционных госпиталях: в КГБУ «Санаторий «Обь», КГБУЗ «Краевой психоневрологический детский санаторий», Клинический лечебно-реабилитационный центр «Территория здоровья», санаторий-профилакторий «Тонус».

Произошли значительные изменения в системе оплаты труда работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, установлены целевые выплаты компенсационного характера и дополнительные выплаты стимулирующего характера для медицинских и иных работников, оказывающих медицинскую помощь гражданам с COVID-19, либо участвующих в той или иной степени в ее оказании. Согласно постановлениям Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 г. № 415 от 12 апреля 2020 г. и № 484 на 11 июня 2020 г. работникам, имеющим право на стимулирующие выплаты в соответствии с данными постановлениями, они были выплачены в мае 2020 г. в полном объеме.

Из приведенного анализа видим, что несмотря на сложившиеся обстоятельства и ограничения, бизнес с помощью мер федеральной и региональной поддержки отчасти адаптировался, принял новые бизнес-модели и формы организации производства. Многие компании были вынуждены либо сократить, либо уменьшить заработную плату своим работникам. Перестали существовать те предприятия и организации, которые и до этого периода времени испытывали трудности. Но изменения могут стать и выгодными, если их поддержит государство с помощью грантов, кредитных и налоговых льгот [11, 12, 13, 14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В Алтайском крае за прошедшие сутки зарегистрировали 117 случаев инфицирования COVID-19, выздоровели 85 заболевших. URL: https://www.altairregion22.ru/territory/regions/pospelrain/news/?ELEMENT_ID=908002/
2. Стопкоронавирус.пф. URL: <https://xn--80aesfpebagmflc0a.xn--p1ai/>

3. Губернатор Томенко поручил оперативнее оказывать медпомощь в Алтайском крае. URL: <https://www.alt.kp.ru/online/news/4069771/>
4. Указ Губернатора Алтайского края от 31.03.2020 № 44 «Об отдельных мерах по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2200202003310007/>
5. Социально-экономическая ситуация в Алтайском крае в январе-декабре 2020 года. URL: http://econom22.ru/economy/se-monitoring/yanvar-dekabr-2020.php?clear_cache=Y
6. Мониторинг развития сельского хозяйства Алтайского края (за январь-декабрь 2020 года). URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/monitoring-razvitiya-selskogo-khozyaystva-altayskogo-kрая-za-yanvar-dekabr-2020-goda/>
7. Информация об итогах социально-экономического развития Республики Алтай за январь-декабрь 2020 года. URL: https://altai-republic.ru/economy_finances/social-economic-tuation/social_economic_development_january_december_2020.pdf/
8. Общая оценка социально-экономической ситуации. Социально-экономическое положение Республики Тыва в январе-ноябре 2020 года Доклад, № 1.37.2РТ/ URL: <https://krasstat.gks.ru/storage/mediabank/jwIUUGQd/1%2037%202%D0%A0%D0%A2%2011.pdf/>
9. Промышленность Хакасии теряет былой оптимизм, но остается в плюсе. URL: <https://19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/146542-promyshlennost-khakasii-teryayet-byloj-optimizm-no-ostaetsya-v-plyuse>
10. Социально-экономическое положение республика Бурятия. URL: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/g7yfgexE/of_sep_202012.pdf/
11. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ Высшая школа экономики № 2 | 21.05.2020. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321435.pdf/>
12. Как скоро экономика России сможет вернуться к росту. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/17/5fab9289a79476ec20f16cc/> / № 093. — 2020. — <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/17/5fab9289a79476ec20f16cc/>
13. Оценка последствий COVID-19 для экономики России. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/10/otsenka-posledstvij-covid-19-dlya-ekonomiki-rossii-shirov-a.a..pdf>
14. Приложение к докладу Президенту Российской Федерации COVID-19 последствия для бизнеса и экономики. URL: https://www.garant.ru/files/5/8/1376885/doklad_bizness_ombudsmen_covid_19/

REFERENCES

1. Over the past day, 117 cases of COVID-19 infection were registered in the Altai Territory, 85 cases recovered. URL: https://www.altaregion22.ru/territory/regions/pospelrain/news/?ELEMENT_ID=908002/
2. Stopcoronavirus.рф. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/>
3. Governor Tomenko instructed to quickly provide medical care in the Altai Territory. URL: <https://www.alt.kp.ru/online/news/4069771/>
4. Decree of the Governor of the Altai Territory dated 03/31/2020 No. 44 «On certain measures to prevent the import and spread of the new coronavirus infection COVID-19. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2200202003310007/>
5. Socio-economic situation in the Altai Territory in January-December 2020. URL: http://econom22.ru/economy/se-monitoring/yanvar-dekabr-2020.php?clear_cache=Y
6. Monitoring of the development of agriculture in the Altai Territory (for January-December 2020). URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/monitoring-razvitiya-selskogo-khozyaystva-altayskogo-kрая-za-yanvar-dekabr-2020-goda/>
7. Information on the results of the socio-economic development of the Altai Republic for January-December 2020. URL: https://altai-republic.ru/economy_finances/social-economic-ituation/social_economic_development_january_december_2020.pdf/
8. General assessment of the socio-economic situation. Socio-economic situation of the Republic of Tuva in January-November 2020 Report, No. 1.37.2RT. URL: <https://krasstat.gks.ru/storage/mediabank/jwIUUGQd/1%2037%202%D0%A0%D0%A2%2011.pdf/>
9. Khakassia's industry loses its former optimism, but remains in positive territory. URL: <https://19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/146542-promyshlennost-khakasii-teryayet-byloj-optimizm-no-ostaetsya-v-plyuse>

10. Socio-economic situation of the Republic of Buryatia. URL: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/g7yfgeXE/of_sep_202012.pdf/

11. HSE Analytical Bulletin Higher School of Economics No. 2. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321435.pdf/>

12. On individual measures to prevent the import and spread of the new coronavirus infection COVID-19. URL: <http://docs.cntd.ru/document/570717512/>

13. Assessment of the consequences of COVID-19 for the Russian economy. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/10/otsenka-posledstvij-covid-19-dlya-ekonomiki-rossii-shirov-a.a..pdf>

14. Attachment to the report to the President of the Russian Federation COVID-19 consequences for business and economy. URL: https://www.garant.ru/files/5/8/1376885/doklad_bizness_ombudsmen_covid_19./

Поступила в редакцию: 08.04.2021.

Принята к печати: 29.04.2021.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. А. Чиркова

Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия)

В статье рассмотрена роль и особенности организации системы информационного обеспечения в реализации стратегических программ развития муниципального образования. Определена основная цель таких программ. Сформированы основные требования, предъявляемые к информации, в процессе их выполнения. Предложена классификация информации на внешнюю и внутреннюю, которые в свою очередь делятся на подгруппы. Также сформулировано авторское определение понятия «информационное обеспечение реализации стратегических программ развития муниципального образования». Автор пришел к выводу, что правильно организованная система информационного обеспечения должна давать возможность оценить перспективы реализации таких программ, составить прогноз, осуществить контроль за их выполнением, а также позволить проанализировать темпы выполнения и разработать мероприятия по совершенствованию механизма реализации стратегических программ в контексте обеспечения динамичного развития муниципального образования.

Ключевые слова: реализация стратегических программ, развитие муниципального образования, информация, информационное обеспечение, совершенствование.

INFORMATION SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC PROGRAMS FOR THE DEVELOPMENT OF THE MUNICIPAL FORMATION

O. A. Chirkova

Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of the Polzunov Altai State Technical University
(Rubtsovsk, Russia)

The article considers the role and features of the organization of the information support system in the implementation of strategic programs for the development of the municipality. The main purpose of the information support system in the implementation of strategic programs for the development of the municipality is determined. The basic requirements for information that is used in the process of implementing programs of a strategic nature for the development of a municipality are proposed. The classification of information on the implementation of such programs into external and internal, which in turn are divided into subgroups, is proposed. The author's definition of the concept «information support for the implementation of strategic programs for the development of the municipality» is also proposed. The author came to the conclusion that a properly organized system of information provision should be given the opportunity to assess the prospects of implementation of programs of strategic character development of the municipality, to make a forecast, to control the execution of these programs allow to analyze the pace of implementation of these programmers, to develop measures to improve the implementation of strategic development programs of the municipality.

Keywords: implementation of strategic programs, development of municipal education, information, information support, improvement.

Результативность деятельности любого субъекта управления, независимо от организационно-правовых форм, выполнения запланированных программ, мероприятий во многом зависит от правильно организованной системы информационного обеспечения.

Другими словами система информационного обеспечения играет огромную роль в процессе реализации любой программы стратегического характера развития каждого территориального образования. В первую очередь, информация является средством для нормального функционирования процесса реализации таких программ: проведения анализа, контроля, составления прогноза, разработки мероприятий по совершенствованию механизма их реализации.

Основной целью информационного обеспечения процесса реализации программ стратегического характера развития муниципального образования является гарантия своевременного получения качественной, точной и актуальной информации для оценки реализации этих программ, разработки, принятия обоснованных решений, обеспечивающих их выполнение.

На основе вышесказанного можно заключить, что под «информационным обеспечением реализации стратегических программ развития муниципального образования» целесообразно понимать совокупность способов и методов организации мониторинга и сбора информации, о происходящих изменениях в окружающей среде при реализации программ, а также обработки, ее накопления и передачи для обеспечения контроля и оценки их реализации с целью разработки мероприятий по дальнейшему совершенствованию соответствующего механизма.

Следует отметить, что при выработке любого решения, разработке мероприятия по совершенствованию реализации программ стратегического характера развития муниципального образования требуется обработать большой массив информации. Правильность принятого решения во многом зависит от владения необходимым количеством информации о быстроменяющейся внешней и внутренней среде и умению ей воспользоваться.

Анализ научных публикаций указывает на ряд важных характеристик для оценки качества информации [1–4]. По нашему мнению, к основным требованиям, предъявляемым к информации, обеспечивающей реализацию программ стратегического характера развития муниципального образования, следует отнести:

- полноту, то есть объем информации должен позволять провести оценку достижения запланированных результатов реализации этих программ, выявить причины отклонений и разработать необходимые мероприятия;

- ясность, информация должна быть понятна получателю;
- своевременность, информация должна быть актуальной для рассматриваемого периода времени;
- сопоставимость, возможность сравнения показателей с аналогичными показателями предыдущего периода;
- достоверность, фактические данные должны соответствовать реальности;
- конкретность, информация должна быть четко сформулирована.

В настоящее время при оценке результативности реализации программ стратегического характера развития муниципального образования, при принятии управленческих решений, при разработке мероприятий, направленных на совершенствование таких программ, не учитывается вся информация, которая могла бы расширить возможности анализа внутренних сильных и слабых сторон, а также внешних возможностей и угроз реализации программ. Это, в свою очередь, не позволит привести к повышению результативности таких программ, принятию эффективных решений. Всю информацию, используемую в процессе реализации программ стратегического характера развития муниципального образования, можно разделить на внешнюю и внутреннюю.

К внешней можно отнести информацию, которая характеризует: экономическую, политическую, социальную ситуацию в регионе, стране и за ее пределами; отраслевую специфику; научно-технический прогресс; стратегические направления развития региона и страны в целом; инвестиционную привлекательность региона; данные о возможных потенциальных инвесторах, партнерах развития муниципального образования. Система информационного обеспечения реализации стратегических программ развития муниципального образования, основанная на внешней информации, представлена на рисунке 1.

Анализ внешней среды реализации программ стратегического характера развития муниципального образования позволяет предвидеть потенциальные возможности, выявить риски, разработать план действий, направленных на предотвращение наступления угроз со стороны внешней среды, повысить результативность реализации этих программ.

Показатели, характеризующие экономическое, политическое, социальное состояние внешней среды, необходимы для анализа глобальных условий реализации этих программ и прогнозирования влияния таких условий на процесс их выполнения. К таким показателям, прежде всего, относятся темпы роста валового внутреннего продукта и валового национального дохода в расчете на душу населения, валового регионального продукта, индекс инфляции.

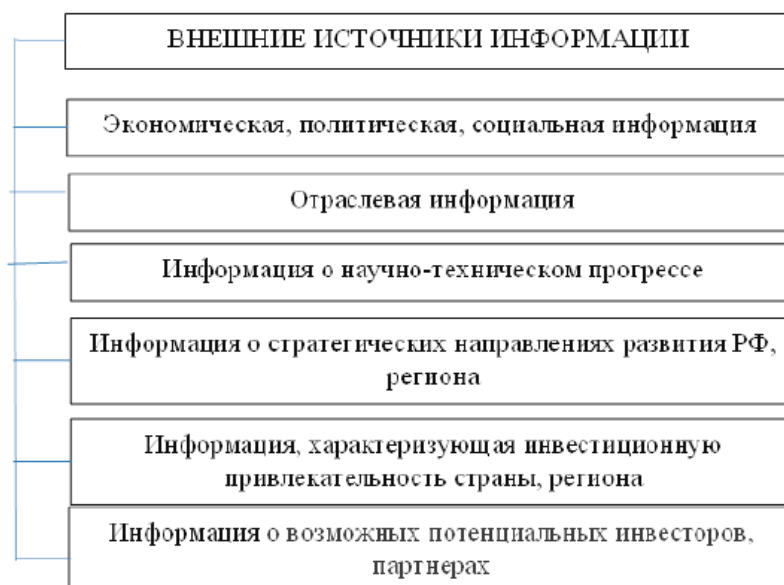

Рис. 1. Система информационного обеспечения реализации стратегических программ развития муниципального образования, основанная на внешней информации

Каждое муниципальное образование можно отнести к тому или иному типу в зависимости от его специализации, профиля производственной и коммерческой деятельности их ведущих предприятий. Из этого следует, что развитие отрасли, ведущей в муниципальном образовании, ее состояние и общие тенденции является стратегически важной информацией. К таким ее характеристикам следует отнести: оценку чувствительности отрасли к изменениям в экономике, информацию о зависимости отрасли от импортных квот и экспортных ограничений и т. д.

Не менее важной является информация о научно-техническом прогрессе [5]. Особо важна информация о стратегических направлениях развития Российской Федерации, Алтайского края. Такие сведения можно получить в следующих документах: «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ [6], Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [7], «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [8], Указ Президента РФ 13.05.2017 № 208 «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030» [9] и т. д. На региональном уровне — Закон Алтайского края от 21 ноября 2012 года № 86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года» [10] и «Перечень соответствующих региональных программ»¹.

Информацией об инвестиционной привлекательности страны в целом и регионах являются сведения о возможных потенциальных инвесторах, партнерах, которые принципиально важны. Необходимо также иметь данные об их интересах и возможностях, поскольку роль инвестиций в экономике, несомненно, велика.

К внутренней можно отнести информацию, которая характеризует результативность выполнения стратегических программ развития муниципального образования, сведения об организации и управлении реализацией этих программ (рис. 2).

Особое значение имеет информация о результатах реализации стратегических программ развития муниципального образования, на основе которой производится анализ, составляется прогноз, принимаются решения, разрабатываются мероприятия по совершенствованию механизма их реализации. На основе данной информации также составляется статистика с целью выявления динамики результатов реализации этих программ и степени риска.

Информация о результатах реализации стратегических программ развития муниципального образования включает в себя:

- выполнение показателей, отражающих их экономическое развитие;
- выполнение показателей, отражающих качество жизни населения;
- выполнение показателей, отражающих инвестиционный климат в муниципальном образовании;
- выполнение показателей, отражающих его бюджетную обеспеченность;

¹ URL: <http://www.econom22.ru/proгноз/program/>

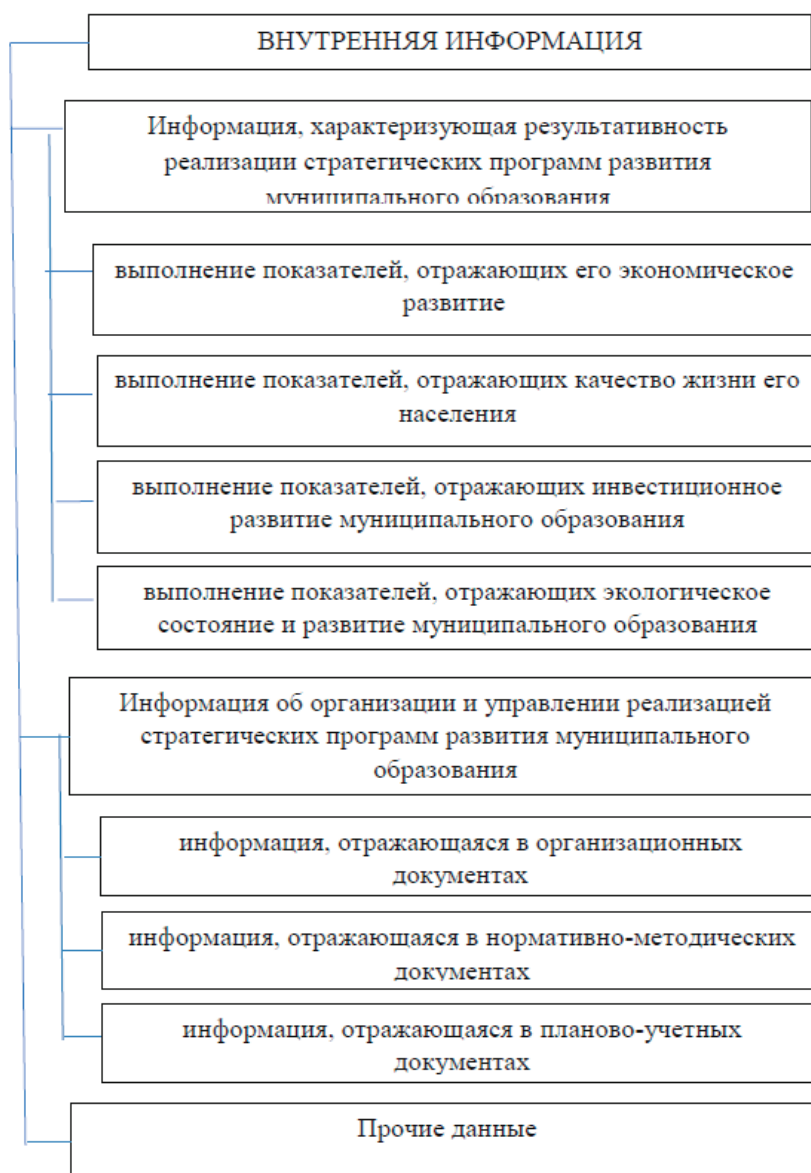

Рис. 2. Система информационного обеспечения реализации стратегических программ развития муниципального образования, основанная на внутренней информации

— выполнение показателей, отражающих экологическое состояние и развитие муниципального образования.

К организационным документам² можно отнести документы, которые регламентируют организационную структуру и систему управления реализацией программ стратегического характера развития муниципального образования; а к нормативно-методическим — документы, с помощью которых осуществляется процессы, действия в ре-

лизации этих программ; к планово-учетным — информацию о затратах на их выполнение.

Из вышеизложенного можно заключить, что система информационного обеспечения реализации стратегических программ развития муниципального образования направлена на:

- анализ реализации программ стратегического характера в целом;
- анализ тенденций выполнения программ стратегического характера развития муниципального образования;
- анализ эффективности использования финансовых средств, затраченных на выполнение этих программ;

² URL: <https://www.hse.ru/data/2015/10/03/1077205815/Классификация%20регламентирующих%20документов.pdf>

- выявление отклонений в реализации программ;
- определение эффективности примененных методов и инструментов в реализации программ с целью оперативного учета происходящих изменений;
- определение эффективности значимых операций, выполняемых в процессе реализации стратегических программ развития муниципального образования;
- осуществление анализа и внесение возможных корректировок в организационные, нормативно-методические, планово-учетные документы;
- формирование базы знаний и опыта в области реализации стратегических программ развития муниципального образования;
- разработку мероприятий, способствующих повышению эффективности реализации этих программ.

Информацию, применяемую при реализации стратегических программ, условно можно разделить на три категории, в зависимости решения какого вопроса она необходима (табл.).

Итак, при разработке мероприятий, направленных на совершенствование реализации программ стратегического характера развития муниципального образования на долгосрочную перспективу необходима как внешняя, так и внутренняя информация.

Применяемость информации в процессе реализации стратегических программ развития муниципального образования

	Цель применения	Требуемая информация	Результат применяемой информации
На долгосрочную перспективу	Оценка реализации программ стратегического характера развития муниципального образования и разработка мероприятий по их совершенствованию	Внешняя и внутренняя информация	Разработка стратегических мероприятий по совершенствованию реализации стратегических программ развития муниципального образования, разработка прогноза, оценка тенденций реализации этих программ, внесений изменения в планы их реализации
Решение текущих проблем	Внесение корректировок на промежуточных контрольных точках в процессе реализации стратегических программ развития муниципального образования	Внутренняя информация	Устранение выявленных отклонений при реализации программ стратегического развития муниципального образования на промежуточных контрольных точках, контроль выполняемых действий, составление уведомлений об исключительных ситуациях, сводка по распределению денежных средств и эффективности их использования, повышения результативности этих программ
Изменения организационной структуры и системы управления реализацией стратегических программ развития муниципального образования	Внесение изменений в организационную структуру и систему управления реализацией стратегических программ развития муниципального образования	Информация, отражающаяся в организационных и нормативно-методических документах	Установление целей, касаемых организационной структуры и системы управления реализацией стратегических программ развития муниципального образования

При разработке решений по устранению отклонений, выявленных на промежуточных точках в процессе реализации программ, необходимо использование всей внутренней информации. При внесении же изменений в организационную структуру и систему управления реализацией таких программ очень важна информация, отражающаяся в организационных документах и нормативно-методических документах.

Другими словами, правильно организованная система информационного обеспечения реализации программ стратегического развития муниципального образования позволит повысить результативность их выполнения.

Предложенный автором подход к организации информационного обеспечения реализации стратегических программ развития муниципального образования дает возможность, по нашему мнению, оценить перспективы реализации этих программ, условия их реализации, составить прогноз, выявить возможные угрозы и возможности, осуществить контроль за выполнением этих программ, а также проанализировать темпы их выполнения, разработать мероприятия по совершенствованию механизма реализации каждой программы в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фирова И. П., Смородов И. Е. Информационно-аналитическое обеспечение стратегического управления персоналом // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5–1. С. 124–127.
2. Фатхутдинов Р. А. Разработка управленческого решения: учебник для вузов. 2-е изд., доп. М., 1998. 272 с.
3. Энциклопедия по экономике. Требования к качеству информации. URL: <https://economy-ru.info/info/105852/> (дата обращения: 31.01.2021).
4. LIVEJOURNAL Информация и оценка достоверности информации. URL: <https://gekkon12.livejournal.com/10552.html/> (дата обращения: 31.01.2021).
5. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «Стратегия научно-технологического развития РФ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/> (дата обращения: 31.01.2021).
6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420204138/> (дата обращения: 31.01.2021)
7. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038/> (дата обращения: 31.01.2021).
8. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499034125/> (дата обращения: 31.01.2021)
9. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения: 31.01.2021).
10. Закон Алтайского края от 21 ноября 2012 года № 86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/453123097/> (дата обращения: 31.01.2021).

REFERENCES

1. Firova I. P., Smorudov I. E. Information and analytical support of strategic personnel management // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2019. No. 5–1. Pp.124–127;
2. Fatkhutdinov R. A. Development of a management solution: a textbook for universities. 2nd ed., additional M., 1998. 272 p.
3. Encyclopedia of Economics. Requirements for the quality of information. URL: <https://economy-ru.info/info/105852/> (date of access: 31.01.2021).
4. LIVEJOURNAL Information and assessment of the reliability of information. URL: <https://gekkon12.livejournal.com/10552.html> (date of access: 31.01.2021).
5. The decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 № 642 «Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/> (date of access: 31.01.2021).
6. Federal law dated 28.06.2014 N 172 «On strategic planning in the Russian Federation». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420204138> (date of access: 31.01.2021).
7. The decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 «On national goals and strategic objectives development of the Russian Federation for the period up to 2024». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (date of access: 31.01.2021).
8. Forecast long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2030. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499034125> (date of access: 31.01.2021).
9. The decree of the President of the Russian Federation from 13.05.2017 No. 208 «Strategy of economic security of the Russian Federation for the period till 2030». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (date of access: 31.01.2021).
10. The law of the Altai territory from 21 November 2012, N 86-ZS «On approval of the strategy of socio-economic development of the Altai territory to 2025». URL: <http://docs.cntd.ru/document/453123097> (date of access: 31.01.2021).

Поступила в редакцию: 03.02.2021.

Принята к печати: 01.04.2021.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА

Н. А. Шевчук, М. Г. Кудинова

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

В начале 1990-х гг., когда совхозы и колхозы проходили процедуру реорганизации, наиболее острой была дискуссия о том, какие организационно-правовые формы являются наиболее подходящими для сельскохозяйственных организаций в рыночной экономике. В статье рассматривается динамика развития таких структур в разрезе организационно-правовых форм. В ходе исследования на материалах Алтайского края была проведена оценка наличия животных, принадлежащих различным сельхозпроизводителям, динамика выращиваемой ими продукции и уровень эффективности производства. Дана оценка экономической эффективности деятельности сельскохозяйственных организаций Родинского и Романовского районов региона. В результате сравнительного анализа было выявлено, что наиболее эффективной организационно-правовой формой является производство в подсобных хозяйствах населения (граждан).

Ключевые слова: производство, организационно-правовые формы, сельскохозяйственные организации, продукция животноводства, экономическая эффективность деятельности сельскохозяйственных организаций.

INFLUENCE OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF FUNCTION OF AGRICULTURAL ENTERPRISES ON THE ECONOMIC EFFICIENCY OF LIVESTOCK PRODUCTS

N. A. Shevchuk, M. G. Kudinova

Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

In the early 1990s, when state and collective farms were undergoing a reorganization procedure, the most heated debate was about which organizational and legal forms are most suitable for agricultural organizations in a market economy. The article examines the dynamics of the development of such structures in the context of organizational and legal forms. In the course of the study, using materials from the Altai Territory, an assessment was made of the presence of animals belonging to various agricultural producers, the dynamics of their products and the level of production efficiency. An assessment of the economic efficiency of the activities of agricultural organizations in the Rodinsky and Romanovsky districts of the region is given. As a result of a comparative analysis, it was revealed that the most effective organizational and legal form is production in subsidiary plots of the population (citizens).

Keywords: production, organization and legal forms, agriculture organization, livestock products, an economical efficacy for the activity of the agricultural organizations.

Проблематика, связанная с анализом эффективности сельскохозяйственных товаропроизводителей различных органи-

зационно-правовых форм [1], всегда привлекала и продолжает привлекать исследователей как в России, так и за рубежом. Одни экономисты-аграрни-

ки считают коллективные предприятия наиболее приемлемыми, утверждают, что для сельского хозяйства акционерные общества не особенно характерны. Другие уверены в обратном.

За последние 20 лет число сельскохозяйственных организаций в стране сократилось на 30%. При этом следует отметить, что указанная динамика была неодинаковой для разных организационно-правовых форм. В большей степени сокращению подверглись унитарные предприятия (в 6,5 раза) и производственные кооперативы (в 4 раза), которые в 2001 г. занимали ведущее место в общей структуре организационно-правовых форм. В настоящее время на их долю приходится примерно 20%. Количество акционерных обществ также сократилось, но гораздо в меньшей степени. Что касается обществ с ограниченной ответственностью, то их количество выросло почти в 10 раз. На данный момент они являются преобладающей формой. На долю прочих сельскохозяйственных организаций (в первую очередь это — крупные крестьянские (фермерские) хозяйства (К(Ф)Х) и индивидуальные предприниматели (ИП)) приходится около 10% [2].

Развитие сельскохозяйственных территорий по-прежнему во многом зависит от того, насколько развита экономика расположенных на них хозяйствующих субъектов. Данная проблема и является целью исследования. В качестве объекта выступает уровень развития животноводческой отрасли в Алтайском крае в целом, а также ее предприятий с различными организационно-правовыми формами двух его районов: Родинского и Романовского [3].

Следует отметить, в сельских территориях Алтайского края существует многоукладная экономика, которая предполагает развитие различных

организационных форм, способных максимально использовать свой ресурсный потенциал и эффективно вести сельскохозяйственное производство.

Вместе с тем для реализации существенного вклада края в обеспечение продовольственной безопасности России разработана государственная аграрная политика Алтайского края, которая направлена на развитие эффективного высокотехнологического сельскохозяйственного производства и выпуска качественных, экологически чистых продуктов питания, способных конкурировать не только на межрегиональных, но и международных рынках.

В 2019 г. в Алтайском крае насчитывалось 29 индивидуальных предпринимателей (их доходы составили 2126 млн руб.), 1374 крестьянских (фермерских) хозяйства (доходы 15210 млн руб.) и 703 сельскохозяйственных организации (доходы 75097 млн руб.).

По данным Алтайского краевого статистического управления, в 2019 г. в регионе индекс производства продукции сельского хозяйства составил 99,6% (по РФ — 104%), в том числе растениеводства — 97%, животноводства — 103% (в РФ — 106,1 и 101,6% соответственно), было произведено сельхозпродукции на сумму 147 млрд руб. По доле в стоимости валовой продукции сельского хозяйства в 2019 году регион вошел в лучшую десятку регионов России (2,5%, в том числе по продукции растениеводства — 2,6% и продукции животноводства — 2,4%) [4].

В среднем за период с 2013 по 2019 г. в структуре валовой сельскохозяйственной продукции региона наибольшую долю занимают организации — 51,4%, хозяйства населения — 31,4%, К(Ф)Х и индивидуальные предприниматели (ИП) — 17,2% (рис. 1).

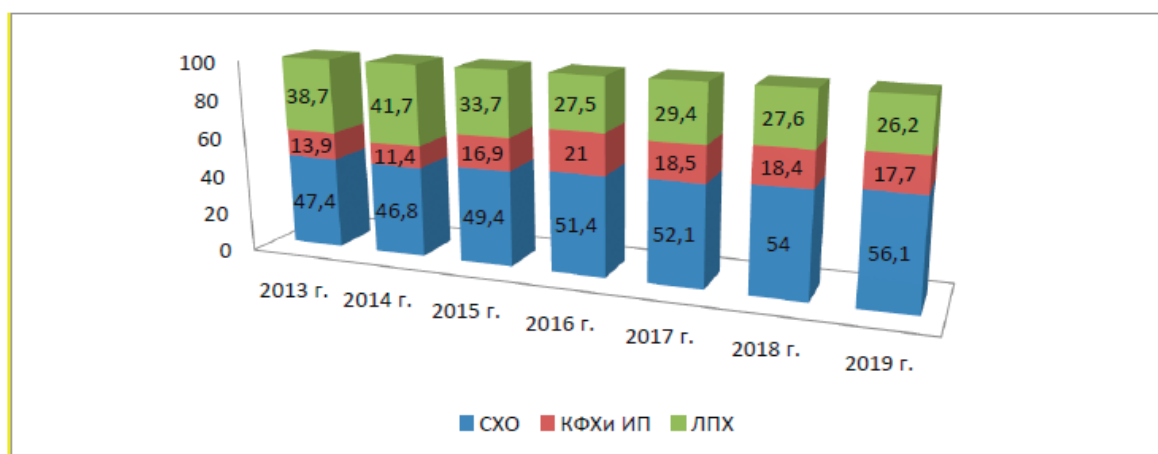

Рис. 1. Структурная динамика производства валовой сельскохозяйственной продукции Алтайского края в разрезе товаропроизводителей за 2013–2019 гг., %

На основании данных рисунка 1 прослеживается явно выраженная тенденция роста доли объемов валовой продукции, производимой сельскохозяйственными организациями, и, наоборот, ее сокращение в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ).

Алтайский край — один из крупнейших аграрных регионов, производящих животноводческую продукцию. По итогам 2019 г. доля животноводства в совокупном краевом выпуске продукции сельского хозяйства составила 44,4% [4]. Другими словами, структурообразующей и социально значимой подотраслью сельского хозяйства Алтайского края является животноводство, оказывающее решающее влияние на продовольственное обеспечение региона. Именно благодаря ему в крае осуществляется поставка для населе-

ния всех необходимых продуктов питания, сырья для пищевой и легкой промышленности. Этому способствуют благоприятные природно-климатические условия и наличие земельных ресурсов, позволяющих заниматься животноводством во всех районах Алтайского края.

Следует отметить, что регион в течение двух лет занимает 4-е место по производству молока и 6-е — по поголовью крупного рогатого скота среди других регионов РФ. При этом его доля в совокупном объеме производства молока в стране составляет около 4%, крупный рогатый скот — 4% и 2% — на скот и птицу на убой в живой массе. Несколько настораживает, хотя и незначительное, но все же сокращение указанных показателей (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика объемов производства продукции животноводства в РФ и Алтайском крае

Вид продукции	Объемы производства				Рост производства к 2018 г., %		Место края среди регионов РФ		Доля края в общероссийском производстве, %	
	2018 г.		2019 г.		Алтайский край	РФ	2018 г.	2019 г.	2018 г.	2019 г.
	Алтайский край	РФ	Алтайский край	РФ						
Молоко, млн т	1,2	30,6	1,2	31,4	100,0	102,6	4	4	3,9	3,8
Крупный рогатый скот (КРС), тыс. т	59,4	1608,1	56,8	1625,2	95,6	101,1	6	7	3,7	3,5
Скот и птица на убой (в живом весе), млн т	0,27	14,9	0,27	15,2	100,0	102,0	20	19	1,8	1,8

Для выяснения причин обратимся к данным рисунка 2. Выявленная динамика свидетельствует о сокращении поголовья всех видов сельскохозяй-

ственных животных за рассматриваемый период: КРС — на 7,4%, свиней — на 10%, овец и коз — на 12%.

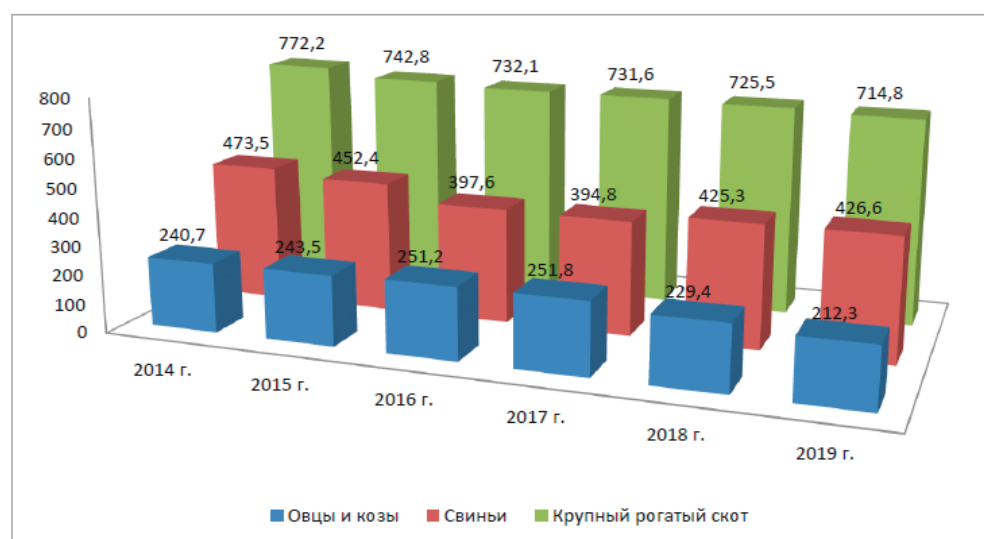

Рис. 2. Динамика поголовья животных во всех категориях хозяйств Алтайского края, тыс. голов

Сокращение поголовья животных повлияло на снижение в динамике производства основной продукции животноводства в регионе (рис. 3). Так, в 2019 г. по сравнению с 2014 г. в крае произошло снижение производства молока, скота и птицы на убой. При этом без спада развивается производство продукции птицеводства. В рассматриваемом

периоде положительная динамика производства яйца составила 4%.

На наш взгляд, причины выявленных закономерностей кроются в изменении структуры производства указанных видов продукции в разных организационно-правовых формах сельскохозяйственных товаропроизводителей (табл. 2).

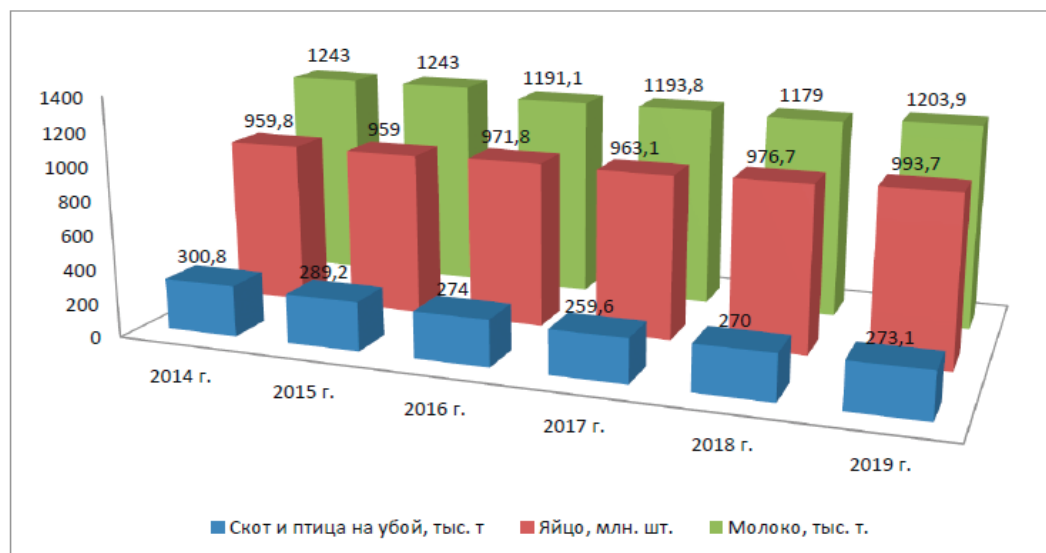

Рис. 3. Динамика производства основной продукции животноводства в Алтайском крае

Несмотря на то, что в структуре производства молока наименьшую долю занимают К(Ф)Х, включая ИП, сохраняется тенденция увеличения производства молока. Так, в К(Ф)Х с 2015 по 2019 г. производств молока увеличилось на 62%, а по сравнению с 2018 г. — на 1%. При этом производство молока

сельскохозяйственными организациями выросла, соответственно, на 4 и 2%. Производство молока в домашних подсобных хозяйствах населения ежегодно уменьшается. В целом с 2015 по 2019 г. сокращение составило 31,5%, хотя в 2019 г. по сравнению с 2018 г. увеличилось на 1%.

Таблица 2

Состав и структура производства молока по всем категориям хозяйств в Алтайском крае, % [4]

Категории хозяйств	2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2019 г. в % к	
	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%	2015 г.	2018 г.
Хозяйства всех категорий	1415	100	1400	100	1194	100	1178	100	1204	100	85,0	102
Сельскохозяйственные организации	530	37,5	532	38,0	541	45,3	538	45,6	551	45,8	104	102
Хозяйства населения	835	59,0	802	57,2	572	47,9	562	47,7	572	47,5	68,5	102
К(Ф)Х, включая ИП	50	3,5	66	4,8	81	6,8	80	6,7	81	6,7	162	101

В составе и структуре поголовья коров наблюдаются аналогичные тенденции. В крестьянских (фермерских) хозяйствах поголовье коров стабильно увеличивается. Так, с 2015 по 2019 г. поголовье коров выросло на 30%, хотя по сравнению с 2018 г. снизилось на 2,5%. Положительная тенденция свя-

зана с оказанием грантовой поддержки начинающим фермерам и семейным животноводческим фермам, которая предоставляется с 2012 г. Вместе с тем поголовье коров в сельскохозяйственных организациях с 2015 по 2019 г. сократилось 9,5%, в хозяйствах населения — на 0,7% (табл. 3).

Таблица 3

Состав и структура поголовья коров по всем категориям хозяйств в Алтайском крае, % [4]

Категории хозяйств	2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2019 г. в % к	
	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%	2015 г.	2018 г.
Хозяйства всех категорий	301	100	299	100	298	100	301	100	296	100	98,3	98,3
Сельскохозяйственные организации	137	45,5	134	44,8	131	44,0	127	42,2	124	41,9	90,5	97,6
Хозяйства населения	134	44,5	130	43,5	128	43,0	134	44,5	133	44,9	99,3	99,3
К(Ф)Х, включая ИП	30	10,0	35	11,7	39	13	40	13,3	39	13,2	130	97,5

Опыт показывает, что общекраевые показатели и их динамика не всегда совпадают с показателями и динамикой конкретных муниципальных образований. Поэтому нами более подробно были рассмотрены два района Алтайского края — Родинский и Романовский, занимающие ведущее место в животноводческой подотрасли края. Оба указанных района находятся в одной природно-климатической зоне, располагаясь в западной части Алтайского края. Являясь соседями, они имеют схожую

историю формирования аграрного комплекса и обладают примерно одинаковыми природными ресурсами. Для проведения сравнительного анализа использованы абсолютные и относительные экономические показатели [5].

В ходе исследования, в первую очередь, была проведена оценка наличия поголовья сельскохозяйственных животных, принадлежащих различным сельхозпроизводителям, а также его динамика (рис. 4).

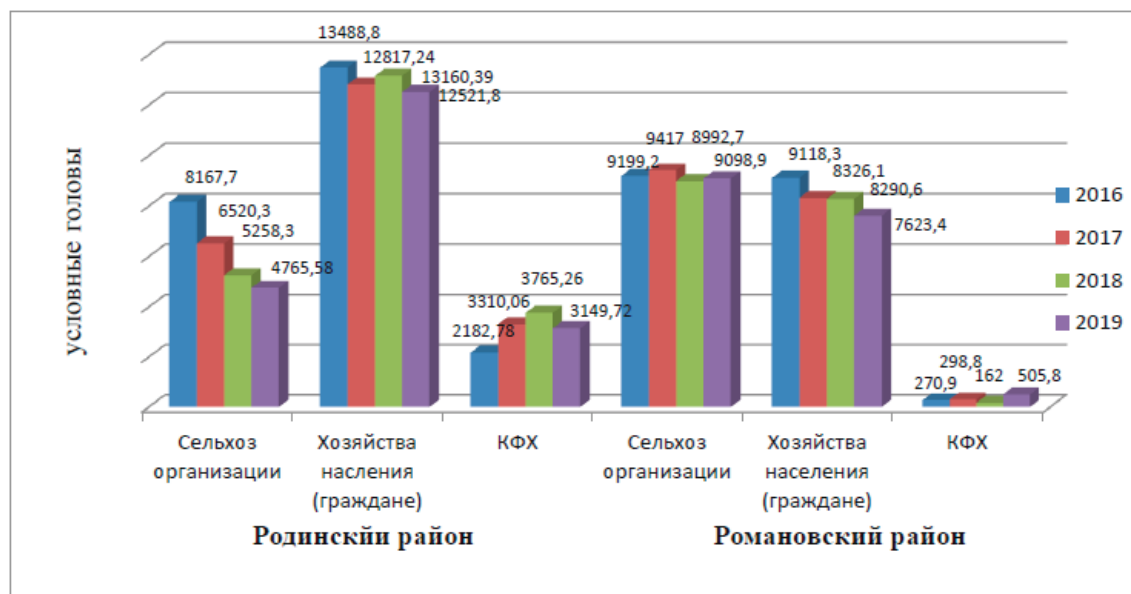

Рис. 4. Динамика поголовья сельскохозяйственных животных в Родинском и Романовском районах Алтайского края в 2016–2019 гг., условных голов [6]

Данные рисунка 4 свидетельствуют о том, что Родинский район опережает Романовский по общей численности поголовья сельскохозяйственных животных, переведенной в условные головы. Большая часть поголовья в районе (около 13 тыс. условных голов) сконцентрирована в приусадебных хозяйствах населения (граждан). При этом поголовье, принадлежащее сельскохозяйственным

организациям, практически в половину меньше и неуклонно сокращается. В Романовском районе сельскохозяйственные организации и население имеют примерно одинаковое поголовье (около 9 тыс. условных голов). Наблюдается поступательное сокращение численность поголовья на частных подворьях (за период на 16,4%). В то время как численность поголовья в сельскохозяйствен-

ных организациях отличается относительной стабильностью. Доля поголовья, принадлежащего К(Ф)Х и ИП, незначительна в обоих районах. Следует также отметить наметившуюся динамику сокращения поголовья сельскохозяйственных животных во всех организационно-правовых формах [3].

В ходе анализа были также рассмотрены количественные показатели выхода животноводческой продукции в разрезе существующих форм сельхозтоваропроизводителей (рис. 5). Выявленные ранее закономерности нашли свое отражение и в данном случае.

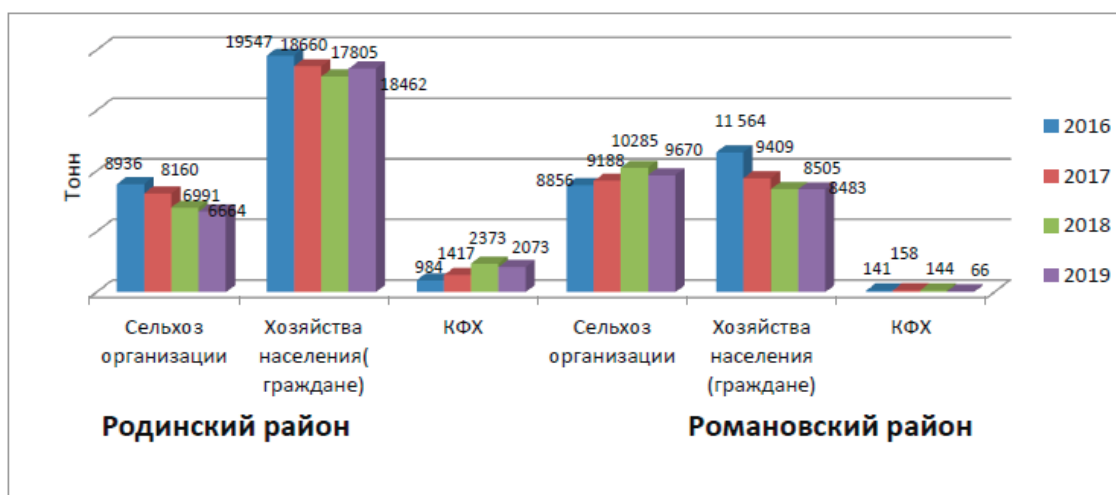

Рис. 5. Динамика производства продукции животноводства в различных организационно-правовых формах Родинского и Романовского районов Алтайского края за 2016–2019 гг. [6]

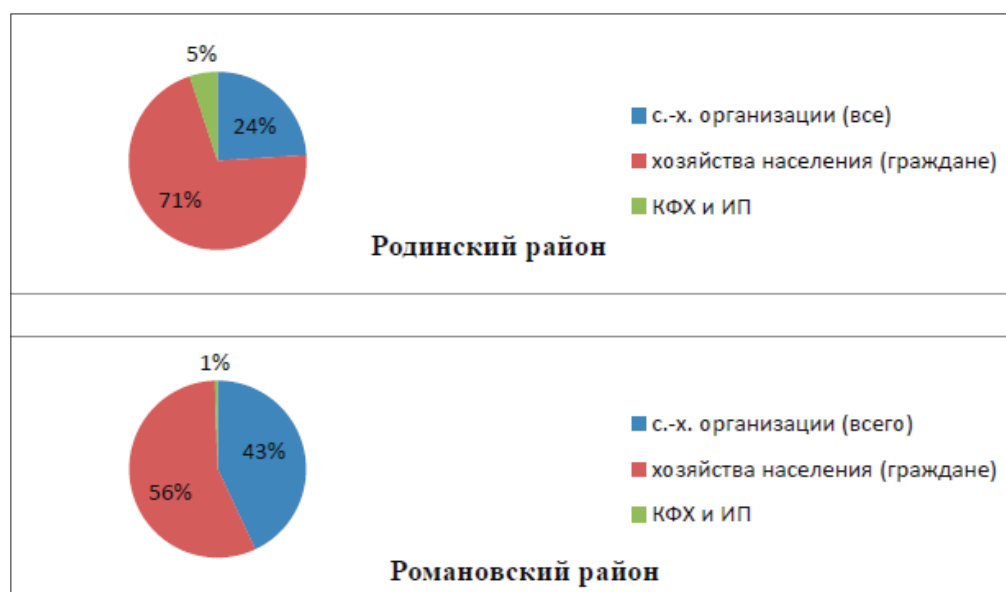

Рис. 6. Структура продукции животноводства (в фактически действовавших ценах) в среднем за 2016–2019 гг. в Родинском и Романовском районах Алтайского края, %

Рассматривая ценовую составляющую произведенной животноводческой продукции, мы еще раз убедились в том, что ее основная доля производится в приусадебных хозяйствах населения (рис. 6).

Но при этом статистика темпов роста продукции животноводства (в фактически действовавших ценах) свидетельствует о том, что в рассматриваемых

районах ускоренными темпами развиваются К(Ф)Х и ИП, занимающиеся выращиванием животноводческой продукции. Темпы роста производства данной формы хозяйствования в два раза выше, чем у всех прочих, и это на фоне общего сокращения производства животноводческой продукции в рассматриваемых районах.

Завершающим этапом исследований было выявление экономической эффективности производства животноводческой продукции в указанных категориях сельскохозяйственных про-

изводителей. В качестве оценочного был выбран показатель производство продукции животноводства в денежном выражении на одну условную голову (табл. 4).

Таблица 4

Динамика эффективности производства продукции животноводства в Родинском и Романовском районах Алтайского края, тыс. руб./усл. гол.

Годы	Родинский район			Романовский район		
	с.-х. организации	граждане	К(Ф)Х, ИП	с.-х. организации	граждане	К(Ф)Х, ИП
2016	27,8	47,1	17,4	26,6	45,7	7,4
2017	33,2	52,2	14,4	30,1	47,6	13,4
2018	39,3	44,8	20,3	35,2	44,2	24,0
2019	39,5	47,2	23,1	32,3	44,0	7,3
Темп роста 2019 к 2016, %	142,1	100,2	132,8	121,4	96,3	98,6

Полученные результаты расчетов дают основания заключить, что наиболее эффективно производство животноводческой продукции в Родинском и Романовском районах осуществляется в подсобных хозяйствах населения (граждан). При этом уровень эффективности Родинского района в среднем за четыре рассматриваемых года составляет 47,8 тыс. руб. на 1 условную голову, что несколько выше, чем в Романовском районе (44,4 тыс. руб. на 1 условную голову). Данный факт объясняет выявленную ранее закономерность, связанную с концентрацией животноводческого производства в частной собственности, а именно в подсобных хозяйствах граждан, сложившуюся в рассматриваемых районах. Наименьшей эффективностью при выращивании животноводческой продукции характеризуются К(Ф)Х и ИП. На одну условную голову в Родинском районе ими производится 18,8 тыс. руб. животноводческой продукции, что в 2,5 раза меньше результативности частных подсобных хозяйств. В Романовском районе ситуация еще хуже. Здесь на одну условную голову производится 13 тыс. руб. животноводческой продукции, что в 3,4 раза меньше чем в частных подсобных хозяйствах. Что касается сельскохозяйственных организаций, то их эффективность занимает промежуточное положение между подсобными хозяйствами граждан и К(Ф)Х, ИП, имея среднее значение в Родинском районе — 35 тыс. руб. на 1 условную голову, в Романовском — 31 тыс. руб.

На наш взгляд, такая особенность организации животноводческого производства в рассматриваемых районах сложилась в период распада совхозов и колхозов. Она была проверена временем и доказала, что является жизнеспособной в рыночных условиях.

Подводя итог проведенных исследований, следует отметить, что организация производства животноводческой продукции — это процесс сложный и творческий. Успешность данного процесса зависит не от организационно-правовой формы производителя, а скорее от умелого руководства, знаний и навыков в организации производственного процесса. Немаловажную роль играет мотивация труда и его эффективность. Как показало исследование, она существенно выше в хозяйствах мелких товаропроизводителей.

На наш взгляд, на рынке должны иметь место самые разнообразные формы хозяйствования, органично дополняющие друг друга и доказывающие свою жизнеспособность и эффективность. Но при этом не следует забывать о роли государства [7]. Ему необходимо отойти от роли жесткого регулятора и контролера, загоняющего сельхозтоваропроизводителей в узкие рамки директив, требований и ограничений [8, 9]. Политика, проводимая государством в отношении разных организационно-правовых форм хозяйствования, должна стать адекватной, дающей возможность развиваться каждой из них, обеспечивать рынок Алтайского края и всей страны качественной продукцией [10]. Трудно согласиться с мнением авторов, которые считают, что различные формы собственности и хозяйствования должны на практике самостоятельно конкурировать друг с другом. Задачей государства должно стать создание диверсифицированного рынка животноводческой продукции в разрезе различных организационно-правовых форм хозяйствующих субъектов, способного удовлетворить возрастающие количественные и качественные потребности покупателей животноводческой продукции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5143/
2. Петриков А., Гатаулина А., Сарайкин В. Динамика и сравнительная эффективность сельскохозяйственных организаций России различных организационно-правовых форм // Аграрная реформа и формы хозяйствования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-sravnitel'naya-effektivnost-selskohozyaystvennyh-organizatsiy-rossii-razlichnyh-organizatsionno-pravovyh-form> (дата обращения: 31.10.2020).
3. Шевчук Н. А. Оценка экономической эффективности аграрного сектора экономики Алтайского края // Аграрная наука — сельскому хозяйству: сборник материалов: в 2 кн. XIV Международная научно-практическая конференция (7–8 февраля 2019 г.). Кн. 1. Барнаул, 2019. С. 142–144.
4. Доклад о ходе и результатах реализации в 2019 году государственных программ в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий Алтайского края. Барнаул, 2020. 165 с.
5. Сидоренко О. В., Ильина И. В. Эффективность производства продукции животноводства: оценка, факторы роста // Вестник аграрной науки. 2019. № 2 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-proizvodstva-produktsii-otrasli-zhivotnovodstva-otsenka-factory-rosta> (дата обращения: 02.11.2020)
6. Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/> (дата обращения: 31.10.2020).
7. Ивашченко Т. Н. Эффективность деятельности сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм // Вестник ОрелГАУ. 2009. № 5 (20). URL: <http://ej.orelsau.ru/files/archive/20.pdf> (дата обращения: 31.10.2020).
8. Лапшина Г. В., Александрова Н. Р., Жирнов А. В. Влияние организационно-правовых форм хозяйствования на эффективность деятельности предприятий АПК Ульяновской области // Международный научный журнал. 2012. № 4. С. 56–59.
9. Шароватова Т. И., Раджабов Р. Г., Моисеенко Ж. Н. Организационные и экономические условия эффективного развития крестьянских (фермерских) хозяйств Ростовской области: монография. Персиановский, 2018. 160 с.
10. Кудинова М. Г. Развитие экспортоориентированного агропромышленного комплекса Алтайского края как фактора экономической безопасности региона // Аграрная наука — сельскому хозяйству: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. В 2 кн. Барнаул, 2020. С. 91–94.

REFERENCES

1. On the introduction of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 52-FZ of 30.11.1994 // Reference and legal system «Consultant-Plus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5143/
2. Petrikov A., Gataulina A., Saraykin V. Dynamics and comparative efficiency of agricultural organizations of Russia of various organizational and legal forms. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-sravnitel'naya-effektivnost-selskohozyaystvennyh-organizatsiy-rossii-razlichnyh-organizatsionno-pravovyh-form> (date of access: 31.10.2020).
3. Shevchuk N. A. Evaluation of the economic efficiency of the agricultural sector of the economy of the Altai Territory // Agrarian science-agriculture: collection of materials: in 2 books. XIV International scientific and Practical conference (February 7–8, 2019). Vol. 1. Barnaul, 2019. Pp. 142–144.
4. Report on the progress and results of the implementation in 2019 of state programs in the field of agricultural development and rural areas of the Altai Territory. Barnaul, 2020. 165 p.
5. Sidorenko O. V., Ilina I. V. Efficiency of livestock production: assessment, growth factors // Bulletin of Agrarian Science, 2 (77), April 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-proizvodstva-produktsii-otrasli-zhivotnovodstva-otsenka-factory-rosta> (date of access: 02.11.2020)
6. Official website of the Department of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. URL: <https://akstat.gks.ru/> (date of access: 31.10.2020).
7. Ivashchenko T. N. Efficiency of activity of agricultural enterprises of various organizational and legal forms // Vestnik OrelGAU. 2009. No 5 (20). URL: <http://ej.orelsau.ru/files/archive/20.pdf> (date of access: 31.10.2020)

8. Lapshina G. V., Alexandrova N. R., Zhirnov A. V. The influence of organizational and legal forms of management on the efficiency of the agricultural enterprises of the Ulyanovsk region // International Scientific Journal. 2012. No. 4. Pp. 56–59.

9. Sharovatova T. I., Radzhabov R. G., Moiseenko Zh. N. Organizational and economic conditions for the effective development of peasant (farmer) farms in the Rostov region: monograph. Persianovsky, 2018. 160 p.

10. Kudinova M. G. Development of export-oriented agro-industrial complex of the Altai Territory as a factor of economic security of the region // Agrarian science — agriculture: collection of materials of the XV International Scientific and Practical Conference. In 2 books. Barnaul, 2020. Pp. 91–94.

Поступила в редакцию: 04.02.2021.

Принята к печати: 07.04.2021.

ЭКОНОМИКА РОССИИ: ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ

А. В. Яценко

АО «Барнаульская горэлектросеть» (Барнаул, Россия)

В статье предпринята попытка оценить итоги развития экономики РФ с момента приватизации и до настоящего времени. Актуальность проблемы заключается в том, что несмотря на значительные ресурсы, в том числе человеческий капитал, экономика стагнирует, структурных реформ нет, высокотехнологичные компании не появляются. Главное — не создаются условия для развития бизнеса на принципах самоорганизации: предпринимательство, инициатива, личные компетенции и инвестиции. Реформирование социально-экономической системы СССР не имеет исторического аналога и воспринимается как уникальная практика проверки некоторых теоретических положений и гипотез, которыми руководствовались исследователи и предприниматели в рамках рыночной экономики, например, теории рыночного равновесия, теории фирмы, теории предпочтений и других. Россия продемонстрировала своеобразный феномен как с точки зрения теории, так и практики рыночных преобразований, когда не предпринимательство, не инвестиционная активность бизнеса и населения, а узкокорыстные интересы лиц, аффилированных с властью, стали определять рыночные процессы, такая экономика получила название «экономика физических лиц», а в случае прямой ориентации на государственный бюджет — «экономика раздатка». Преобразования могли бы опираться на рыночный опыт большого числа стран, как развитых, так и развивающихся (Китай), этого не было сделано. Потеряно время на создание новых рабочих мест, в промышленной ориентации государства не сложились приоритеты развития важных отраслей для национальной конкурентоспособности. В итоге был потерян темп роста экономики.

Ключевые слова: реформа, рынок, модель, корпоративное управление, институты, промышленная политика.

RUSSIAN ECONOMY: WHAT IS NOT ENOUGH FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIES AND ENTERPRISES

A. V. Yaschenko

JSC "Barnaul Gorelektroset" (Barnaul, Russia)

The article attempts to assess the results of the development of the Russian economy from the moment of privatization to the present. The urgency of the problem lies in the fact that, despite significant resources, including human capital, the economy is stagnating, there are no structural reforms, and high-tech companies do not appear. The main thing is not creating conditions for business development on the principles of self-organization: entrepreneurship, initiative, personal competence and investment. Reforming the socio-economic system of the USSR has no historical analogue, and is perceived as a unique practice of testing some theoretical positions and hypotheses that guided researchers and entrepreneurs in the framework of a market economy, for example, the theory of market equilibrium, theory of the firm, theory of preferences, and others. Russia has demonstrated a kind of phenomenon, both from the point of view of theory and practice of market transformations, when it is not entrepreneurship, not the investment activity of business and the population, but the narrowly selfish interests of persons affiliated with the government, began to determine market processes, such an economy was called the «economy of individuals», And in the case of a direct focus on the state budget,» the economy of the distribution». The transformations could be based on the market experience of a large number of countries, both developed and developing (China), this has not been done. Time was lost on the creation of new jobs; in the industrial orientation of the state, there were no priorities for the development of important industries for national competitiveness. As a result, the economic growth was lost.

Keywords: reform, market, model, corporate governance, institutions, industrial policy.

Рассматривая итоги рыночных реформ 1990-х — 2000-х в Российской Федерации, видно, насколько сложен был объект реформирования (социалистическая экономика), его системная организация, социально-экономическая структура, институты, исторические и географические особенности, и насколько поверхностными были методы, инструменты и подходы реформаторов, которые не способствовали появлению рыночной модели российской экономики, способной к саморазвитию и эффективному росту [1–6]. Тем не менее можно извлечь некие обобщенные данные для практической пользы и критического рассмотрения многих, достаточно спорных допущений теории рынка. Не вдаваясь в подробности, согласимся с тем, что игнорирование системных принципов, исторического рыночного опыта, теоретический нигилизм не способствовали успеху рыночных преобразований в России. Государственная собственность во многих случаях была приватизирована не для производства, а для спекулятивных продаж и фактически потеряла свое первоначальное содержание. Можно привести примеры таких регионов Сибирского федерального округа, как Алтайский край (Рубцовский тракторный завод, Моторный завод, ХБК, и т. д.); Новосибирская область (Сибсельмаш, Сибтекстильмаш и другие), аналогично и по другим регионам. Новые, значимые для национальной экономики предприятия не были созданы, программы модернизации и инноваций не дали ожидаемых результатов [7–10]. Появился своеобразный феномен в практике рыночной экономики отдельной страны, когда не предпринимательство, не инвестиционная активность бизнеса и населения, а узкокорыстные интересы лиц, афилированных с властью, стали определять рыночные процессы. Такая экономика получила название «экономика физических лиц» [5], а в случае прямой ориентации на государственный бюджет — «экономика раздатка» [11]. Как считает Дж. Стиглиц, таким результатам реформ необходимо искать правдоподобные интерпретации и теоретическое объяснение [12].

Академик А. Г. Аганбегян констатирует: «Очевидно, что сложившаяся переходная, смешанная социально-экономическая система России не удовлетворяет наше общество. Из 26 лет существования новой России 14 лет (1991–1999, 2009, 2013–2016 гг.) страна пребывала в стагнации и кризисе, а в оставшиеся 12 лет (2000–2008 и 2010–2012 гг.) осуществлялся восстановительный рост. В результате основные экономические и социальные показатели страны за это время практически не выросли. Главный экономический показатель — валовой внутренний продукт — только в 2008 г. на 7% превзошел наивысший уровень,

достигнутый в советской России в 1989 г., затем опять снизился в кризис 2009 г., слегка приподнялся в трехлетний восстановительный период 2010–2012 гг. и снова на 4,5% опустился в 2015–2016 гг. Так что его уровень практически не вырос. Промышленность, сельское хозяйство, строительство достигли только 80% к уровню 1989 г. Снизился и грузооборот транспорта» [1, с. 72–73]. В этой же работе А. Г. Аганбегян приводит неутешительный анализ социальной, демографической и инвестиционной сфер, указывая на падение, по сравнению с советской Россией, показателей науки, образования, здравоохранения и инвестиций. Самое настораживающее явление это резкая дифференциация доходов и потребления населения. На основе системного анализа экономического развития ведущие экономисты: В. В. Ивантер, С. Ю. Глазьев, О. Дж. Говтвань, М. С. Гусев, М. Ю. Ксенофонов, Д. В. Кувалин, А. К. Моисеев, Б. Н. Порфирьев, В. В. Семикашев, М. Н. Узяков, и многие другие [3, 13, 14] сделали вывод о том, что социально-экономическая модель экономики РФ не обеспечивает устойчивого, динамического развития, и требует коренного изменения.

В этой связи возникает вопрос: какую социально-экономическую систему следует формировать в России? Какие итоги реформ несут конструктивную информацию для выработки стратегии преобразований? Первое, сформировать рынок без эволюции его развития в России было весьма не просто, обещания реформаторов оказались обещаниями дилетантов, к сожалению, невидимой руки рынка у нас не оказалось. В частности, и потому что «требуется институциональная инфраструктура, включающая не только механизм обеспечения соблюдения контрактов, но и политику в области конкуренции, законодательство о банкротстве, а также финансовые институты и регулирование. И хотя создание институциональной инфраструктуры требует времени, без нее приватизация, скорее, приводит к распродаже активов, чем к созданию богатства» [12, с. 113].

Второе, после приватизации производственных активов, когда в экономику РФ пришел частный интерес и управление, согласно «теории», должен был начаться процесс предпринимательской активности, конкуренции, инвестиций, создание крупных корпораций, эффективных собственников, вовлечение в экономические процессы населения через деятельность фондовых бирж, банков и т. п. Однако все пошло не так. Следует отметить, что государство путем создания проектов и стратегий, оказания поддержки и помощи малым формам бизнеса, пыталось активизировать мотивацию к высокотехнологичному производству; инновационным процессам, однако полученные от этих мер резуль-

таты нельзя считать удовлетворительными. В период с 2000 по 2020 г. в России не появилось ни одной инновационно-ориентированной корпорации со своими уникальными компетенциями и разработками, не считая некоторых отраслей ВПК [10]. Как представляется, реформирование директивной экономики СССР осуществлялось без элементарного плана или программы, главное было завладеть активами [7, 15]. В результате волюнтаризма в РФ получили рыночную экономику без институтов, без мотивации к развитию, без национальной ориентации и социальной ответственности бизнеса и не оправданно высокий вывоз капитала за границу.

Естественно, такая рыночная экономика стала активно критиковаться авторитетными учеными. Так, В. М. Полтерович считает, что нужно сначала увеличить российский ВВП в расчете на душу населения до европейского уровня и осуществить стратегию «догоняющего развития». В ее рамках [15] предполагается стимулировать частную инициативу и расширять конкуренцию; опираться на обоснованную промышленную политику; организовать подлинное частно-государственное партнерство; повысить качество институтов, регулирующих деятельность бизнеса.

В этом контексте назрела важнейшая задача определения и осознания государством проблем национальной экономики, определения ее организационно-структурных элементов (отраслей и отдельных видов деятельности) и опираться на стратегию развития. Как считает С. Ю. Глазьев, российское правительство не уделяло должного внимания структурной составляющей промышленной политики российского государства за все годы после распада СССР, что естественно без промышленных инвестиций привело к разрушению ее технологической структуры и структурному кризису [3].

В. М. Кудров, анализируя процессы «накопление — сбережение», показывает неэффективность использования ресурсов развития и тоже призывает к модернизации экономики [7].

Отдельные авторы (В. В. Ивантер, Б. Н. Порфирьев, А. А. Широков, И. Н. Шокин) считают, что российская экономика определяется структурно-технологическим неравновесием, по причине научно необоснованного распределения производственных и финансовых активов в технологическом, отраслевом и региональном аспектах. Они утверждают, что нужна специальная «структурно-инвестиционная политика» устранения существующих диспропорций, которые не могут быть урегулированы на основе рыночных принципов [16]. Вышеуказанные схемы реформирования экономики РФ, можно сказать, были сформированы

на основе анализа действующей практики в период с 2000 г. и позже. Ряд авторов рассматривали эти же проблемы и с позиций теории. Сопоставляя факты и положения, было замечено, что экономическая теория стала отставать от экономической практики: сильное вмешательство государств в конкуренцию, поддержка государствами монополизации национальных корпораций, создание военно-политических и экономических блоков и союзов, возникновение торговых барьеров, экономические кризисы не могут быть интерпретированы с позиций традиционной экономической теории [10]. В этом контексте российская перестройка вообще не вписывается в категорию «индустриальной эволюции» Д. Дози, которая обязательно представляет собой исторический процесс, в котором следующий этап развития зависит от предыдущего этапа и отличается необратимостью движения [16].

Процесс такой эволюции характеризуется выбором более эффективных вариантов (например, технологических укладов) и лучших технологий (тенденций), при этом иногда возникают отступления от некоего варианта технологической и институциональной эволюции, тенденции. Могут доминировать менее прогрессивные уклады или структуры, которые могли быть доступны как вариант выбора, но были отвергнуты. Здесь возникает вопрос: как формируются сильные ограничения, которые в исторической перспективе управляют действиями агентов и корпораций? И что толкает их покидать пределы тех или иных технологий, производственных систем и социальных образований? Научной аргументации этого явления, как некоторого исхода эволюции, по существу пока нет [10]. При этом некоторые исследователи и эксперты считают, что «спекулятивный фактор» часто доминирует над научными принципами принятия решений [11, с. 31]. Можно привести примеры из реальной практики отношений бизнеса и власти в России. Так, агенты, ставшие собственниками активов, не стали придерживаться той самой «теоретической рациональности», являющейся неким постулатом теории фирмы, которую Д. Дози оправданно подвергает критике в статье «Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы» [16]. Одной из ярких иллюстраций этого утверждения является выведение сотен миллиардов долларов из экономического оборота и из страны, а поскольку эти деньги получены не на новых, созданных новыми капиталистами предприятиях, а за счет эксплуатации национальных ресурсов (нефть, газ, природные ископаемые), то вывозят они не прибыль, а ренту (табл. 1). Это показывает явный провал корпоративного управления как рыночного механизма регулирования

экономики, пришедший на смену плановым методам.

Таблица 1
Вывоз капитала из Российской Федерации

Годы	Объем вывоза, млрд долл.	Годы	Объем вывоза, млрд долл.
2008	133,6	2014	154,1
2009	57,5	2015	56,9
2010	30,8	2016	15,4
2011	81,4	2017	31,3
2012	53,9	2018	60
2013	61	итого	766,2*

Источник: URL: http://fincan.ru/articles/28_ottok-kapitala-iz-rossii-ctatistika-po-godam/http://investorschool.ru/ottok-kapitala-iz-rossii-2017-statistika

* Сумма, рассчитанная с 1994 г.

Дж. Стиглиц, отмечая проблемы экономики РФ, в частности, объясняет это и провалами корпоративного управления, когда в сочетании с анархией новых собственников и слабой регуляторной позицией государства возникает возможность изъятия капиталов из воспроизводственного цикла путем распродажи и вывоза за границу активов [12]. Естественно, что подобные проявления «российского рынка» существенным образом сдерживают рост экономики РФ. Вместе с тем многие авторы, В. В. Ивантер, О. Дж. Говтвань, М. С. Гусев, М. Ю. Ксенофонтов, Д. Б. Кувалин, Ю. Б. Винслав, В. О. Осьмаков и др., считают, что потенциал роста национальной экономики достаточно высокий даже в сложившихся постперестроечных условиях [13, 17].

Потенциал роста есть, как им воспользоваться? Как представляется, приватизация дала больше негативных факторов, чем позитивных (хотя это не фатально, как считают многие специалисты, это скорее результат выбранных методов приватизации, а не дискредитация принципа частной собственности): подлинно рыночные механизмы (предпринимательство, частная инициатива, конкуренция, владение собственностью, корпоративная организация бизнеса и многое другое) не удалось выстроить, а тот паллиативный рынок, что получился в результате действий реформаторов, не смог восполнить потерю системности и связности экономики, сбалансированность функционирования, планомерность, кооперацию, отраслевую пропорциональность и обоснованность цен [17, 18,]. Тем не менее «экономика существенно недоинвестирована, не удовлетворена значительная часть потребности населения в жилье; во многих регионах низок уровень обеспечения объекта-

ми транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры; сохраняются серьезные разрывы в отраслевой и технологической ткани отечественной экономики (есть производство электроники, но нет собственной полноценной элементной базы; есть производство техники, но почти нет высокотехнологичных станков отечественного производства, и т. д.)» [13, с. 4]. Однако базовые производственные факторы роста в российской экономике имеются при отсутствии ресурсных ограничений. Загрузка производственных мощностей не более 70–80%, следовательно, при увеличении спроса можно быстро обеспечить увеличение объемов выпуска. Значительны резервы и в области повышения эффективности занятости и производительности труда. Как утверждают авторы статьи «Система мер по восстановлению экономического роста в России» [13], примерно 30% работающих на российских предприятиях заняты малоквалифицированным трудом, с плохой организацией рабочих процессов. Это, конечно же, значительный резерв роста, поскольку при обеспечении данной категории работающих современными рабочими местами производство в стране может вырасти на десятки процентов.

Сложившаяся экономическая модель российской экономики (ресурсная направленность, пассивность в инновационной сфере, низкая доля обрабатывающих, высокотехнологичных отраслей, низкая заработная плата, стагнация роста ВВП и т. д.) вызывают угрозы, требующие немедленного реагирования со стороны государства, например, путем разработки специальной стратегии, или промышленной политики, направленной на создание новых рабочих мест, способствующих повышению качества и безопасности жизни населения. Концептуальная основа промышленной политики должна включать четкое представление о типах и видах производства в масштабах всей страны. Так, В. Л. Тамбовцев в работе [19] утверждает, что надежность роста ВВП страны обеспечивается сбалансированной структурой экономики, сочетающей крупные корпорации с существенным количеством средних и малых предприятий. В этом случае оптимально сочетается национальная безопасность и эффективность с точки зрения развития и конкурентоспособности. Автор полагает, что государство имеет возможность предложить необходимые стимулы и преференции развитию конкурентных высокотехнологичных отраслей. Весьма важный императив обеспечения роста экономики заключается в создании институтов инвестирования экономического роста. В этом контексте, как считают авторы [10], необходимо создать и внедрить в практику управления национальной модели корпоративного управления. Именно

в этом кроются существенные резервы инвестирования, в частности, появится возможность резко сократить вывоз капитала за границу, что позволит обеспечить значительный прирост инвестиций в экономику. «Бегство капитала из России ускорило в 2020 году и достигло 47,8 млрд долларов. Это в 2,2 раза больше, чем было в 2019 году, свидетельствуют данные Центробанка. Всего же с 1994 года чистый отток капитала из России вырос до 829,6 млрд долларов. Данная сумма превышает ВВП Швейцарии — 708 млрд долл., Саудовской Аравии — 681 млрд или Турции — 650 млрд» [20]. В частности, следует активизировать появление крупных предприятий при согласованной разработке конструктивных правил для корпоративного сектора экономики. Это необходимо, прежде всего, для акционеров и миноритарных инвесторов и уходу от «инсайдерской, предпринимательской модели, характерной для переходных экономик, «когда единоличный собственник или ограниченное число собственников владеют активами и финансовыми результатами деятельности корпорации» [10, с. 135]. Ориентация на современные, апробированные в передовых экономиках западных стран модели корпоративного управления позволят существенно уменьшить количество необоснованных изъятий из оборота нераспределенной прибыли, которая при отсутствии адекватного корпоративного управления проста расхищается.

Одной из болезненных проблем российской экономики является неудовлетворительное состояние ее реального сектора, чрезмерно зависящего от импорта и внешних поставок, и которые, кроме прочего, влияют и на создание новых рабочих мест. Зависимость от импорта складывалась в результате ошибочной оценки перспектив глобализации и международного разделения труда, а также упрощения представлений о необходимой структуре экономики, потери кооперационных связей и потери многих производств после распада СССР. Внешне это вполне напоминает процесс деиндустриализации. Хотя, как считает В. А. Красильщиков, Россия встала не перед выбором стратегии деиндустриализации, а оказалась между деиндустриализацией, являющейся следствием роста эффективности самого индустриального сектора, и поверхностной, искусственной, вызванной внешними факторами, и порочной экономической политикой [21]. В работе «Об искусстве компромисса между целями экономической политики в свете кризиса в России в 2015–2016 годах» [22] О. А. Баранов осуществил развернутый анализ динамики роста российской экономики. Здесь мы остановимся только на самых общих итогах этой работы. Так, «по первой оценке Росстата, в 2016 г. ВВП России сократился относительно 2015 г. на 0,2%. В целом за 2015–2016 гг.

ВВП России уменьшился на 3%. Существенно упали реальные доходы населения — примерно на 9% за два года, в том числе на 5,9% — в 2016 г. Продолжился существенный спад в инвестиционном комплексе. По предварительной оценке, инвестиции в основной капитал в 2016 г. по сравнению с 2015 г. сократились на 0,9%, а за 2015–2016 гг. — на 10,9%» [22, с. 49]. Данные Росстата показывают, что с 2015 по 2020 г. экономика находится в состоянии стагнации, что является убедительной аргументацией оценки ее состояния, приведенной выше.

Ряд специалистов считает, что приоритетное значение для восстановления и активизации промышленности РФ (индустриального сектора экономики) имеет инвестиционное машиностроение [23, 24]. При этом они предлагают внутри него в обязательном порядке организовать систему машиностроительных предприятий инвестиционного характера. В текущий период к таким предприятиям следует отнести производство кузнечно-прессовых машин, станкостроение, электротехническое производство, подъемно-транспортное, энергетическое, электронное и приборостроительное. Необходимость такой стратегии обусловлена императивом последовательного воспроизводства активной доли основных производственных фондов и всего комплекса предприятий машиностроительной отрасли. Так должно быть для нормальной национальной экономики, имеющей рациональную структуру и поступательное развитие. Однако, как утверждают А. К. Корнев, С. И. Максимцова, С. В. Трещина, на практике происходит потеря ключевых для экономики страны производств, то есть деиндустриализация. «Деиндустриализация экономики РФ сопровождается ростом добычи и экспорта сырьевых ресурсов, прежде всего нефтегазовых, а доходы от их экспорта используются для закупок по импорту продукции обрабатывающей промышленности, прежде всего конечной. В итоге сложилась экспортно-сырьевая модель отечественной экономики, в рамках которой происходит оптимизация производственных затрат» [23, с. 50]. Естественно, что для процесса оптимизации важным фактором является критерий и конечно, это не народнохозяйственный, а обеспечивающий интересы сырьевых компаний. При этом доходы от экспорта нефти и газа не в полной мере восполняют затраты на приобретение продукции обрабатывающих отраслей и в первую очередь современных станков и технологических линий инновационного характера. Дефицит импортного высокотехнологичного оборудования сдерживает своевременное обновление технологий отечественных предприятий, снижает их конкурентоспособность, загрузку мощностей или вообще приводит их к ликвидации.

Весьма красноречиво демонстрируются противоположные процессы увеличения числа предприятий с одновременным снижением численности работающих во время массовой приватизации. Быстрый рост количества предприятий объясняется насильственным разукрупнением производственных объединений, с одной стороны, и цеховой приватизацией — с другой. Когда практически каждый цех завода становился отдельным, самостоятельным предприятием. «Число промышленных предприятий увеличилось за пять лет с 61 тыс. до 156 тыс., то есть в 2,5 раза. В дальнейшем их число изменялось в диапазоне от 161 до 145 тыс. при среднем значении в 1996–2004 гг. примерно в 155 тыс. предприятий. При этом численность промышленно-производственного персонала поступательно снижалась в течение всего постсоветского периода с 20 млн чел. в 1992 г. (328 чел. в среднем на одно предприятие) до 12 млн чел. в 2004 г. (77 чел.)» [23, с. 75]. Примерно с та-

кой же закономерностью менялась численность рабочих (см. табл. 2). Примечательно, что количество предприятий увеличилось более чем в 2 раза, а общая численность персонала, включая рабочих, снизилась на 25%. Новых собственников мало заботило производство и развитие этих предприятий. Доставшиеся почти даром, эти активы стали предметом купли продажи, о чем мы говорили выше. Весьма важную информацию об особенностях развития российской экономики дает анализ «Рейтинга 400 российских компаний по объему продаж и прибыли» [25]. Из четырехсот ведущих российских компаний почти 55% (220–230 зарегистрировано в Москве), примерно 10 — в Санкт-Петербурге, Татарстане — 5, Свердловской области — 6, Нижнем Новгороде, Кемерове, Тюмени в среднем — по 4. Во многих исторически промышленных городах со времен СССР осталось 1–2 относительно крупных предприятия, если опираться на рейтинг 400 [25].

Таблица 2

Количество промышленных предприятий в Российской Федерации и численность их персонала в 1992–2004 гг.

Год	Количество предприятий, тыс.	Численность промышленно-производственного персонала, тыс. чел.	
		всего	В том числе рабочих
1992	61,1	20020	16344
1993	104	18864	15640
1994	138	17440	14201
1995	137	16006	13000
1996	156	14934	11870
1997	159	14009	11014
1998	159	13173	10395
1999	158	13077	10245
2000	161	13294	10440
2001	155	13282	10344
2002	151	12886	9947
2003	145	12384	9485
2004	155	11977	9093

Источник: [23, с. 75].

При этом многие крупнейшие компании в СССР, территориально находящиеся и зарегистрированные по месту географического пребывания, например, в Кемеровской области (металлургические комбинаты), Красноярском крае (СУЭК, АЛРОСА) оказались в юрисдикции Москвы.

Длющаяся около 20 лет приватизация (с 1992 г.) меняла не только собственников, но и прописку предприятий, что естественно подрывало экономику регионов. Весьма интересна и отраслевая принадлежность предприятий, вошедших в рейтинг.

Так, первые в 10 лучших компаний попали корпорации нефтяной и нефтегазовой промышленности, за исключением Сбербанка (4-е место) и РЖД (5-е место), группа ВТБ (банковская деятельность) и группа Магнит (торговля). Первые три компании по рейтингу превосходят по объему продаж вошедших в десятку в 6–7 раз. При этом высокотехнологичная компания «Объединенная авиастроительная корпорация», входящая в рейтинг, — на 28-м месте, имеет объем продаж 411578 млн руб., по сравнению с НК «Роснефть» — 8238000 млн руб., то есть уступает в 20 раз.

В свою очередь, в новом рейтинге 2000 крупнейших компаний мира по результатам оценки Forbes закрепились всего 23 российских компании [26].

«В первой сотне рейтинга оказались всего три российские компании. «Газпром» занял 32 место с рыночной стоимостью в \$60,8 млрд. «Роснефть» заняла 53 строчку с капитализацией \$48,1 млрд. «Лукойл» оказался на 99 позиции (\$41,2 млрд). В первую десятку российских публичных компаний также вошли «Сургутнефтегаз» (251 место), «Новатэк» (316), Сбербанк (402), «Транснефть» (405), «Норникель» (424), банк ВТБ (452) и «Татнефть» (539)» [26].

Рейтинг составили компании из 64 стран, оценивание производилось по четырем показателям: рыночная стоимость, доходы, активы и продажи.

Вместо заключения. Многие авторы аргументированно доказывают необходимость опоры в экономике на крупные корпорации. Вот только один пример: компания «Новатэк» (316-е место в рейтинге топ-2000), в компании работают почти 14 000 человек, это достаточно важный критерий полезности для государства. Очевидно, что за рабочими местами стоят налоговые

и социальные платежи, занятость на территории ее дислокации и прочная опора для социальных проектов. Крупные корпорации обычно относятся к типу инновационно-ориентированных, поскольку их доходы позволяют инвестировать значительные суммы на инновационные разработки. Именно крупные корпорации способны осуществлять все этапы инновационных работ от фундаментальных исследований до массового производства и переносить центр конкуренции в сферу компетенций.

Однако что Россия делает для появления крупных компаний? Несмотря на конструктивную критику ученых, экспертов, представителей бизнеса, Правительство РФ проводит сверхконсервативную экономическую политику, что резко отличается от политики успешных рыночных стран (Китай, США) [1, 3, 4, 6, 14, 22, 23]. В них для стимулирования экономического роста снижают НДС, уменьшают налог на доходы физических лиц, снижают налог на корпорации, а также уменьшают учетную ставку и осуществляют большое предложение денег на открытом рынке. Естественно, это существенно увеличивает рост экономики за счет притока инвестиций и активности населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аганбегян А. Г. В преддверии структурных реформ и социально-экономического роста: куда идти? (размышления над книгой «Новое интегральное общество») // ЭКО. 2017. № 1. С. 72–93.
2. Винслав Ю. Б. Эволюция постсоветской экономической системы // РЭЖ. 2020. № 1. С. 3–53.
3. Глазьев С. Ю., Ивантер В. В., Макаров В. Л., Некипелов А. Д., Татаркин А. И., Гринберг Р. С., Фетисов Г. Г., Цветков В. А., Батчиков С. А., Ершов М. В., Митяев Д. А., Петров Ю. А. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 1. С. 3–22.
4. Глазьев С. Ю., Чистилин Д. К. Куда пойдет Россия? (Анализ предложенных программ социально-экономического развития страны) // Российский журнал. 2017. № 6. С. 3–20.
5. Клейнер Г. Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 56–74.
6. Аганбегян А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
7. Кудров В. М. Экономика России: сущность и видимость // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 39–48.
8. Бажутин И. А., Бажутина М. М. Постиндустриальная модель развития России // Управленческие науки. 2017. № 2. С. 15–23.
9. Кондратьев В. Б. Корпоративный сектор и государство в стратегии глобальной конкурентоспособности // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 3. С. 24–31.
10. Межов С. И., Межов И. С. Национальные проекты: нужна новая модель корпоративного управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2019. № 2. С. 128–144.
11. Бессонова О. Э. Институциональная дилемма современной России // Экономическая наука современной России. 2018. 4 (82) С. 23–36.
12. Стиглиц Дж. Quis custodiet ipsos custodes? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 108–139.
13. Ивантер В. В., Говтвань О. Дж., Гусев М. С., Ксенофонтов М. Ю., Кувалин Д. Б., Моисеев А. К., Порфирьев Б. Н., Семикашев В. В., Узяков М. Н., Широков А. А. Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 3–9.

14. Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Шокин И. Н. Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях // Вестник Финансового университета. 2017. № 1. С. 6–16.
15. Полтерович В. М. О стратегии догоняющего развития для России // Экономическая наука современной России. 2007. № 3 (38). С. 17–23.
16. Дожи Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 31–60.
17. Винслав Ю. Б. Промышленно-инновационная политика в системе государственного управления экономикой: новейшие модернизационные проблемы и подходы к их решению // Российский экономический журнал. 2018. № 3. С. 3–27.
18. Паппэ Я. Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2. С. 83–92.
19. Тамбовцев В. Л. Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 21–37.
20. Капитал страны. Федеральное интернет-издание. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/iz_rossii_vyveli_bolee_800_mlrd_dollarov_za_chetvert_veka/ (дата обращения: 27.02.2021).
21. Красильщиков В. Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 8. С. 34–43.
22. Баранов О. А. Об искусстве компромисса между целями экономической политики в свете кризиса в России в 2015–2016 годах // ЭКО. 2017. № 6. С. 50–63.
23. Корнев А. К., Максимцова С. И., Трещина С. В. Вертикально интегрированные межотраслевые корпорации как форма перехода от деиндустриализации к реиндустриализации отечественной рыночной экономики // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5. С. 50–58.
24. Корнев А. К., Максимцева С. И., Трещина С. В. Рост цен на продукцию добывающей промышленности в постсоветский период и деиндустриализация экономики // Проблемы прогнозирования. 2016. № 5. С. 70–85.
25. Рейтинг крупнейших 400 компаний по России по объему реализованной продукции. URL: <https://expert.ru/dossier/rating/expert-400/> (дата обращения: 27.02.2021).
26. Forbes назвал 2000 крупнейших публичных компаний. Из них 23 — российские. URL: www.forbes.ru/newsroom/biznes/400423-forbes-nazval-2000-krupneyshih-publichnyh-kompaniy-iz-nih-23-rossiyskie/ (дата обращения: 27.02.2021).

REFERENCES

1. Aganbegyan A. On the eve of structural reforms and socio-economic growth: where to go? (Reflections on the book «New Integral Society») // ECO. 2017. No. 1. Pp. 72–93.
2. Vinslav Y. B. Evolution of the post-Soviet economic system // RER. 2020. No. 1. Pp. 3–53.
3. Glazyev S. Yu., Ivanter V. V., Makarov V. L., Nekipelov A. D., Tatarkin A. I., Grinberg R. S., Fetisov G. G., Tsvetkov V. A., Batchikov S. A., Ershov M. V., Mityaev D. A., Petrov Yu. A. On the strategy of development of the Russian economy // Economic science of modern Russia. 2011. No. 1. Pp. 3–22.
4. Glazyev S. Yu., Chistilin D. K. Where will Russia go? (Analysis of the proposed programs for the socio-economic development of the country) // Russian journal. 2017. No. 6. Pp. 3–20.
5. Kleiner G. B. From «the economy of individuals» to the systemic economy // Problems of Economics. 2017. No. 8. Pp. 56–74.
6. Aganbegyan A. On urgent measures to resume social and economic growth // Problems of forecasting. 2019. No. 1. Pp. 3–15.
7. Kudrov V. M. Economy of Russia: essence and visibility // World economy and international relations. 2009. No. 2. Pp. 39–48.
8. Bazhutina I. A., Bazhutina M. M. Postindustrial model of development of Russia // Management sciences. 2017. No. 2. Pp. 15–23.
9. Kondratyev V. B. The corporate sector and the state in the strategy of global competitiveness // World Economy and International Relations. 2009. No. 3. Pp. 24–31.
10. Mezhev S. I., Mezhev I. S. National projects: a new corporate governance model is needed // Management and business administration. 2019. No. 2. Pp. 128–144.
11. Bessonova O. E. Institutional dilemma of modern Russia // Economic science of modern Russia. 2018. № 4 (82). Pp. 23–36.

12. Stieglitz J. Quis custodiet ipsos custodes? Failures of corporate governance in the transition to the market // *Economic science of modern Russia*. 2001. No. 4. Pp. 108–139.
13. Ivanter V. V., Govtvan O. Dzh., Gusev M. S., Ksenofontov M. Yu., Kuvalin D. B., Moiseev A. K., Porfirev B. N., Semikashev V. V., Uzyakov M. N., Shirov A. A. A system of measures to restore economic growth in Russia // *Problems of forecasting*. 2018. No. 1. Pp. 3–9.
14. Ivanter V. V., Porfiriev B. N., Shirov A. A., Shokin I. N. Fundamentals of structural — investment policy in modern Russian conditions // *Bulletin of the Financial University*. 2017. No. 1. Pp. 6–16.
15. Polterovich V. M. On the strategy of catch-up development for Russia // *Economic science of modern Russia*. 2007. No. 3 (38). Pp. 17–23.
16. Dosie J. Economic coordination and dynamics: some features of the alternative evolutionary paradigm // *Problems of Economics*. 2012. No. 12. Pp. 31–60.
17. Vinslav Yu. B. Industrial and innovation policy in the system of public administration of the economy: the latest modernization problems and approaches to their solution // *Russian Economic Journal*. 2018. No. 3. Pp. 3–27.
18. Pape Ya. Sh. Russian big business as an economic phenomenon: specific features, models of its organization // *Problems of forecasting*. 2002. No. 2. Pp. 83–92.
19. Tambovtsev V. L. Does industrial policy need theoretical justifications? // *Economic Issues*. 2017. No. 5. Pp. 21–37.
20. Capital of the country. Federal Internet edition. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/iz_rossii_vyveli_bolee_800_mlrd_dollarov_za_chetvert_veka/ (date of access: 27.02.2021).
21. Krasilshchikov V. Deindustrialization, reindustrialization and development // *World Economy and International Relations*. 2016. No. 8. Pp. 34–43.
22. Baranov O. A. On the art of compromise between the goals of economic policy in the light of the crisis in Russia in 2015–2016 // *ECO*. 2017. No. 6. Pp. 50–63.
23. Kornev A. K., Maksimtsova S. I., Treshchina S. V. Vertically integrated intersectoral corporations as a form of transition from deindustrialization to reindustrialization of the domestic market economy // *Problems of forecasting*. 2017. No. 5. Pp. 50–58.
24. Kornev A. K., Maksimtseva S. I., Treshchina S. V. The rise in prices for products of the extractive industry in the post-Soviet period and the de-industrialization of the economy // *Problems of forecasting*. 2016. No. 5. Pp. 70–85.
25. Rating of the largest 400 companies in Russia by volume of products sold. URL: <https://expert.ru/dossier/rating/expert-400/> (date of access: 27.02.2021)
26. Forbes Names 2000 Largest Public Companies. Of these, 23 are Russian. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/400423-forbes-nazval-2000-krupneyshih-publichnyh-kompaniy-iz-nih-23-rossiyskie/> (date of access: 27.02.2021).

Поступила в редакцию: 12.03.2021.

Принята к печати: 05.04.2021.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Бутакова Марина Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: marina.butakova.59@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6331-0258

Водясов Павел Владимирович, кандидат экономических наук, ИП Водясов (Барнаул, Россия), e-mail: vodyasov@mail.ru

Волосков Алексей Борисович, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: 93abv@mail.ru

Герauf Юлия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: julia_gerauf@mail.ru

Глотова Наталья Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: niglotova@inbox.ru. ORCID: 0000-0001-6506-9372

Глубоков Иван Олегович, аспирант кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: Ivanglubokov97@mail.ru

Горбунов Юрий Вадимович, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: barnaul-gorbunov@mail.ru

Горбунова Алла Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: Gorbunova-Alla@mail.ru

Горянинская Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olga.goryaninskaya@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7461-5989

Добрыднев Сергей Иванович, кандидат экономических наук, доцент Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия), e-mail: sdo18@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1849-4427

Добрыднева Тамара Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: tamara_dobrydneva@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8325-4211

Зиновьев Аркадий Гаврилович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: zinag60@mail.ru

Исаева Ольга Владимировна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: isaeva.olgav@mail.ru

Кошевой Олег Сергеевич, доктор технических наук, профессор Пензенского государственного университета (Пенза, Россия), e-mail: olaa1@yandex.ru

Кудинова Маргарита Геннадьевна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kudinova_margarita@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7053-7968

Кузьмин Петр Иннокентьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kuzminpi@mail.ru

Кулаева Татьяна Андреевна, главный специалист отдела реализации федеральных и региональных программ и конкурсных процедур Министерства образования и науки Алтайского края, магистрант Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия), e-mail: t-kulaeva@mail.ru

Левченко Татьяна Павловна, доктор экономических наук, профессор кафедры гостиничного и ресторанного бизнеса Сочинского государственного университета (Сочи, Россия), e-mail: lekonst@mail.ru

Межова Людмила Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: lljudmila@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5819-4483

Мищенко Валерий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ikmischenko@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6183-3095

Мищенко Ирина Константиновна, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Алтайского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаул, Россия), e-mail: IKMishenko@fa.ru. ORCID: 0000-0002-1075-6018

Молдажанов Марат Бетимбаевич, кандидат экономических наук, доктор философии (PhD) по экономике, и. о. доцента кафедры бизнеса и управления Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета (Семей, Казахстан), e-mail: mmarat84@inbox.ru. ORCID: 0000-0003-0872-55787

Обиремко Сергей Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: obiremko@inbox.ru

Пуричи Виталий Валентинович, кандидат географических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и предпринимательства Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: purici@outlook.com

Сабына Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sabynaen@mail.ru

Санду Иван Степанович, доктор экономических наук, профессор отдела экономических проблем научно-технического развития АПК ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» (Москва, Россия), e-mail: anna_gu@mail.ru

Семина Лариса Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: seminalarisa@yandex.ru

Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), профессор кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия), e-mail: a.m.sergienko@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8615-7329

Соколова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: son555@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8148-614X

Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета, заведующий лабораторией социально-экономических исследований Алтайского края ИЭОПП СО РАН (Барнаул, Россия), e-mail: rua@dc.asu.ru

Филимонова Наталья Георгиевна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой организации и экономики сельскохозяйственного производства Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Россия), e-mail: natali_f08@mail.ru

Чиркова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономики и управления Рубцовского индустриального института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия), e-mail: olgach2010@mail.ru

Шевчук Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: basurman80@mail.ru

Ященко Александр Васильевич, кандидат экономических наук, генеральный директор АО «Барнаулская горэлектросеть» (Барнаул, Россия), e-mail: alex@bges.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: erb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
 - название статьи;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
 - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
 - название статьи на английском языке;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
 - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
 - собственно текст статьи;
 - библиографический список;
 - references;
 - таблицы с заголовками;
 - рисунки с подписями;
 - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21х30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше;
- рисунки представляются в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, PNG с разрешением не менее 300 dpi;
- набор формул производится с помощью редактора Math Type;
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы на английском языке учитывать порядок библиографического списка. Список литературы на английском языке оформлять под заголовком «References».

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;
- сканированные изображения не принимаются;

- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: erpb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2021. № 2

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № РС77-77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 03.06.2021.
Дата выхода в свет 25.07.2021.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 16,3. Тираж 500 экз. Заказ 205.

Типография Алтайского государственного университета
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66
